

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021 Том 4 № 6

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курyleв Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курyleв Константин Петрович

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович

кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна

доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна

старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассе Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник РФ Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада.

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследования Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ), Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2021 г., следующий:

№ 7 2021	Номер не тематический	До 15 октября 2021 г.
№ 8 2021	Западный фланг СНГ и Прибалтика: итоги 30 лет независимости	До 1 декабря 2021 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

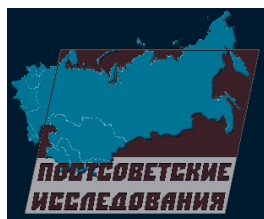
Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2021

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2021 VOLUME 4 No. 6

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Beibutova Risbyubyu Aldzhambaeвна, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2020 will deal with the following issues:

№ 7 2021	Non-thematic issue	Until October 15, 2021
№ 8 2021	Western Flank of the CIS and the Baltic States: Results of 30 Years of Independence	Until December 1, 2021

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

- Князев А.А.** Афганские события весны-лета 2021 г. и обновление региональной безопасности.....456
- Якубов И.Х., Нуриддинов У.К.** Афганский фактор в Центральной Азии: текущие тенденции и перспективы развития.....470
- Шевчук Н.В., Сачик А.А.** Посредничество ЕС: эволюция подходов в контексте урегулирования современных конфликтов.....479

ТЕРРОРИЗМ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

- Андропова А.Р., Павлова П.М., Скоробогатов А.О.** Участие стран СНГ в процессе ратификации контртеррористических конвенций ООН.....488
- Павлова М.А., Пронкул Е., Судоргин А.Е.** История становления и современное состояние перечня организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах-членах ОДКБ.....497
- Гаделия Д.Г., Ермолаев И.А., Стуруа М.Д.** Антитеррористическая деятельность в Причерноморском регионе.....501
- Шаравина А.Д.** Террористическая деятельность в Республике Беларусь: суть и способы противодействия со стороны государства.....510

УКРАИНА

- Ковбас Е.С., Доманов А.О.** Пространственный анализ трансформации электорального поведения на выборах в Верховную Раду Украины под влиянием политического кризиса 2013-2014 гг.....517

МЯГКАЯ СИЛА

- Маслова К.В.** «Мягкая сила» России в Центральной Азии в контексте борьбы с пандемией коронавируса: может ли «вакцинная дипломатия» завоевать «умы и сердца»?.....531

- ОТ РЕДАКЦИИ**.....337

Contents

REGIONAL CONFLICTS

- Knyazev A.AI.** Afghan Spring-Summer 2021 events and renewal of regional security.....456
- Yakubov I.Kh., Nuriddinov U.K. ogli** The Afghan factor in Central Asia: current trends and development prospects.....470
- Shevchuk N.V., Sachik A.A.** EU Mediation: Evolution Of The Approaches In The Context Of Modern Conflict Resolution479

TERRORISM IN THE CIS SPACE

- Andronova A.R., Pavlova P.M., Skorobogatov A.O.** Engagement of CIS countries in the UN counterterrorism conventions ratification process.....488
- Pavlova M.A., Pronkul E., Sudorgin A.E.** The history of creation and the current state of the list of organizations declared terrorist and extremist in CSTO member-states.....497
- Gadalia D.G., Ermolaev I.A., Sturua M. D.** Counterterrorism practice in the Black Sea region.....501
- Sharavina A.D.** Terrorist activity in the Republic of Belarus: the essence and methods of counteraction by the state.....510

UKRAINE

- Kovbas E.S., Domanov A.O.** Spatial Analysis of the transformation of electoral behavior in Ukrainian parliamentary election under 2013-2014 political crisis.....517

SOFT POWER

- Maslova K.V.** Russia's "soft power" in Central Asia in the context of the fight against the coronavirus pandemic: is "vaccine diplomacy" able to win "hearts and minds"?.....531

- FROM EDITORIAL BOARD**537

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Научная статья / Research article

Афганские события весны-лета 2021 г. и обновление региональной безопасности

А. А. Князев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия

e-mail: alexander.a.knyazev@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются причинно-следственные связи событий в Афганистане весной-летом 2021 г. в проекции на сферу региональной безопасности Центральной Азии. Новая ситуация в ИРА, связанная с военным наступлением движения «Талибан»¹ и противоречивостью возникшего политического режима, создает необходимость пересмотра характера угроз, традиционно рассматривавшихся с афганского направления. Рассматриваются реакции стран Центральной Азии на афганские события, соотношение внешних и внутренних угроз безопасности региона, также констатируется, что в политике региональных стран отсутствует какая-либо координация, отсутствуют тенденции к кооперации в сфере безопасности. В заключение делается ряд выводов, в частности, о сохранении роли России как единственного гаранта безопасности всех Центральной Азии, о необходимости уже в краткосрочной перспективе пересмотра своей афганской политики центральноазиатскими странами с учетом превращения движения «Талибан» в реальную политическую силу в Афганистане.

Ключевые слова: Афганистан, Центральная Азия, региональная безопасность, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, терроризм.

Для цитирования: Князев А.А. Афганские события весны-лета 2021 г. и обновленная региональная безопасность. Постсоветские исследования. 2021;4(6):456–469.

Afghan Spring-Summer 2021 events and renewal of regional security

Alexander Al. Knyazev

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: alexander.a.knyazev@gmail.com

Abstract. The article examines the cause-and-effect relationships of the events in Afghanistan in the spring-summer of 2021 in terms of the regional security in Central Asia. The new situation in the IRA, associated with the military offensive of the Taliban movement and the inconsistency of the emerging political regime, creates the need to revise the nature of the threats traditionally considered from the Afghan direction. The reactions of the Central Asian countries to the Afghan events, the ratio of external and internal threats to the security of the region are considered, it is also stated that there is no coordination in the policy of the regional countries, there are no tendencies for cooperation in the field of security. In conclusion, a number of conclusions are drawn, in particular, on the preservation of the role of Russia as the only guarantor of the security of all Central Asia, on the need for the Central Asian countries to reconsider their Afghan policy in the short term, taking into account the transformation of the Taliban movement into a real political force in Afghanistan.

Keywords: Afghanistan, Central Asia, regional security.

For citation: Knyazev A.Al. Afghan Spring-Summer 2021 events and renewal of regional security. Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2021;4(6): 456–469. (In Russ.)

¹ Организация запрещена в РФ.

Обзор литературы. Проблемы влияния военно-политического конфликта на безопасность Центральной Азии исследуются в работах большого числа авторов применительно к периоду до начала 2010-х гг. Отдельно нужно выделить исследования советского периода, остающиеся актуальными по отдельным аспектам и к рассматриваемому в данной статье времени. Это, прежде всего, работы М.Ф. Слинкина [Слинкин 1995], В.В. Басова [Басова 2011], В.Н. Спольникова [Спольников 1990], И.Е. Каткова [Катков, 1989]. Среди российских авторов более позднего периода можно назвать В.Г. Коргуна [Коргун 1986, 1999, 2002, 2004], В.Н. Пластуна [Пластун 2002], Р.Р. Сикоева [Сикоев 2004], Ю.В. Босина [Босин 2000], А.А. Князева [Князев 2003, 2004, 2008]. Значительно шире — и в основном применительно к постсоветскому времени — данная тематика представлена в работах исследователей Казахстана, Таджикистана, Узбекистана. Это работы С.М. Акимбекова [Акимбеков, 2003], К. Искандарова [Искандаров 1996, 1999], Е. Абдуллаева [Абдуллаев 1997], Р. Абдуллоева [Абдуллоев 2013] и др.

В 1990-х гг. общее представление об угрозах афганского происхождения дифференцировалось на три составляющие [Князев 2004: 6, 236, 250]. Во-первых, это производство и распространение наркотиков, наркотрафик. Во-вторых, незаконная или слабоконтролируемая миграция, афганские беженцы. И, в-третьих, взаимодействие между оппозиционными действующим правительствам стран Центральной Азии радикальными религиозными группировками, включая и незаконные вооруженные формирования, с теми или иными афганскими военно-политическими силами непосредственно в Афганистане. Под «афганским происхождением» в данной статье понимается использование территории Афганистана для формирования источников угроз безопасности. Вопросы безопасности не рассматриваются в широком понимании этой дефиниции, рамки статьи сужены до рассмотрения проблем безопасности в военной и взаимосвязанных с нею сферах, включая, прежде всего, во-

просы, связанные с трансграничным распространением экстремизма и терроризма, наркопроизводства и наркотрафика.

К настоящему времени можно утверждать об актуальности двух компонентов из вышеназванных: это, по-прежнему производство и распространение наркотиков, и это процессы, связанные с деятельностью экстремистских и террористических групп, использующих территорию Афганистана для своих целей в силу затянувшейся на десятилетия неспособности афганского правительства контролировать собственную территорию. Обострение военно-политической ситуации весной-летом 2021 года дало определенные импульсы к миграции населения внутри Афганистана, единичные случаи перехода границ с Таджикистаном и Узбекистаном афганскими военнослужащими нельзя считать началом массовой эмиграции населения, тем более что в странах региона (в первую очередь — в Узбекистане и Туркмении) официально занята позиция недопущения афганских граждан на свои территории.

Этнополитический фактор

Отдельный фактор, содержащий и содержащий в себе определенный дестабилизирующий потенциал и в значительной мере формирующий угрозы в сфере безопасности, связан с наличием в этнополитической структуре Афганистана этнических общностей и диаспор, родственных государствообразующим этносам стран Центральной Азии. На протяжении всего времени после прихода к власти «Талибана» в 1996 г., основной дискурс в изучении сферы региональной безопасности был сосредоточен на явлении терроризма и сопутствующего религиозного радикализма. В то же время, этнополитический баланс афганского общества, начавший формироваться на рубеже XIX-XX вв., так и не завершен, и эта незавершенность самого процесса этнополитической идентификации и консолидации синхронизируется с переходом от традиционной позднефеодальной к модернистской раннекапиталистической формации. Не являясь единственно доминирующим противоречием в развитии афганского общества, этнический фактор, в то же время, играл и играет чрезвычайно важную

роль, он содержит в себе очень высокую конфликтогенность, особенно в случаях и в периоды общеполитических кризисов.

Необходимо принять за аксиому, что Афганистан к началу 1990-х гг. представлял собой зону диффузии нескольких цивилизационных типов — традиционного, раннемоdernистского, а также элементов индустриального общества, что влекло за собой резкое снижение роли традиционных лидеров. Даже джихад против советских войск был, в определенной мере, борьбой за власть между лидерами родоплеменных союзов, т. е. конфликтом преимущественно традиционного общества. Внедрение новых, идеологических и политических компонентов подорвало основу традиционного общественно-политического устройства Афганистана. С одной стороны, новый импульс получил процесс консолидации тех, кто прежде относился к этническим меньшинствам. С другой стороны, процесс разложения традиционного общественного строя и появление новых форм групповой идентификации и интеграции спровоцировал мощное противодействие, воплощением которого и стало движение «Талибан».

Этноцентричная идеологическая доктрина «Талибана», наряду с религиозно радикальным концептом, является одним из главных внутренних оснований продолжающегося конфликта, являясь и важным препятствием всех попыток урегулирования. В условиях продолжающегося внутреннего конфликта в среде этнических меньшинств Афганистана иногда возникают условия для поддержки радикальных оппозиционных группировок из стран Центральной Азии среди афганских туркмен, узбеков, таджиков. Это было одной из основ поддержки на севере Афганистана для Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) в Таджикистане в 1990-х гг., для Исламского движения Узбекистана (ИДУ), в 2010-х гг. — такую поддержку получали подпольные радикальные группы в Марыйском вилайете Туркмении со стороны туркменских общин северо-западных афганских провинций. Но примеров того, как этническое единство, наряду с религиозной солидарностью, являлось бы де-

стабилизирующим началом на центрально-азиатском направлении, очень мало и их нельзя рассматривать как системные.

Фактор наркотрафика

К 1990-м гг. в мире окончательно утверждается тенденция, согласно которой районы незаконного производства и транзита наркотических веществ совпадают с зонами конфликтов низкой и средней интенсивности. При этом производители наркотиков становятся прямо заинтересованы в поддержании и продлении режима нестабильности в этих регионах. Нелегальное распространение наркотиков наряду с торговлей оружием и международной коррупцией уже устойчиво является важнейшим фактором криминализации международных отношений, а перманентно кризисная ситуация в Афганистане является едва ли не наиболее ярким примером этой тенденции [Князев 2003: 7, 92-93]. Эти процессы в настоящее время устойчиво действуют, в частности — в странах Центральной Азии, не показывая признаков к сокращению и в значительной степени снижая через коррупционные механизмы эффективность всех страновых, региональных и международных структур, работающих в сфере безопасности Афганистана и стран центральноазиатского региона [Князев 2008: 277-279].

В период после 2002 г., в период присутствия в Афганистане военных контингентов США и НАТО, ситуация в военно-политической сфере и в сфере производства и трафика наркотиков только ухудшалась. Разные страны, участвующие в натовской миссии, придерживались своих собственных отдельных стратегических и тактических подходов и зачастую даже не обменивались между собой разведывательной информацией. Отдельные страновые подразделения НАТО устанавливали отдельные связи с местными полевыми командирами для завоевания их лояльности, и никаким образом не препятствуя деятельности, связанной с наркотиками. Существуют и свидетельства того, что эти схемы в ряде случаев были связаны с содействием наркотрафику, например, путем использования транспортных возможностей военных ISAF (интервью автора с представителями афганских силовых структур в апреле 2002 г., в августе 2003 г., в августе 2005 г., а

также с представителями «Талибана» (фракция «Шура Кветты») в Пешаваре в сентябре 2007 г. и ноябре 2014 г..).

К 2001 г. можно констатировать также, что основной коррупционный контроль над производством и распространением наркотиков осуществляется представителями самых разных военно-политических группировок, а также государственных (в первую очередь силовых) структур. Распространенное мнение о почти полной монополии контроля над этой сферой движением «Талибан» не имеет под собой доказательной базы.

События весны-лета 2021 года в Афганистане

Под событиями весны-лета 2021 г. понимается наступление военных отрядов движения «Талибан» на большей части территории страны, поводом к которому послужили сначала нарушение американской стороной достигнутых договоренностей о выводе войск США (вместо 1 мая — 11 сентября 2021 г.), а затем быстрый вывод войск США и НАТО. Хроника военных действий при этом показывает как высокий уровень стратегирования со стороны талибов, так и высокую боеспособность их подразделений. Одновременно талибами учитываются и все возможные недостатки, и слабые стороны правительственных сил безопасности, среди которых — слабая мотивация военнослужащих, низкий уровень боевой подготовки большей части сил безопасности, отсутствие общей стратегии и ситуативное реагирование на наступление «Талибана». Важным фактором этого наступления является мотивационный: это общее недовольство правительством президента А. Гани, это готовность значительной части населения принять режим «Талибана», это выжидательная позиция многих локальных лидеров и групп их поддержки, и другое. Эта мотивация объясняет, например, очень частую сдачу территорий правительственными силами без боя, довольно массовый переход военнослужащих на сторону талибов, пассивность танзимов/лашкараров многих пуштунских регионов и партий этнических меньшинств. Последние проявляют активное сопротивление только в случаях, когда наступление талибов касается ядра их локальных ареалов: так было в июне-июле при

наступлении «Талибана» на Мазари-Шариф, так было в июле-августе — при наступлении на Герат.

Военные события, независимо от их исхода, не должны отвергать понимания существенных причин конфликта. Успешная модернизация общества и государства всегда определяется оптимальным выбором системы государственного управления, политической системы, способной эффективно реализовать интересы всего общества, такой выбор должен быть адекватен геополитическим, экономическим, социокультурным, природным и иным условиям конкретной территории. Для Афганистана, чрезвычайно фрагментированного по множеству критериев и никогда не бывшего в своей истории по настоящему централизованным государством, оптимальным механизмом осуществления государственной политики является традиционная система местного управления и самоуправления, соответствующая сложившимся традициям решения наиболее важных вопросов. Понятно, что необходимы и поиски компромиссных путей конвергенции традиционалистских племенных структур и этнических общин с учреждаемой «сверху» системой централизованной президентской власти в Кабуле.

Речь идет о стремлении части одного из этносов (пуштунского) к доминированию во всех сферах жизни и нивелировке других этнических и религиозных групп. То есть, мы имеем дело с феноменом «имперскости» как внутреннему состоянию доминирующей де-факто (зачастую и де-юре) части общества, условно именуемой титульным или государствообразующим этносом. Но принципиальное отличие Афганистана от других прецедентов осуществления этого феномена состоит еще и в наличии традиции корпоративного межплеменного управления территорией: среди пуштунов почти всегда (за небольшим исключением) важную роль играли такие институты, как советы вождей и старейшин — джирги, а в ситуации войны — лашкары, или танзимы, локальные ополчения. «...Племенное ополчение всегда сохраняет значительную автономность и является лишь временным союзником той или иной армии — органа государственной власти»

[Катков 1989: 44]. Система связей между государством и пуштунскими племенами, существовавшая при монархическом режиме и президенте Дауде, была к 1990-м гг. полностью разрушена. С падением правительства Наджибуллы и приходом к власти президента-таджика Бурханутдина Раббани, множество пуштунских вождей и местных полевых командиров предпочли полную самостоятельность в пределах своего племени или уезда борьбе за единое афганское государство. В этом смысле, многие пуштунские племена вроде бы солидаризировались с национальными меньшинствами в борьбе за интересы локальные в противовес интересам общегосударственным. Страна продолжала оставаться устроенной по принципу танзимов. Тем не менее, в начале 1990-х гг. «Талибану» удалось объединить значительную часть пуштунского населения под идеологией пуштунского ренессанса, дополненного религиозной и антимодернистской мотивацией. Общие же выводы из анализа всего периода западного военного присутствия в Афганистане состоят в том, что «Талибан» — не просто привнесенное извне террористическое движение, поддержка, оказываемая талибам на значительной части территории страны и неспособность войск западной коалиции подавить это движение на протяжении 20 лет — тому подтверждением. Подтверждается это и успехами 2021 г., что только подчеркивает необходимость отказа от военного решения вопроса о власти и характере государственного устройства страны и перехода сторон к сложному, но единственно возможному, пути поиска компромиссов.

Военное и переговорное, внешние акторы афганской ситуации

К 2021 г. военно-политический процесс в Афганистане уверенно дифференцировался на две составляющие. В значительной степени этому способствовали внешние инициативы — со стороны, прежде всего, США и России, и при участии с разной степенью активности со стороны Китая, Турции, Узбекистана. К осени 2020 г. стала понятна и первичная формула движения к афганскому урегулированию. Была сформулирована необходимость достижения соглашения о формировании переходного коалиционного прави-

тельства с участием представителей действующего кабульского правительства, «Талибана» и этнополитических партий. Включение в эту формулу представительства этнических групп можно считать в значительной степени заслугой и российской инициативы в рамках первого межафганского диалога, состоявшегося в феврале 2019 г. в Москве.

Развитие событий в апреле-июне 2021 года отвлекло внимание от других американских инициатив по афганскому вопросу, проявленных в начале 2021 г., и имеющих важное значение для понимания американской политики в Афганистане и регионе. В феврале в Кабуле прошла конференция «Борьба с терроризмом и расширение регионального сотрудничества для устранения угроз терроризма», в которой, кроме хозяев, приняли участие руководители спецслужб Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Пакистана, Азербайджана и США. Официально заявлялось, что обсуждались «вопросы совместной борьбы с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом оружия и наркотиков». Однако рассматривать это событие необходимо в рамках общей американской стратегии формирования региона Центральной Азии с включением в него Афганистана. Можно говорить о появлении нового формата сотрудничества Центральной Азии и США в сфере безопасности, где ключевая роль отводится Кабулу и это может стать важным дополнением к дипломатическому формату C5+1, объединяющему министров иностранных дел пяти стран Центральной Азии и США, причем в такой деликатной, закрытой сфере как деятельность спецслужб и сфера безопасности в целом.

23 апреля 2021 г. прошла очередная встреча министров иностранных дел стран Центральной Азии и США в формате «C5+1». Обращает на себя внимание, что почти все пункты повестки так или иначе связаны с Афганистаном. Это отражает стратегическую линию США на интеграцию между Афганистаном и странами Центральной Азии. В течение апреля 2021 г. со стороны США настойчиво внедряется в информационное пространство тезис о необходимости сохранения американского военного присутствия в регионе на фоне начавшегося вывода

войск США из Афганистана. Эта информационная кампания складывается из таких тезисов:

- после ухода войск США и НАТО в Афганистане резко усилится конфликтность (вариант: придет к власти «Талибан»);

- конфликтность в Афганистане обязательно будет дестабилизировать окружающие страны (вариант: талибы начнут экспансию в соседние страны);

- войска США — единственный фактор стабилизации в Афганистане и регионе;

- для сохранения стабильности в странах региона необходимо сохранение — в том или ином формате — американского военного присутствия.

В начале мая 2021 г. командующий Корпусом специальных операций правительственной армии (ANASOC) генерал-лейтенант Мохаммад Фарид Ахмади предложил странам-соседям Афганистана объединить практические усилия в борьбе с терроризмом созданием общей (международной) базы сил специального назначения. Автором этого проекта является специальный представитель президента США З. Халилзад, который также обсуждал ее в ходе визитов в Душанбе, Ташкент и Нур-Султан в мае 2021 г.

В целом стратегия США для Афганистана и региона может оцениваться как многовариантная: при реализации любого из сценариев, Афганистан остается территорией с сохраняющейся высокой конфликтностью, для управления которой со стороны США создано множество механизмов, сохраняются и возможности для непосредственного вмешательства США — как военного, так и политического характера. Параллельной задачей американской политики по Афганистану является дальнейшее вовлечение стран Центральной Азии в афганский процесс и формирование общерегионального конфликтного пространства.

12 мая 2021 г. в городе Сиань по китайской инициативе прошла встреча министров иностранных дел КНР, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Основной темой встречи была безопасность, в том числе Китай намерен активизировать сотрудничество в области безопасности со странами Центральной Азии на

фоне опасений по поводу возможного роста террористической активности в Афганистане. В Пекине опасаются, что это может создать угрозу его инфраструктурным проектам в рамках инициативы «Один пояс — один путь». Итогом встречи было заявление декларативного общеполитического характера. В ходе визитов в Ашхабад, Душанбе и Ташкент в июле китайский министр иностранных дел Ван И пообещал Туркменистану и затем Таджикистану «традиционное и нетрадиционное» сотрудничество в сфере безопасности для защиты государственной безопасности. Под «нетрадиционным сотрудничеством» скорее всего можно предполагать предстоящее появление и использование на территории стран Центральной Азии частных военных компаний (ЧВК) как способа защиты КНР своих экономических интересов. Для КНР стабилизация в регионе важна не только с точки зрения безопасности уже действующего китайско-пакистанского экономического коридора, что прямо связано с ситуацией в Афганистане, но и для реализации других китайских экономических (в том числе транспортно-коммуникационных) проектов в регионе Центральной Азии и Среднего Востока. В отличие от США и европейских стран, России и Ирана, китайская сторона не акцентирует внимание на требовании создания правительства в Кабуле с эпитетами «коалиционное» или «инклюзивное», и уж тем более «переходное». В Пекине предпочитают говорить о «стабильном» правительстве, а «Талибан» рассматривается как основной фактор стабильности в стране. Совершенно понятно, что стабильность — получается так, что любой ценой — необходима для реализации глобальных китайских экономических проектов. На этом фоне косвенно начинает выглядеть и более убедительной конспирологическая версия многих афганских экспертов о том, что и за самим «триумфальным шествием» талибов элементарно стояли китайские финансовые предпочтения.

Реагирование на ситуацию в Афганистане в странах Центральной Азии

Отдельным сюжетом весны-лета 2021 г. необходимо рассматривать реагирование в

самых странах региона на обострение военно-политической ситуации в Афганистане. Анализ политики каждого из государств региона, а также их взаимоотношений в этом аспекте с внешними акторами, является дополнительным свидетельством того, что даже эта ситуация, воспринимаемая как угроза безопасности региона, не стала причиной или даже поводом для какой-либо внутререгиональной координации (не говоря уже об интеграции или хотя бы сотрудничестве).

Казахстан и Киргизия в этом контексте могут быть объединены в одну группу государств Центральной Азии, фактически не прореагировавших на активизацию военного конфликта в Афганистане. РК и КР подтвердили свои обязательства в рамках ОДКБ, а также проявили небольшую дипломатическую активность на двустороннем уровне — с Россией, а также КНР, а в основном формально присоединяясь к общим декларациям в рамках ОДКБ и ШОС.

Казахстан, Узбекистан и Таджикистан оказались объединены двумя американскими инициативами: предложением о размещении в этих странах военных объектов США, выводимых из Афганистана, и предложением о размещении в РК, РУз и РТ афганских граждан, сотрудничавших с США в Афганистане и опасавшихся преследований со стороны талибов.

Публичную официальную реакцию по поводу просьбы о размещении американских военных объектов продемонстрировал только Ташкент: в заявлении министерства обороны РУз говорилось, что Узбекистан проводит политику неучастия вооруженных сил страны в миротворческих операциях и военных конфликтах за рубежом, что прописано в основополагающих документах, в том числе Конституции, а оборонная доктрина не предусматривает размещение иностранных военных баз и объектов на территории страны.¹ Казахстан и Таджикистан на официальном уровне эту ситуацию никак не прокомментировали.

Сходная ситуация произошла и в вопросе с афганскими гражданами, сотрудничавшими с США, но в этом случае ни одна из

стран региона вообще официально никак не обозначила своих позиций.

Подобное реагирование частично можно объяснить изменившимся отношением к американской политике в ее афганской части. В политических элитах и в обществах стран Центральной Азии достаточно массово утвердилось мнение о том, что в формировании угроз региону с афганского направления виноваты именно США, спровоцировавшие обострение ситуации в Афганистане.

Позиции Узбекистана и Туркмении в рассматриваемой ситуации объединяет как усиление мер военной/пограничной безопасности, так и параллельные контакты с обеими сторонами афганского конфликта: с правительством Афганистана и с движением «Талибан». 10 апреля 2021 г. министр иностранных дел РУз А. Камиллов встречался с главой политического офиса «Талибана» Абдул Гани Барадаром, а уже 22 июня 2021 г. Узбекистан закрыл границу с ИРА, объяснив это «ухудшением эпидемиологической ситуации в соседней стране». 24 июня МИД РУз выступил с заявлением: «Настоятельно призываем все вовлеченные в конфликт стороны воздержаться от применения силы и к недопущению жертв среди гражданского населения». Попытки афганских военнослужащих переходить на территорию Узбекистана узбекская сторона прекратила, сразу же возвратив первую группу таких военнослужащих на афганскую территорию. 24 июня начались учения по приведению войск в боевую готовность, проверки в военных округах.

Общую позицию Узбекистана по отношению к собственно конфликту в Афганистане в те же дни сформулировал министр иностранных дел РУз: «Во-первых, мы должны понять, что у афганского кризиса нет военного решения. Во-вторых, крайне важно, чтобы Афганистан стал неотъемлемой частью региона Центральной Азии. В-третьих, у мирного процесса в Афганистане должно быть единое региональное и международное решение. ... Узбекистан стал первой страной, установившей прямые контакты с лидерами талибов. ...мы считаем, что этот

¹ Минобороны Узбекистана прокомментировало публикацию WSJ о вероятности размещения войск США.

ТАСС, 10 мая 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11334515> (дата обращения 10.08.2021).

вопрос должен решаться на основе взаимного компромисса между нынешней властью и военной оппозицией — Талибаном и другими».¹

Поведение Ашхабада отличается от линии Ташкента меньшей причастностью к собственно урегулированию в Афганистане, и большей направленностью на свои конкретные интересы. 6 февраля 2021 г. в МИД Туркмении прошла встреча представителей туркменского МИД во главе с Рашидом Мередовым с делегацией движения «Талибан», которую возглавил Абдул Гани Барадар. Стороны обсудили совместные афганско-туркменские проекты — газопровод ТАПИ, линии высоковольтной электропередачи и оптико-волоконной связи и железные дороги между двумя странами. Делегация «Талибана» выразила «полную поддержку» этим проектам. Говоря о ТАПИ, представитель талибов заявил: «Как Исламский Эмират Афганистан, мы заявляем о полной поддержке реализации и обеспечения безопасности проекта ТАПИ и других инфраструктурных проектов в нашей стране». В июне 2021 г. была проведена большая компания по подготовке к мобилизации резервистов. В начале июля на специальном заседании Государственного совета безопасности обсуждались вопросы усиления режима границы, который на практике был усилен, в частности, на участке Марыйского вelayата. 10 июля в Ашхабад прибыла делегация «Талибана», делегацию талибов возглавлял один из руководителей политического офиса движения Шер Мохаммад Аббас Станикзай. На прошедших переговорах туркменскую сторону представлял заместитель министра иностранных дел Вера Хаджиев. Речь шла в основном о ненападении, стабилизации на границе и блокировании возможного потока беженцев. В очередной раз обсуждался также вопрос строительства газопровода ТАПИ.

Принципиально другую позицию занимал Таджикистан. Естественно, что боевые действия в непосредственной близости от границы потребовали от силовых структур Таджикистана усиления режима безопасности в приграничных районах и принятия мер по усилению охраны государственной границы. На различных участках границы происходил переход афганских правительственных военнослужащих на территорию РТ, общая численность таких военнослужащих составляет более 2,5 тысяч человек, они были допущены на территорию РТ и значительно позже большинство из них были переправлены на подконтрольную правительству территорию Афганистана. Президентом Э. Рахмоном было принято решение о мобилизации 20 тысяч военнослужащих резерва, руководство РТ обратилось в ОДКБ с просьбой о помощи в охране границы с Афганистаном.² Необходимо отметить, что в отличие от имеющих границу с Афганистаном Узбекистана и Туркмении, Таджикистан в этой ситуации основную активность проявлял исключительно в военной сфере. При этом руководство РТ в политическом плане заняло позицию однозначной поддержки правительству Ашрафа Гани, игнорируя необходимость диалога со всеми сторонами во внутриафганском конфликте. «Талибан» де-факто давно признан как политическое движение, которое необходимо включать в политический процесс, но в Таджикистане это обстоятельство игнорируется. Уже в июле 2021 г. министр иностранных дел РТ С. Мухриддин сделал официальное заявление по Афганистану, в котором он утверждает, что Таджикистан всегда поддерживал только официальное правительство ИРА и не проводил никаких переговоров с боевиками движения «Талибан».³

Такое поведение руководства РТ способствует ненужной конфронтации и созданию

¹ Абдулазиз Камиллов — о том, чего хочет «Талибан». «Газета.uz», 26 июня 2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/06/26/taliban/> (дата обращения 10.08.2021).

² Министр иностранных дел России С.В. Лавров в эти дни сделал заявление о готовности использовать возможности размещенной в Таджикистане российской 201-й военной базы в случае необходимости.

³ Таджикистан не будет вести переговоры с Талибаном — Сироджиддин Мухриддин. NOVOSTI.TJ. 27 июля 2021. URL: <https://novosti.tj/ca/tadzhikistan-ne-budet-vesti-peregovory-talibanom-sirodzhiddin-muhriddin.html> (дата обращения 10.08.2021).

атмосферы паники в обществе. Следуя своей прежней тактике, руководство РТ использует ситуацию для усиления в общественном сознании образа внешнего врага. Эффективно используется и тот факт, что в Таджикистане сильны антиталибские настроения, основанные на этнической солидарности с афганскими таджиками. Еще одно направление официальной пропаганды основывается на утверждениях о чрезвычайно высокой вероятности экспансии с афганской территории боевиков ИГИЛ (ДАИШ)¹, салафитских и прочих радикальных групп.

7 июля 2021 г. по инициативе Ашхабада и при участии Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии прошла видеоконференция, в которой приняли участие представители МИД Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, спецпредставитель президента Казахстана по Афганистану, глава Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии и заместитель спецпредставителя Генерального секретаря ООН по политическим вопросам по Афганистану в Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА). Участники выразили озабоченность ситуацией. Эту видеоконференцию с общедекларативным результатом нужно считать почти единственным проявлением общерегионального характера, в остальном налично полная разрозненность и политика каждой страны выстраивалась в соответствии с собственным эгоистическим представлением. Подобное же содержание имела и т.н. «3-я консультативная встреча глав государств Центральной Азии», прошедшая 6 августа в г. Туркменбаши (Красноводск).

Помимо выводов, сделанных выше, рассматриваемая ситуация показала важное специфическое обстоятельство, имеющее долговременный характер. На фоне определенного разочарования в сфере безопасности в политике США и относительной пассивности КНР, ярко проявилась зависимость стран региона в этой сфере от России. Помимо прямой военной помощи Таджикистану и гарантий обеспечения безопасности силами ОДКБ, ситуация подтвердила и готовность России выполнить свои обязательства в

сфере безопасности в отношении Узбекистана на основании договора о союзнических отношениях между РФ и РУз 2006 г. Уже в конце мая и на протяжении июня 2021 г. российские военные инструкторы участвовали в подготовке пограничных войск и воинских частей Узбекистана в приграничной с ИРА Сурхандарьинской области и в других военных округах. Ранее, 28 апреля 2021 г., министры обороны РФ С. Шойгу и РУз Б. Курбанов подписали Программу стратегического партнерства в военной области на 2021-2025 гг., предусматривающую в том числе поставки в Узбекистан новой военной техники и вооружений. Несмотря на то, это Узбекистан давно вышел из состава ОДКБ и доктринально закрепил «многовекторность» собственного военного сотрудничества, в военно-техническом сотрудничестве с ним с российской стороны действует тот же льготный режим, что и для стран-членов ОДКБ.

Консультации по линии спецслужб и министерств обороны РФ с соответствующими структурами всех стран региона, включая Туркмению, неоднократно проходили, начиная с апреля 2021 г. В августе и сентябре 2021 г. в районе стыка границ РТ, РУз и Афганистана с участием вооруженных сил России, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана прошли масштабные военные учения, основной легендой учений было противодействие потенциальной угрозе со стороны Афганистана. Другими словами, в ситуации угроз безопасности Россия — несмотря на разные политико-правовой уровень отношений со странами Центральной Азии — остается единственным реальным гарантом. Эта ситуация в политическом аспекте способствует серьезному росту авторитета и влияния как собственно России, так и ОДКБ.

Содержание угроз, исходящих из-за военного обострения в Афганистане, трактуется в странах Центральной Азии в двух аспектах. Один из них — приход к власти в Афганистане и установление режима «Талибана» на всей территории страны. Второй — активизация террористических групп выходцев из стран Центральной Азии, России, Китая, находящихся на территории Афганистана. В связи с этим можно выделить также

¹ Организация запрещена в РФ.

высокий уровень пропагандистской работы и активности в СМИ, многократно усиливающих, гипертрофирующих масштабы вероятных угроз. Это традиционное для стран региона воздействие на общественное сознание, ставящее целью консолидацию общества вокруг государства, снижение актуальности внутристрановых протестных настроений и вообще внутристрановых проблем на фоне образа внешней угрозы.

Независимо от вероятности монопольного прихода к власти в Афганистане «Талибана», главным вопросом, который будет стоять перед этим движением в любой обозримой перспективе, станет воссоздание и укрепление собственного национального (в форме коалиционного взаимодействия с другими афганскими политическими силами, или в виде декларируемого исламского эмирата в случае захвата Кабула) государства. Невозможно представить, что у «Талибана» будет время на реализацию каких-либо агрессивных внешнеполитических амбиций. Отказ от формирования действительно коалиционного правительства повлечет за собой достаточно мощное сопротивление со стороны сторонников светской государственности, и особенно непугунских этнополитических сил. Из списка вероятных проблем для любого состава правительства важными будут оставаться противоречия внутри различных фракций «Талибана» и работа по консолидации самого движения, преодоления его фрагментации. Создание монопольного правительства талибами повлечет и достаточно сильную международную изоляцию, исключением из которой могут быть Китай, арабские страны, Пакистан и, не исключено, Узбекистан и Туркмения. Тем не менее, в любом случае талибы будут полностью заняты решением внутренних задач, отдельно можно рассматривать и проблему консолидации самого «Талибана», реинтеграции различных группировок талибов в жизнь страны. Задача установления конструктивных отношений со странами-соседями будет для «Талибана» вообще первоочередной. Косвенные признаки такой стратегии «Талибана» можно уже увидеть — уча-

стие в переговорах в Тегеране и в Москве, визит в Ашхабад, контакты с руководством Узбекистана и Китая.

Характеристика экстремистско-террористических угроз неталибского происхождения

Безусловно важным нужно считать присутствие на территории Афганистана иностранных террористических групп. На этот счет существует распоряжение Военной комиссии «Талибана», которое запрещает всем членам движения принимать в свои ряды иностранных граждан и предоставлять им убежище. До сих пор это распоряжение носило пропагандистский характер, участие в любой форме во власти должно, вероятно, заставить элиту «Талибана» в определенной мере выполнять это условие.

Тем не менее, для стран Центральной Азии и России происходящее в Афганистане имеет значение с точки зрения перспектив всего последующего развития этой страны. Не возникнет ли ситуация, при которой афганская территория будет использована же международными террористическими формированиями, как это мы видели на примере Сирии и Ирака. Сам по себе «Талибан» нацелен на задачи внутристранового характера, но тенденция к интеграции с международными террористическими структурами уже намечалась в 2000-2001 гг., поэтому ситуация требует к себе внимания. Эта ситуация осложняется и общей хаотизацией в стране, в этих условиях различные террористические группировки получают большую свободу действий. Однако, по оценке МИД России, потенциал уже присутствующих в Афганистане группировок нефганского происхождения, включая и выходцев из стран региона, России и других стран, таков, что они спо-

собны лишь на локальные теракты, диверсии, мятежи, не более того.¹ МИД РФ оценивает потенциал «Аль-Кайды»² в 500 боевиков,³ узбекистанские эксперты оценивают численность ИДУ в 300 боевиков,⁴ к тому же лишенных харизматических лидеров.⁵ Масштаб этой опасности уже традиционно, не первое десятилетие, сильно преувеличен. Существующее террористическое подполье в странах региона безусловно связано с единомышленниками на сопредельной афганской территории. Это подполье может быть спровоцировано на какие-то террористические действия в РТ и без прямой связи с Афганистаном. Но основные из традиционных угроз безопасности — террористическая и экстремистская активность в том числе — для стран Центральной Азии давно имеют уже преимущественно внутреннее происхождение. Многолетняя деятельность зарубежных эмиссаров, отсутствие адекватной и системной работы государственных институтов в религиозной сфере, хроническая нерешенность множества проблем социального и экономического характера, деформация массового образования — это лишь короткий список обстоятельств, присутствующих во всех без исключения странах региона.

К настоящему времени факторы роста рассматриваемых угроз несколько изменились по сравнению с предыдущими десятилетиями — к примеру, во всех странах региона выросло целое поколение собственных адептов радикальной среды, делаая существующее экстремистское подполье довольно самостоятельным, не требующим какой-то особой активации извне. Если на протяжении 1990-2000-х годов можно было уверенно говорить о масштабной проповеднической деятельности религиозных радикалов из араб-

ских стран, Турции, Пакистана, которой избежал, пожалуй, только Узбекистан, то сегодня в Центральной Азии преобладают уже свои лидеры радикализма, опирающиеся в основном на внутренние ресурсы и связанные с соответствующей внешней средой скорее лишь идеологически.

Все это не означает, конечно, отсутствия внешней составляющей в потенциале рассматриваемых угроз, заинтересованные внешние акторы включают внутристрановые подполья в свои сети, сохраняя на них серьезное влияние. Происходящую на протяжении ряда лет вербовку граждан стран Центральной Азии в террористические структуры, действующие в Сирии и Ираке, можно, вероятно, считать масштабной репетицией распространения этого влияния. И нет абсолютно никаких оснований исключать возникновение проектов, подобных ИГИЛ, в других странах и регионах. К слову, уже очевидной становится трансформация ИГИЛ из некоего подобия государственной структуры с четко очерчиваемыми географическими границами в сетевую модель типа прежде известной «Аль-Кайды». Эта модель подразумевает отсутствие четкой географической привязки и деятельность точечного характера по всему миру. Конечно, и Центральная Азия с ее готовыми подпольными структурами в этой модели занимает свое далеко не последнее место. Навязываемая странам региона их западными партнерами практика возвращения членов семей боевиков из стран Ближнего Востока в страны их гражданства, в которой особенно преуспели Узбекистан (операция «Мехр») и Казахстан (операция «Жусан»), эта практика серьезно усиливает внутреннее радикальное подполье в каждой стране. Этих людей называют «жертвами обстоятельств», не принимая во внимание того

¹ «Сила талибов — в слабости нынешнего афганского режима» // Известия, 24 мая 2021 года. URL: <https://iz.ru/1167367/natalia-portiakova/sila-talibov-v-slabosti-nyneshnego-afganskogo-rezhima> (дата обращения 10 августа 2021 года).

² Организация запрещена в РФ.

³ Кабулов назвал домыслами слухи о сотрудничестве «Аль-Кайды» и «Талибана». ТАСС. 3 августа 2021. URL: <https://tass.ru/politika/12047727> (дата обращения 10/08/2021).

⁴ Эксперт: Самая большая угроза в Узбекистане — рост радикализации молодежи. 12 июня 2021 года.

Центр изучения региональных угроз. Ташкент. URL: <https://crss.uz/2021/06/12/ekspert-camaya-bolshaya-ugroza-v-uzbekistane-rost-radikalizacii-molodezhi/> (дата обращения 10.08.2021).

⁵ В Афганистане ликвидирован лидер «Исламского движения Узбекистана». Информационное агентство Eurasia Daily (EADaily). 12 ноября 2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/11/12/v-afganistane-likvidirovan-lider-islamskogo-dvizheniya-uzbekistana> (дата обращения 10.08.2021).

факта, что не менее половины из них — это подготовленные вербовщики или же просто будущие участники подпольных ячеек в своих странах. Об этом уверенно свидетельствуют исследования, проведенные в ряде других стран, и вряд ли есть основания думать, что в странах Центральной Азии будет как-то по-другому.¹

Серьезную коррективу во все происходящее внесли и ограничения 2020-го г., связанные с пандемией, создав новую и очень тревожную тенденцию: с закрытием границ в условиях пандемии и не имея возможности выехать в страны Ближнего Востока, в меньшей мере — в Афганистан, радикальное подполье способно предпринять попытки организации террористических актов в местах постоянного проживания — в странах Центральной Азии и в среде трудовых мигрантов в России. В свое время Узбекистан долго был единственной страной в регионе, где кадры духовенства готовились дома, и избегал проникновения в страну радикальных эмиссаров извне. Сейчас же, в условиях относительной либерализации политического режима, в Узбекистане отмечается существенное укрепление позиций радикального ислама, имеющего в основном внутреннее происхождение и стремительно налаживающего свои внешние связи.²

Заключение

Многоаспектный афганский конфликт, безусловно, был и остается важным фактором в сфере угроз безопасности Центральной

Азии, хотя классификация этих угроз перманентно эволюционирует. Актуальными для Центральной Азии остаются угроза трансфера наркотиков и дислокация на афганской территории неафганских по своему происхождению экстремистских и террористических групп. Проблема наркотрафика прямо связана с состоянием государства как института, с его низкой функциональностью, эта проблема может быть разрешена только в увязке с мирным урегулированием в стране, созданием дееспособных государственных структур и снижением коррупционности в них. Движение «Талибан», независимо от его дальнейшего состояния, само по себе не является фактором региональных угроз, оно имеет внутриафганский характер, ограничивается территорией ИРА, заинтересовано в позитивных отношениях с соседними странами. Деятельность террористических группировок неафганского происхождения не носит большого масштаба, локальна, эпизодична, и их присутствие в ИРА связано только с перманентно конфликтным состоянием государства. Разнообразие политик стран Центральной Азии на обострение военной ситуации в Афганистане свидетельствует об отсутствии скоординированной политики, а значит и условий для регионального сотрудничества в сфере безопасности, а ряд событий рассматриваемого периода подтверждает монополию России как гаранта региональной безопасности Центральной Азии.

¹ Асей-йе Маркази ва чарайан-э эфрат: Айна Талибан тахдэд хесаб мишавад? /Йаддашт-э Александр Князев, коршэнас-э сеяс-э ва устад-э Данешгах-э довлетий-э Санкт-Петербург/ [Центральная Азия и экстремистские течения: является ли «Талибан» угрозой? /Записки Александра Князева, политолога и профессора Санкт-Петербургского государственного университета] // Сайт информационного агентства «Фарс». — Тегеран, 1400 г.х. [2021]. — 4 мордад [26 июля]. URL: <https://www.farsnews.ir/news/14000428000269/%D8%A2%D8%B3%DB%8C%D8%A7%DB%8C-%D9%85%D8%B1%DA%A9%D8%B2%DB%8C-%D9%88-%D8%AC%D8%B1%DB%8C%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%81%D8%B1%D8%A7%D8%B7-%D8%A2%DB%8C%D8%A7->

<https://www.farsnews.ir/news/14000428000269/%D8%A2%D8%B3%DB%8C%D8%A7%DB%8C-%D9%85%D8%B1%DA%A9%D8%B2%DB%8C-%D9%88-%D8%AC%D8%B1%DB%8C%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%81%D8%B1%D8%A7%D8%B7-%D8%A2%DB%8C%D8%A7-%D8%B7%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%A7%D9%86-%D8%AA%D9%87%D8%AF%DB%8C%D8%AF-%D9%85%D8%AD%D8%B3%D9%88%D8%A8-%D9%85%DB%8C%E2%80%8C%D8%B4%D9%88%D8%AF> (дата обращения: 10.08.2021). На языке фарси.

² Эксперт: Самая большая угроза в Узбекистане — рост радикализации молодежи. 12 июня 2021 года. Центр изучения региональных угроз. Ташкент. URL: <https://crss.uz/2021/06/12/ekspert-camaya-bolshaya-ugroza-v-uzbekistane-rost-radikalizacii-molodezhi/> (дата обращения 10.08.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуллаев Е.* Ислам и «исламский фактор» в современном Узбекистане // Центральная Азия и Кавказ. — Лулео, 1997. — № 12.
- Абдуллоев Рахматулло.* Этнополитические процессы в Афганистане после 2001 года // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 14. № 1. С. 7-15.
- Акимбеков С.М.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. — Алматы, 2003.
- Басов В.В.* Национальное и племенное в Афганистане: к пониманию невоенных истоков афганского кризиса: сборник статей : научное издание / Басов В. В.; под ред. Кравцова В. Б.; Науч.-исследовательский центр Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. — Москва: НИЦ ФСКН России, 2011.
- Босин Ю.В.* Роль религиозно-этнического фактора во внутриафганском конфликте // Афганистан: проблемы войны и мира. — М.: ИИИ и БВ, ИВ РАН, 2000. — С. 70-74.
- Искандаров К.* Национальный фактор в политической жизни современного Афганистана // Известия АН Республики Таджикистан. Серия: экономика и политология. 1996. № 3-4. — С. 115-131.
- Искандаров К.* Наркобизнес в Таджикистане: связь с афганским конфликтом // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 1999. № 5 (6). — С. 178-184.
- Катков И.Е.* Социальные аспекты племенной структуры пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура. Сборник статей. — М.: Наука, 1989. — С. 39-57.
- Князев А.А.* К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии. Бишкек: Илим, 2003. 108 с.
- Князев А. А.* Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004.
- Князев А.А.* Криминальные компоненты конфликтных процессов в Центральной Азии // Экономика и политика в современных международных конфликтах. М.: МГИМО (У), 2008. С. 277-287.
- Коргун В.Г.* Ислам и национализм в Афганистане // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 194-221.
- Коргун В.Г.* Афганистан: политика и политики. М.: ИВ РАН, 1999.
- Коргун В.Г.* Афганистан на пороге мирного этапа // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 2002. № 1 (19). — С. 7-15.
- Коргун В.Г.* История Афганистана. XX век / В. Г. Коргун. — М.: Ин-т востоковедения: Крафт+, 2004.
- Пластун В.Н.* Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Сикоев Р.Р.* Талибы (религиозно-политический портрет). Ин-т Востоковедения РАН; М.: Крафт+, 2004.
- Слинкин М.Ф.* Афганистан: страна, люди, общество. Симферополь, 1995.
- Спольников В.Н.* Афганистан. Исламская оппозиция. Истоки и цели. М.: Наука, 1990.

REFERENCES

- Abdullaev E.* Islam i «islamskij faktor» v sovremennom Uzbekistane // Central'naya Aziya i Kavkaz. — Luleo, 1997. — № 12.
- Abdulloev Rahmatullo.* Etnopoliticheskie processy v Afganistane posle 2001 goda // Central'naya Aziya i Kavkaz. 2013. T. 14. № 1. S. 7-15.
- Akimbekov S.M.* Afganskij uzel i problemy bezopasnosti Central'noj Azii. — Almaty, 2003.
- Basov V.V.* Nacional'noe i plemennoe v Afganistane: k ponimaniyu nevoennyh istokov afganskogo krizisa: sbornik statej : nauchnoe izdanie / Basov V. V.; pod red. Kravcova V. B.; Nauch.-issledovatel'skij centr Federal'noj sluzhby Rossijskoj Federacii po kontrolyu za oborotom narkotikov. — Moskva: NIC FSKN Rossii, 2011.
- Bosin YU.V.* Rol' religiozno-etnicheskogo faktora vo vnutriafganskom konflikte // Afga-nistan: problema vojny i mira. — M.: III i BV, IV RAN, 2000. — S. 70-74.

- Iskandarov K.* Nacional'nyj faktor v politicheskoj zhizni sovremennogo Afganistana/ *Izvestiya AN Respubliki Tadjikistan*. Seriya: ekonomika i politologiya. 1996. № 3-4. — S. 115- 131.
- Iskandarov K.* Narkobiznes v Tadjikistane: svyaz' s afganskim konfliktom// *Central'naya Aziya i Kavkaz*. Luleo, 1999. № 5 (6). — S. 178-184.
- Katkov I.E.* Social'nye aspekty plemennoj struktury pushtunov// *Afganistan. Istoriya, ekonomika, kul'tura*. Sbornik statej. — M.: Nauka, 1989. — S. 39-57.
- Knyazev A.A.* K istorii i sovremennomu sostoyaniyu proizvodstva narkotikov v Afganistane i ih rasprostraneniya v Central'noj Azii. Bishkek: Ilim, 2003. 108 s.
- Knyazev A. A.* Afganskij krizis i bezopasnost' Central'noj Azii (XIX — nachalo XXI v.). — Dushanbe: Donish, 2004.
- Knyazev A.A.* Kriminal'nye komponenty konfliktnyh processov v Central'noj Azii // *Ekonomika i politika v sovremennyh mezhdunarodnyh konfliktah*. M.: MGIMO (U), 2008. S. 277-287.
- Korgun V.G.* Islam i nacionalizm v Afganistane // *Islam i problemy nacionalizma v stranah Blizhnego i Srednego Vostoka*. M: Nauka, GRVL, 1986. S. 194-221.
- Korgun V.G.* Afganistan: politika i politiki. M.: IV RAN, 1999.
- Korgun V.G.* Afganistan na poroge mirnogo etapa// *Central'naya Aziya i Kavkaz*. Luleo, 2002. № 1 (19). — S. 7- 15.
- Korgun, V.G.* Istoriya Afganistana. XX vek / V. G. Korgun. — M.: In-t vostokovedeniya: Kraft+, 2004.
- Plastun V. N.* Evolyuciya deyatel'nosti ekstremistskih organizacij v stranah Vostoka. No-vosibirsk: Sibirskij hronograf, 2002.
- Sikoev R.R.* Taliby (religiozno-politicheskij portret). In-t Vostokovedeniya RAN; M.: Kraft+, 2004.
- Slinkin M.F.* Afganistan: strana, lyudi, obshchestvo. Simferopol', 1995.
- Spol'nikov V.N.* Afganistan. Islamskaya oppoziciya. Istoki i celi. M.: Nauka, 1990.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр Алексеевич Князев, доктор исторических наук, профессор, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mai: alexander.a.knyazev@gmail.com

Alexander Al. Knyazev, Doctor of History, Professor, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University. E-mai: alexander.a.knyazev@gmail.com

Афганский фактор в Центральной Азии: текущие тенденции и перспективы развития

И. Х. Якубов¹, У. К. Нуриддинов²

Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент Узбекистан

e-mail: ildaryakubov@gmail.com¹, e-mail: nuriddinovumarbek3@gmail.com²

Аннотация: В статье рассматриваются последствия вывода американских войск из Афганистана для стран Центральной Азии. Обращено внимание на угрозы религиозного экстремизма, терроризма, которые могут вспыхнуть в нестабильном Афганистане. Основная цель работы заключается в том, чтобы разобраться, как изменятся угрозы, исходящие из Афганистана, для Центральной Азии, после прихода к власти движения Талибан, признанного террористическим, реален ли мир в Афганистане и какие перспективы открываются перед регионом. Особое внимание уделено на то, что анализ происходящих событий осуществляется после крушения власти А. Гани и прихода к власти в Кабуле движения Талибан¹. Актуальность работы обусловлена тем, что любая угроза, вспыхнувшая в Афганистане, может быстро распространиться на центральноазиатский регион. Рассмотрены позиции и интересы России, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана в контексте региональной безопасности. Также была затронута проблема афганских беженцев. При рассмотрении данной темы мы обращались к основным положениям и канонам теории политического реализма, который даёт возможность исследователю лучше прощупать тонкости афганского конфликта. Также одним из основных методов был сравнительный анализ, подразумевающий выделение в них общего и различного с целью классификации и типологии. При прогнозе применили метод историзма, который представляет собой изучение закономерностей развития события. В освещении данной темы опирались на ряд монографий, статей как отечественных, так и зарубежных авторов. В частности, одной таких работ стал труд профессора Института мировой экономики и политики, президент Фонда мировой экономики и политики в Казахстане С. Акимбекова. Использование трудов разных стран позволило взглянуть на одно и то же событие с разных углов. Проведенный анализ позволил сформулировать ряд выводов касательно сохраняющейся неопределенности ситуации в Афганистане, видоизменения угроз, исходящих из этой страны для центральноазиатских стран и, в первую очередь, для Узбекистана.

Ключевые слова: Афганистан, Движение Талибан, Центральная Азия, ИГИЛ-Хорасан, религиозный экстремизм, терроризм, вывод американских войск

Для цитирования: Якубов И.Х., Нуриддинов У.К. Афганский фактор в Центральной Азии: текущие тенденции и перспективы развития. Постсоветские исследования. 2021;4(6):470–478.

The Afghan factor in Central Asia: current trends and development prospects

Idar Kh. Yakubov¹, Umarbek K. ogli Nuriddinov²

University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan

e-mail: ildaryakubov@gmail.com¹, e-mail: nuriddinovumarbek3@gmail.com²

Abstract. The article examines the consequences of the withdrawal of American troops from Afghanistan for the countries of Central Asia. Special attention is drawn to the threats of religious extremism and terrorism as it may explode the stability in Afghanistan. The main goal of the paper

¹ Организация запрещена в РФ.

is to understand how the threat that emanates from Afghanistan movement Taliban will change the situation for Central Asia. The given movement is recognized as terrorist and it came to power and the author casts doubt whether peace is possible in Afghanistan and what prospects open for the region. Specific attention is paid to the fact that the analysis of the events is carried out after the collapse of A. Ghani's power and the Taliban movement coming to power in Kabul. The relevance of the work is since any threat that flared up in Afghanistan can quickly spread to the countries of Central Asian. In the article the positions and interests of Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan in the context of regional security is considered as well as the problem of Afghan refugees. When considering this topic, we turned to the main provisions and canons of the theory of political realism, which enables the researcher to better feel the subtleties of the Afghan conflict. Furthermore, comparative analysis as one of the main methods, implying the separation of the general and the different in them for the purpose of classification and typology is used in the research. When forecasting, the method of historicism is used, which is the study of the laws of the development of an event. In covering this topic, they relied on a few monographs, articles by both domestic and foreign authors. One such work was the work of the professor at the Institute of World Economy and Politics, President of the Fund for World Economy and Politics in Kazakhstan S. Akimbekov. The use of the works of different countries made it possible to look at the same event from different angles. The analysis made it possible to formulate a few conclusions regarding the continuing uncertainty of the situation in Afghanistan, the modification of the threats emanating from this country for Central Asian countries and, first, for Uzbekistan.

Key words: Afghanistan, Taliban movement, Central Asia, ISIS-Khorasan, religious extremism, terrorism, withdrawal of American troops

For citation: Yakubov Ildar Kh., Nuriddinov Umarbek K. ogli The Afghan factor in Central Asia: current trends and development prospects. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(6): 470–478. (In Russ.)

2021 год становится поворотным моментом в истории Афганистана. С одной стороны, завершается вывод иностранных войск – американских, с другой стороны – победу одержало движение Талибан. Нетрудно заметить, что США проиграли войну, быстрый вывод своих войск – так или иначе это побег из Афганистана. США, подписав с талибами соглашение, расчистили им дорогу, а затем, бросили Кабул и легитимного президента А. Гани на произвол судьбы, позаботившись о своих интересах¹. Возникает вопрос, установится ли мир в Афганистане. Разумеется, пока о мире говорить рано. Несмотря на все обещания, талибы на пути достижения своих целей не отказываются от методов насилия. Сейчас вопрос обеспечения безопасности государственных границ и безопасности своих собственных граждан

больше волнует соседей Афганистан. Исключения не составляют центральноазиатские страны, которые внимательно следят за происходящими событиями.

В свете вывода американских войск актуализируется вопрос обеспечения безопасности, так как с приходом к власти движения Талибан (ДТ) могут выйти из «спячки» различные террористические движения.

Триумф движения Талибан

15 августа 2021 г. талибы заняли город Кабул, что обозначило их победу. Президент Афганистана А. Гани спешно покинул страну. Быстрый крах Кабульского режима стал неожиданностью для большинства экспертов и, в том числе, для стран Центральной Азии.

Несмотря на то, что ДТ дало обещание не осуществлять экспансию в страны Центральной Азии, угрозы, исходящие из Афганистана, никуда не исчезли. В этом контексте следует вспомнить поколение ДТ 1990–х годов, какими они были, какое впечатление они воспродули на мировое сообщество.

¹ Фабричников И. Орёл аварийно приземлился: коллапс американского превосходства и победное возвращение «Талибан», Россия в глобальной политике, 16.08.2021 // <https://globalaffairs.ru/articles/oryol-avarijno-prizemlilsya/>

Политика талибов в 1990-е гг. привела их к союзу с Аль-Каидой¹ и Исламским движением Узбекистан². С последним связаны атаки территории Кыргызстана и Узбекистана в 1999 и 2000 гг. С тех пор ИДУ ослабло, были уничтожены его лидеры. Это движение ушло со сцены борьбы из-за отсутствия материальных ресурсов и главных лиц, ответственных за принятие решений.

По некоторым сообщениям, в августе 2021 г. талибы предложили убежища некоторым радикальным группировкам, поэтому никто не даст гарантии, что Движение Талибан со временем не возобновит свою политику 1990-х гг.³

В то же время, в соответствии со своей идеологией, талибы не ставят перед собой цели захвата других территорий, как это делает, например, «Исламское государство»⁴. Однако ДТ, предоставляя убежища, тем самым поощряет другие группировки к совершению подрывных действий. Другими словами, по-прежнему существует вероятность, что при его содействии будет происходить расползание угрозы терроризма, религиозного экстремизма, а также рост популярности идеологии радикального ислама в странах центральноазиатского региона. Эти явления могут представлять угрозу светским политическим системам стран региона. В данном контексте можно упомянуть развязывание гражданской войны в Таджикистане в 1992-1997 гг.

В 1990-е гг. страны Центральной Азии были отгорожены от действий ДТ Северным альянсом, которое выполняло в то время роль буфера. И для бывших стран СССР в Центральной Азии, и для России сохранение буферной зоны в Северном Афганистане было объективно выгодно [Акимбеков 2003: 138]. Сейчас талибы напрямую удерживают контроль на афгано-таджикской, туркменской, узбекской границах. Хотя они пока выглядят более лояльными и готовыми идти на уступки, страны Центральной Азии воз-

держиваются от их признания, считая их одним из игроков, способных создать правительство. Характер правительства может представлять предмет обсуждения. Так как основу движения составляют пуштуны, выходцы из Афганистана, значит, они обладают полным правом строительства своего государства. Россия, страны Центральной Азии и КНР подтверждают, что принудительное навязывание западных демократических принципов без учёта местных традиций обречено на провал. И военный путь решения проблемы не дал свои плоды, завершившись поражением США и отказом от любых попыток влияния на политические процессы в Афганистане.

Угроза Исламского государства

В 1990 годы на страны Центральной Азии обрушилась угроза проникновения на их территорию террористов, преследующих цель смены режима [Cornell 2006: 36-67]. Именно страны центральноазиатского региона более сильно ощущали влияние радикального ислама ввиду географической близости с Афганистаном. Фраза «Афганистан - прибежище для террористов» для Центральной Азии означала ИДУ и Аль-Каиду. Лидеры этих группировок непосредственно были связаны с движением Талибан.

В 2021 г. для стран Центральной Азии угрозу больше представляют «Исламское государство» и его союзники, которые также обосновались в Афганистане. Именно их цель состоит в расширении контролируемой территории, которую они обозначают термином Хорасан. Отклоняя национальные границы, они стремятся объединить весь мусульманский мир, воссоздав халифат.

Особенностью текущей ситуации является то, что «Исламское государство» и движение Талибан противостоят друг другу. Они различаются по своей идеологии. Талибы - последователи ханафитского толка ислама, они соблюдают племенной кодекс чести – Пуштунвали, а «Исламское государство» является непримиримыми салафитами⁵.

¹ Организация запрещена в РФ.

² Организация запрещена в РФ.

³ Талибы предложили Аль-Каиде использовать Афганистан в качестве убежища, 18 августа 2021// <https://regnum.ru/news/3347305.html>

⁴ Организация запрещена в РФ.

⁵ Казанцев А. Кризис в Афганистане: проблемы безопасности России и стран Центральной Азии, РСМД, 10 августа 2021// <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

Идеологические расхождения определили дальнейшее развитие событий. Несмотря на конфронтацию с талибами, «Исламское государство» представляет угрозу для стран СНГ. Русский язык занял третье место среди воюющих в ИГ. Согласно аналитическому докладу «The Soufan Center», общее количество боевиков из Центральной Азии, которые уехали в Сирию и Ирак, составляет более 5 тыс. человек. Среди них более 500 человек из Казахстана, (11,90%), Кыргызстана — более 500 человек (11,90%), Таджикистана — 1300 человек (30,95%), Туркменистана - более 400 человек (9,52%), Узбекистана - более 1500 человек (35,71%). Нахождение в рядах ИГ значительного числа граждан центральноазиатских стран подталкивает к тому, что в этих странах ведётся активная вербовка [Barrett, 2017].

Сейчас на фоне обострения ситуации в Афганистане могут активизироваться спящие ячейки экстремистских группировок. Талибы в этой связи могут оказать меньшим из зол [Nichol 2008: 72]. Укрепление власти ДТ в Афганистане может способствовать сужению возможностей ИГ.

Таким образом, талибы, ограничивающиеся только захватом власти в Афганистане, могли бы сдерживать расширение ИГ. Касательно других террористических группировок ситуация выглядит более неопределенной.

Угроза исламизма

Ислам был доминирующей религией в Центральной Азии. Ислам, получивший распространение в этом регионе, сформировался как умеренный, что отличало его от той исламской ориентации, которая уже была в арабском мире [Naghayeghi 1995: 105].

До образования СССР население данного региона мало чем отличалось от населения Афганистана. Весь уклад жизни был основан на шариате (исламских традициях). Политика СССР позволила странам перейти к светской модели развития, но вместе с тем отношения Центральной Азии и странами и регионами южнее были разорваны. Страны Центральной Азии оказались в более выигрышной ситуации. Железный занавес сделал

их безопасными, отгородил их от внешних угроз. А Афганистан оставался на уровне азиатского феодального государства, в котором весь уклад жизни был связан с исламом.

С развалом СССР, с одной стороны, резко активизировался процесс возрождения ислама, но, с другой стороны, получил импульсы развития радикальный ислам. Несмотря на то, что большинство мусульман центральноазиатского региона не оказывали поддержку распространению радикального ислама, были люди, которые выражали солидарность радикалам в построении исламского халифата.

Но каждое из государств региона стремилось сохранить светское правление при поддержке общества. Однако традиции непосредственно пересекаются с исламом. Особую озабоченность вызвали Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан. Казахстан не граничит с Афганистаном и имеет обширные связи и общую границу с Россией; изначально кочевые казахи менее были религиозными, нежели оседлое население в соседних странах. Туркменистан исключительный приоритет отдавал традициям, подчеркивая национальный, но не религиозный характер.

В Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане радикализации ислама и её широкому распространению способствовали сложившиеся условия исламизации узбекского и таджикского населения [Omeliicheva 2007: 26]. Открытие границ, свободное передвижение позволило устанавливать контакты со странами Ближнего Востока и Южной Азии. Многие стали уезжать для получения образования. Но в итоге некоторые из них становились активными сторонниками исламизма.

Таким образом, 1990-е гг. стали хорошим уроком всем странам Центральной Азии, что распространение радикального ислама может создать угрозу для этих стран, учитывая возросший интерес к религии¹

В условиях возрастающего интереса молодого поколения к религии, тренда соблю-

comments/analytiks/krizis-9v-afganistane-problemy-bezopasnosti-rossii-i-stran-tsentralnoy-azii/

¹ Якубов И.Х., Нуриддинов У., Последствия вывода американских войск из Афганистан: Взгляд из Узбекистана, «edu.e-history.kz», апрель-июнь 2021// <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1655>

дения религиозным норм крайне сложно предложить какой-то комплекс мер по предотвращению популяризации исламизма. Ни либерализация, ни ужесточение контроля не служат гарантом улучшения ситуации. Как утверждает П. Гобл, весьма распространенная в регионе жесткая линия в отношении религии может усилить подъём религиозного экстремизма¹.

Ввод американских войск, основная цель которого сводилась к ликвидации угроз международного терроризма, [Kerple, Milelli, Ghazaleh 2008: 48.], себя не оправдал. На фоне борьбы США против терроризма ими же была развёрнута кампания по проникновению в регион, богатый [Brzezinski 2000: 168]. Стремление США установить контроль над добычей и транспортировкой углеводородов из Центральной Азии [Коргун 2010: 239-248.] также не привело к положительным результатам. Хотя за 20 лет была ослаблена угроза со стороны Аль-Каиды, чьи возможности стали более ограниченными².

Таким образом, исламизм представляет собой внутреннюю угрозу для стран Центральной Азии, которая усиливается фактором Афганистана, и его северные соседи по-прежнему приглядываются к нему как к источнику угроз.

Таджикистан

Таджикистан отличается от других центральноазиатских республик тем, что пришлось столкнуться с гражданской войной, одной из сторон в которой были сторонники исламизма. Этому во многом способствовала война в Афганистане, вооружённая борьба моджахедов (борцов за веру) против «неверных» [Муртазин 2018: 15].

Согласимся с выводом российского исламоведа А. Малашенко о том, что «подъём исламизма начинался в период “перестройки” в СССР, и она дала новый импульс для

последующего витка активности политического ислама [Малашенко 1998: 64]. При изучении причин гражданской войны в Таджикистане следует обратить внимание на клановый характер общества в Таджикистане, так же как сложный характер отношений между властями в Душанбе и местными кланами связан с общинами таджиков в Афганистане, влияющими на безопасность Таджикистана. Таджикистан в большей степени ощущал террористическую угрозу, чем остальные страны. Не случайно гражданская война завершилась благодаря, прежде всего, совместным усилиям России, Узбекистана. Окончание гражданской войны, подписание мирного перемирия законно оформило одного из участников гражданской войны – Партии исламской возрождения, идеология которой базировалась на продвижении умеренного ислама. Но ПИВТ была запрещена указом Министерства юстиции в 2015 г. ввиду пропаганды религиозного экстремизма [Казанцев 2016: 101]. Член данной партии, генерал-майор А. Назарзода был обвинён в попытке осуществления военного переворота. Запрету ПИВТ предшествовали столкновения с 2010 по 2011 год в Раштском районе, а в 2012 г. – в Горно-Бадахшанской автономной области³.

В Афганистане проживает больше таджиков, чем в самом Таджикистане, что делает взаимосвязь этих стран еще более тесной. Права таджикского меньшинства в Афганистане, которые были ущемлены в правление ДТ в 1990-е гг., вероятно, являются важным фактором крайне жесткой позиции президента Таджикистана Э. Рахмона в отношении талибов в августе 2021 г. Радикализация таджикского населения в Афганистане в условиях, когда уроженцы Таджикистана становятся частью боевых отрядов исламистской оппозиции в таких странах, как Сирия, вступают в ряды ИГ, может стать экзистенциальной угрозой политической системе страны. Особенно, если вспомнить таких известных боевиков, как полковник ОМОН Г. Халимов, который в 2015 г. дезер-

¹ Gobl P. Central Asia: Analyses from Washington – Leaders fail to read fundamentalism right. Washington, 6 May 1998// <https://www.rferl.org/a/1088554.html>

² Daniel L. Byman Don't expect an al-Qaida reboot in Afghanistan, Tuesday, May 4, 2021, BROOKINGS// <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/05/04/dont-expect-an-al-qaida-reboot-in-afghanistan/>

³ Памир возвращается к миру, но в Таджикистане опасаются раскола страны// РИА Новости, 31.07.2012// <https://ria.ru/20120731/713687993.html>

тировал из таджикских правоохранительных органов и сделал военную карьеру в ИГИЛ в Сирии¹. Согласно заявлению Генеральной прокуратуры Таджикистана, в ИГИЛ служило 1094 выходцев из Таджикистана [Панарин, Казанцев 2017: 18.]. В 2014 году 20 членов ИДУ были арестованы за планирование терактов на севере Таджикистана².

За последнее время Таджикистан резко активизировал сотрудничество в военной сфере с Россией, в рамках ОДКБ, и с КНР на двусторонней основе. Сотрудничество касается как вопросов границы, так и в целом оборонного комплекса страны. Как представляется, исходя из ключевых факторов таджикско-афганского взаимодействия, усилий по укреплению оборонного потенциала и сотрудничества, а также заявлений главы государства, Душанбе готовится к худшему для себя сценарию.

Узбекистан

Узбекистан расположен в центре Центральной Азии, граничит со всеми государствами региона, включая Афганистан. В последние годы Узбекистан проводит активную политику на афганском направлении, так как одним из приоритетов «Стратегии действий» - базового документа по развитию страны на период с 2017 по 2021 гг. - является создание пояса безопасности вокруг Центральной Азии. Разумеется, безопасность не может быть обеспечена без установления мира в Афганистане.

В Узбекистане осознают сложную динамику политических процессов в Афганистане и вокруг него, однако рассчитывают на установление мира и в перспективе реализацию трансафганских проектов, которые позволят стране выйти к Мировому океану кратчайшим путем. Узбекистан 2 февраля 2021 г. договорился с Пакистаном и Афганистаном о прокладке железной магистрали

Мазари-Шариф-Кабул-Пешавар³. Эти договорённости говорят о том, что Афганистан в случае завершения войны может стать связующим звеном между Южной и Центральной Азией.

После смены власти в Афганистане Ташкент не торопится с признанием правительства талибов. Очевидно, что ситуация изменилась слишком внезапно, и позиция сейчас скорее выжидающая. Многое будет зависеть от того, насколько прочно ДТ будет удерживать власть, сможет контролировать территорию страны, включая Панджерское ущелье, и насколько приемлемыми будут его методы управления для международного сообщества.

Однако с ДТ установлены контакты. Министр иностранных дел РУз А.Х. Камиллов отметил, что он не считает ДТ террористическим движением⁴. Это наводит на мысль, что при определенных условиях Узбекистан готов работать с талибами. При этом Узбекистан оказывает помощь в эвакуации остатков международного контингента и афганцев, желающих покинуть свою родину, а также размещает на своей территории беженцев.

В то же время сохраняется и беспокойство по вопросам безопасности, о чем свидетельствуют состоявшиеся в августе 2021 г. совместные российско-узбекские военные учения вблизи узбекско-афганской границы. Беженцы также могут опосредованно служить угрозой безопасности в силу возможного ухудшения криминогенной обстановки, трансграничных связей и вероятного роста наркотрафика, торговли оружием и т.д.

Туркменистан

Туркменистан имеет протяженную границу с Афганистаном. Первый президент Сапармурад Ниязов стремился поддержи-

¹ По некоторым данным, в 2017 г. Халимов вернулся в Афганистан через таджикскую границу, чтобы выполнить данное им обещание свергнуть режим в Душанбе и привести к власти исламское правительство. См. Дубнов А. Опасные соседи. Суждено ли России встретиться с ИГИЛ в Афганистане? // Republic. 20 марта 2017 г. <https://republic.ru/posts/80906?code=23215fb37959fb2df58bb92581e9562c>

² В Таджикистане задержали террористов смертников // Lenta.ru. 15 ноября 2014 г. <https://lenta.ru/news/2014/11/15/detain/>

³ Узбекистан, Афганистан и Пакистан подписали «Дорожную карту» по строительству железной дороги, 8 февраля 2021 // <https://www.gazeta.uz/ru/2021/02/08/trans-afghan-railway/>

⁴ Абдулазиз Камиллов — о том, чего хочет «Талибан», интервью американскому телеведущему Деннису Уоли в рамках проекта «This Is America TV», 26 июня 2021 // <https://www.youtube.com/watch?v=EqJe1hCmcko>

вать нормальные отношения с талибами еще в 1990-е гг., выстраивая планы строительства трансграничного трубопровода в Южную Азию через Афганистан. Туркменистан дистанцировался от втягивания в какие-либо конфликты, а культ личности и национализм служили в какой-то мере заслоном для проникновения идей радикального ислама [Казанцев, Лин 2017: 58].

Всё духовенство находилось под строгим контролем власти. Спецслужбы строго контролировали деятельность религиозных организаций. При нынешнем президенте Г. Бердымухаммедове ситуация мало изменилась, даже несмотря на то, что в последние годы выросло количество выходцев из Туркменистана в составе террористических группировок. В частности, согласно данным компании «Суфан-груп» в 2015 г. в составе ИГИЛ воевали 360 человек из Туркменистана, а в 2017 г. численность туркмен-боевиков перевалило 400 [Barret 2017: 13]. Некоторое количество выходцев из Туркменистана эмигрировало в Афганистан, некоторые из них присоединились к ИГ [Казанцев, Лин, 2017: 59].

В то же время, еще в 2016 г. военный эксперт Х. Союнов отмечал, что туркменская армия слабая, для Туркменистана любая угроза извне может стать детонатором ситуации¹. Граница между Афганистаном и Туркменией – самое слабое звено на всем центральноазиатском направлении с точки зрения террористической угрозы².

Вероятно, руководство Туркменистана рассчитывает договориться с афганским руководством или с теми, кто контролирует территории вблизи афгано-туркменской границы. При благоприятном раскладе Ашгабат может реализовать давний проект ТАПИ, диверсифицировав пути экспорта газа в Южную Азию.

Кыргызстан

Кыргызстан не имеет границы с Афганистаном, однако проблема радикального ислама оказывает непосредственное влияние на положение страны. В стране действуют достаточно радикальные, по меркам светских политических систем Центральной Азии, исламские организации³. На фоне внутривластной нестабильности и противостояния Севера и Юга страны радикализация исламских идей представляет собой угрозу безопасности.

По мнению политолога М. Сариева, радикальный экстремизм может стать реальностью в стране. Причиной тому может быть сильное расслоение общества, «несправедливость власти»⁴.

Кыргызская Республика пока не заявила о своей позиции в отношении смены власти в Афганистане. Очевидно, что Бишкек не собирается торопиться с признанием правительства талибов и явно не станет этого делать до того, как пример покажут Россия и Китай.

Казахстан

Ситуация в Казахстане в плане угроз со стороны радикальных экстремистов выглядит наиболее оптимистической. Во-первых, в сравнении с другими государствами Казахстана наиболее экономически развитый, во-вторых, нет общей границы с Афганистаном, в-третьих, казахи до образования СССР вели кочевой образ жизни, что повлияло на их отношение к религии, в-четвертых, силовые структуры страны вполне способны отразить подобную угрозу.

Тем не менее, террористическая угроза всё равно не обошла Казахстан. В 2011-2012 гг. прокатилась серия терактов в Актобе, Атырау, Алматы и Алматинской области, Таразе [Шибуттов, Абрамов: 9-12].

В этой связи, в условиях сохраняющейся неопределенности и вероятного роста

¹ Первой страной для удара талибов станет Туркмения, Universe-tss, 24 июля 2021 // <https://universe-tss.su/main/politika/world/98765-pervoj-stranoj-dlja-udara-talibov-stanet-turkmenija.html>

² На границе с талибами самым слабым звеном оказалась Туркмения, Центр. Азия, 16.08.2021 <https://centrasia.org/newsA.php?st=16290919>

³ Duysheeva R. Should Tablighi Jamaat be banned in Kyrgyzstan? Central Asian Bureau for Academic Reporting (CABAR). 20 May 2019. // <https://cabar.asia/en/should-tablighi-jamaat-be-banned-in-kyrgyzstan>

⁴ Как ситуация в Афганистане может повлиять на Кыргызстан, рассказал Марс Сариев, Seldon News, 17 августа, 2021, <https://news.myseldon.com/ru/news/index/256368648>

напряженности Казахстану следует воспринимать подобные угрозы безопасности как региональные, осознавая, что дестабилизация одного из государств будет грозить всему региону в целом.

Заключение

Стремительно развивающиеся события в Афганистане, завершение вывода иностранных сил и шокирующе быстрое падение проамериканского правительства А. Гани стали безусловной неожиданностью для большинства государств мира, в том числе для Центральной Азии. Можно отметить, что на состоявшейся в 15-16 июля 2021 г. конференции высокого уровня в Ташкенте обсуждались вопросы развития сотрудничества с А. Гани и членами его кабинета министров, реализации планов взаимодействия Центральной и Южной Азии посредством Афганистана, а всего месяц спустя к власти пришли талибы. В новых условиях ни одна из стран Центральной Азии не торопится признавать новое правительство Афганистана. Выжидательная позиция обусловлена стремительностью развития событий и некоторой неопределенностью внутриафганского расклада сил в новых условиях. Все еще неясно, насколько актуализируются

угрозы безопасности, исходящие из Афганистана, насколько договороспособными будут талибы, удастся ли им сохранить под своим контролем территории страны.

Вероятно, отдельные государства региона могут пойти на договоренности с ДТ в случае, если талибам удастся сохранить власть и единство в своих рядах, и если их режим будет представляться не намного более исламистским и радикальным, чем в соседних исламских республиках - Пакистане и Иране, или в арабских монархиях Персидского залива, с которыми страны Центральной Азии имеют более или менее успешный опыт сотрудничества. Идеальной выглядела бы ситуация, при которой талибы, демонстрирующие свою относительную «умеренность», сумели бы достичь международного признания. В этом случае можно ожидать начала реализации трансафганских проектов с перспективой превращения этой страны в межрегиональный хаб.

Пока же страны Центральной Азии приглядываются как к угрозам, таким как терроризм, растущая радикализация ислама, рост наркотрафика, проблема беженцев, так и к возможностям, которые связаны с обновлением мира в Афганистане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимбеков С.М.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии, Алматы: 2003 г. – 163 с.
- Казанцев А. А.* Проблема роста исламского радикализма в странах Центральной Азии // *Международная аналитика*. В. 3. № 17. 2016 г. С. 101.
- Казанцев А и Томас Ф. Лин,* Афганистан в контексте региональной безопасности, Терроризм в Афганистане: совместная оценка угрозы, Российско-американская рабочая группа по противодействию терроризму в Афганистане, East West Institute, 2017, с.88.
- Коргун В.* Афганский конфликт и Центральная Азия, Российско-турецкий диалог по проблемам Центральной Азии и Кавказа: История и современность», М., 2010 г., с. 239–248.
- Малашенко А. В.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998. – С.190
- Муртазин М.* Таджикистан: победа над исламизмом? Проблемы безопасности, 2018, с.21.
- Панарин И., Казанцев А.* Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях. Аналитическая ассоциация ОДКБ и Институт международных исследований МГИМО МИД России. – Москва: МГИМО МИД России, 2017 г. С. 18.
- Шибутов М. и Абрамов В.* Терроризм в Казахстане – 2011-2012 годы 2012 г. С. 9-12.
- Brzezinski Zbigniew* The Grand Chessboard American privacy and its geostrategic imperatives, United State, Perseus Books, LLC, 2000, P. 168
- Cornell S.E.* The Narcotics Threat in Greater Central Asia: From Crime-Terror Nexus to State Infiltration // *Central Asia-Caucasus Institute, Silk Road Studies Program, China and Eurasia Forum Quarterly*, 2006, Vol. 4, No. 1. P. 36-67
- Haghighayghi* Islam and Politics in Central Asia, St.Martin's Press, New York, 1995, P. 264

- Kepple G., Milelli J.P., Ghazaleh P.* Al Qaeda in Its Own Words // Harvard University Press, 2008. P. 48.
- Nichol J.* Central Asia: Security, Internal Affairs & U.S. Interests. New York: Nova Science Publishers 2008. P. Viii, P.72.
- Omelicheva M.Y.* Ethnic Dimension of Religious Extremism and Terrorism in Central Asia. Chicago: International Studies Association, 2007, P.33.
- Barret R.* Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees. The Soufan Group. October 2017. P.13.

REFERENCES

- Akimbekov S.M.* Afghan node and security problems of Central Asia, Almaty: 2003. - 163 p.
- Kazantsev A. A.* The problem of the growth of Islamic radicalism in the countries of Central Asia // International Analytics. B. 3. No. 17. 2016. C. 101.
- Kazantsev A. and Thomas F. Lin,* Afghanistan in the context of regional security, terrorism in Afghanistan: a joint assessment of the threat, the Russian-American Working Group on Countering Terrorism in Afghanistan, East West Institute, 2017, p.88.
- Korgun V.* Afghan conflict and Central Asia, Russian-Turkish dialogue on the problems of Central Asia and the Caucasus: history and modernity, "M., 2010, p. 239-248.
- Malashenko A.V.* Islamic revival in modern Russia / Mosk. Carnegie Center. - M., 1998. - C.190
- Murtazin M.* Tajikistan: Victory over Islamism? Security problems, 2018, p.21.
- Panarin I., Kazantsev A.* The threat of international terrorism and religious extremism to the CSTO member states in the Central Asian and Afghan directions. Analytical Association of the CSTO and Institute of International Studies of MGIMO Foreign Ministry of Russia. - Moscow: MGIMO Foreign Ministry of Russia, 2017. C. 18.
- Chibutov M. and Abramov B.* Terrorism in Kazakhstan - 2011-2012 2012 C. 9-12.
- Brzezinski Zbigniew,* The Grand Chessboard American Privacy and Its Geostrategic Imperatives, United States, Perseus Books, LLC, 2000, P. 168
- Cornell S.E.* The Narcotics Threat In Greater Central Asia: From Crime-Terror Nexus to State Infiltration // Central Asia Caucasus Institute, Silk Road Studies Program, China and Eurasia Forum Quarterly, 2006, Vol. 4, No. 1. P. 36-67
- Haghighyehi Islam and Politics In Central Asia, St. Martin's Press, New York, 1995, P. 264
- Kepple G., Milelli J.P., Ghazaleh P.* Al Qaeda in Its Own Words // Harvard University Press, 2008. P. 48.
- Nichol J.* Central Asia: Security, Internal Affairs & U.S. Interests. New York: Nova Science Publishers 2008. P. VIII, P.72.
- Omelicheva M.Y.* Ethnic Dimension of Religious Extremism and Terrorism In Central Asia. Chicago: International Studies Association, 2007, P.33.
- Barret R.* Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees. The Soufan Group. October 2017. P.13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Якубов Ильдар Харассович, кандидат политических наук, заведующий кафедры «Прикладной анализ международных проблем» Университета мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан, e-mail: ildaryakubov@gmail.com

Нуриддинов Умарбек Камолиддин ўғли, студент 4 курса факультета «Международные отношения» Университета мировой экономики и дипломатии, e-mail: nuriddinovumarbek3@gmail.com

Ildar Kh. Yakubov, Candidate of Political Science, Head of the Department of Applied Analysis of International Problems, University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan, e-mail: ildaryakubov@gmail.com

Umarbek K. ogli Nuriddinov, 4th year student of the Faculty of International Relations, University of World Economy and Diplomacy, e-mail: nuriddinovumarbek3@gmail.com

Посредничество ЕС: эволюция подходов в контексте урегулирования современных конфликтов

Н. В. Шевчук

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-6164-5767>, e-mail: shevchuk-nv@ranepa.ru

А. А. Сачик

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-mail: sachik.angel@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется роль Европейский союз как претендента на одну из ключевых ролей в продвижении мирных процессов в разных регионах мира. Особое внимание уделяется институционализации европейского посредничества. Благодаря постоянному присутствию на местах и широкому спектру финансовых инструментов, можно наблюдать развитие комплексного и многостороннего подходов ЕС к мирному урегулированию конфликтов. Вовлечение ЕС в урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве и особенно опыт участия в приднестровском урегулировании позволили этому актору оптимизировать свои подходы к медиации и освоить потенциал статуса наблюдателя за ходом переговоров. Сегодня Европейский союз, который сам по себе является достижением в области миростроительства, претендует на одну из ключевых ролей в продвижении практики мирного посредничества во всем мире. Авторы акцентируют внимание на неповоротливости ЕС в контексте общих подходов к урегулированию конфликтов и связывают это с бюрократией и замысловатостью политической системы управления ЕС. Однако несмотря на это, можно говорить о том, что на техническом и методологическом уровне ЕС уверенно движется в сторону стандартизации общей политики медиации. В статье затронуты отдельные аспекты политики мер укрепления доверия и других тактик формирования устойчивого диалога, а также показано, что вовлечение ЕС в урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве и особенно опыт участия в приднестровском урегулировании позволили этому актору оптимизировать свои подходы к медиации и освоить потенциал статуса наблюдателя за ходом переговоров. Авторы приходят к выводу о том, что несмотря на нормативную регламентацию в области посредничества и активную роль ЕС в качестве «третьей стороны», говорить о формировании общей позиции ЕС относительно мирного урегулирования конфликтов на Южном Кавказе, в Приднестровье, на Украине на данном этапе рано, реальные механизмы для выработки консолидированного подхода отсутствуют.

Ключевые слова: Европейский союз, урегулирование конфликтов, посредничество, постсоветское пространство, институты посредничества, инструменты посредничества.

Для цитирования: Шевчук Н.В., Сачик А.А. Посредничество ЕС: эволюция подходов в контексте урегулирования современных конфликтов. Постсоветские исследования. 2021;4(6):479–487.

EU mediation: evolution of the approaches in the context of modern conflict resolution

Nina V. Shevchuk

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of management, Saint Petersburg, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6164-5767>, e-mail: shevchuk-nv@ranepa.ru

Angelina A. Sachik

National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia

E-mail: sachik.angel@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the role of the European Union as a contender for one of the key roles in promoting the practice of mediation around the world. Particular attention is paid to the institutionalization of the EU's role as a mediator. Thanks to its permanent presence on the ground and a wide range of financial instruments, it is possible to observe the development of an integrated and multilateral EU approach to the peaceful resolution of conflicts. The EU's participation in the settlement of conflicts in the post-Soviet space, and especially the experience of participation in the Transnistrian settlement, allowed this entity to optimize its approaches to mediation and master the potential of observer status during negotiations. Today, the European Union, which in itself is an achievement in the field of peacebuilding, claims one of the key roles in promoting the practice of peace mediation throughout the world. The authors focus on the slowness of the EU in the context of common approaches to conflict resolution and attribute this to the bureaucracy and complexity of the EU's political governance system. However, despite this, we can say that at the technical and methodological level, the EU is confidently moving towards the standardization of the common mediation policy. The article touches upon some aspects of the policy of confidence-building measures and other tactics of forming a sustainable dialogue and shows that the EU's participation in the settlement of conflicts in the post-Soviet space and especially the experience of participation in the Transnistrian settlement allowed this entity to optimize its approaches to mediation and master the potential of observer status for negotiations. The authors conclude that despite the regulatory regulation in the field of mediation and the active role of the EU as a "third party", it is too early to talk about the formation of a common EU position on the peaceful settlement of conflicts in the South Caucasus, Transnistria, and Ukraine at this stage, there are no real mechanisms for developing a consolidated approach.

Key words: European Union, conflict resolution, mediation, post-Soviet space, mediation institutions, mediation tools.

For citation: Shevchuk N.V., Sachik A.A. EU Mediation: Evolution Of The Approaches In The Context Of Modern Conflict Resolution. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(6):479–487. (In Russ.).

Рост конфликтостности в различных регионах мира, большое число затяжных и «замороженных» конфликтов остро ставят перед современным исследователем, дипломатом и специалистом-международником вопрос о том, как эффективно применить накопленный международный опыт для предупреждения и разрешения конфликтов мирными средствами. С одной стороны, методы традиционной дипломатии показали успешность в целом ряде конфликтов, с другой – немало примеров того, как общие принципы и подходы, примененные в одних конфликтах, показывают бесполезность в других.

В российской академической среде традиционно выделяют такие методы урегулирования конфликтов, как: переговоры; посредничество; добрые услуги; примирение и

международный арбитраж; соответствующие процедуры в международных организациях. Западная школа сегодня больше ориентирована на подходы, ранее не принимавшиеся во внимание. Это такие средства урегулирования, как: неофициальная дипломатия так называемых второго и третьего треков, воркшопы по решению проблем, меры укрепления доверия, миростроительство и меры предотвращения конфликтов [Hartzell, Hoddie, Rothchild 2001; Aggestam 2002; Kelman 1992]. Все чаще признается, что сочетание усилий по урегулированию конфликтов как на официальном, так и на неофициальном уровнях имеет важное значение, равно как и потенциал сочетания новых инструментов с традиционными механизмами, то есть многоуровневый подход.

В свою очередь, такая практика построена на недостатках традиционных методов вовлечения в конфликты. Здесь целью выступает не столько прекращение насильственного поведения, сколько установление новых форм взаимодействия, которые могут отражать основные принципы справедливости, человеческие потребности, законность и равенство. Это нередко обеспечивается импровизацией, рациональность которой легко объяснить необходимостью приспособления ранее апробированных инструментов и методов урегулирования конфликтов к условиям каждого отдельного кейса, по сути своей, практически всегда уникального. Справедливо и то, что сложность инструментов медиации умножается сложностью конфликтов, многообразием их участников, а также сторон, выступающих в посреднической деятельности [Буланаква 2020].

Вовлечение ЕС в урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве и особенно опыт участия в приднестровском урегулировании позволили этому актору оптимизировать свои подходы к медиации и освоить потенциал статуса наблюдателя за ходом переговоров. Благодаря этому опыту, выработаны действенные и легитимные механизмы подключения к урегулированию, в том числе предусматривающие определенный порядок управленческой и финансовой отчетности, что позволяет европейской дипломатии применять тактику кнута и пряника, стимулируя те или иные формы поведения сторон конфликта [Шевчук 2021].

До этого посредническую деятельность ЕС вряд ли можно было выделить в качестве весомого направления, ведь до начала двухтысячных Евросоюз выражал свою приверженность предотвращению конфликтов всего в нескольких документах. Так, кроме некоторых положений об антикризисной дипломатии в Маастрихтском договоре и в целях Общей внешней и оборонной политики ЕС об этом говорилось в «Программе ЕС по предотвращению насильственных конфликтов» (2001 г.) в «Выводах председательства Севильского Европейского Совета: осу-

ществление программы ЕС по предотвращению насильственных конфликтов». Затем в высокой степени этому были посвящены положения Европейской стратегии безопасности «Безопасная Европа в улучшающемся мире», указывавшей на принципы ответственности ЕС как актора мировой политики за обеспечение мировой безопасности. Эти положения развивались в разработанной в 2004 г. Европейской политике соседства, в которой среди целей сотрудничества с соседями заявлялось предупреждение перетекания рисков нестабильности через границы ЕС, и в Плане действий ЕС-Молдова, включавшем раздел по приднестровской проблеме. Также позже приверженность предотвращению конфликтов нашла отражение в документе «Европейский консенсус по вопросам развития» (2005 г.).

Теперь Европейский союз, который сам по себе является достижением в области миростроительства, претендует на одну из ключевых ролей в продвижении практики мирного посредничества во всем мире.

Становление институтов посредничества

Учитывая историю и происхождение ЕС как «мирного проекта», содействие предотвращению конфликтов и миростроительству лежит в основе его внешней политики. Согласно Лиссабонскому договору¹, ЕС стремится содействовать миру (Раздел I, статья 3 (1)) и основывает свое понимание мира на собственных ценностях и принципах, «которые руководили его созданием, развитием и расширением» (Раздел V, статья 21 (1)). Эти принципы воплощаются во внешнеполитических целях, построенных на всеобъемлющем определении мира, которое включает не только безопасность и стабильность (т. е. отсутствие вооруженного насилия), но и устраняет коренные причины конфликта путем продвижения демократии, благого управления, прав человека, устойчивого развития. Эти принципы подчеркиваются в подходе ЕС к ситуациям нестабильности государств, разработанном в 2007 г., в котором отмечается особая роль использования «мягкой силы»: «Хрупкость чаще всего вызывается недо-

¹ Лиссабонский договор 2007 г. // Treaty of Lisbon. Official Journal of the European Union. - 2007. [Электронный ресурс]. - URL:

<https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/5/the-treaty-of-lisbon>

статками и неудачами в управлении ... Поддержка демократического управления, государственного строительства, процессов примирения и защиты прав человека, а также продвижение политической воли к реформам через диалог и стимулы, а не через условия и санкции, должны направлять действия ЕС»¹.

Международное посредничество в мирных процессах долгое время было исключено из европейской внешнеполитической риторики, что беспокоило и сам Европейский союз. Как заявлял бывший министр иностранных дел Франции Б. Кушнер на заседании Совета Безопасности по посредничеству в сентябре 2008 г.: «ЕС полагает — и не без оснований, — что сообщество входящих в его состав 27 стран может играть политическую роль в целом ряде областей и что его потенциал используется не вполне достаточно. Он используется в большей степени для финансирования, чем для посредничества. У нас есть опыт, причем не всегда негативный»².

Усиление прямой поддержки со стороны ЕС переговоров в международных и внутригосударственных конфликтах в различных регионах мира связывают с периодом пребывания Хавьера Соланы на посту Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности в 1999–2009 гг., когда посредничество стало важной частью внешней политики ЕС [Bergmann, Naastrup, Niemann, Whitman 2018]. С тех пор ЕС превратился из актора, который просто оказывает добрые услуги, в актора, распространяющего правовой характер мирных переговоров, и из плательщика в игрока в мирных

процессах, при этом сохраняя свои особые способности в поддержке посредничества.

Сегодня ЕС, среди прочего, играет роль гаранта мирных соглашений, наблюдателя за их выполнением и поставщика технических знаний [Herrberg 2012]. В Европейской службе внешних связей (European External Action Service - EEAS) в этом контексте отмечают, что сегодня трудно найти регион в сегодняшнем мире, где ЕС в той или иной форме не участвует в продвижении мира и безопасности посредством диалога и посредничества на разных уровнях³. Политическая основа для этого была создана еще Программой действий ЕС по предотвращению насильственных конфликтов 2001 г. (EU Programme for the Prevention of Violent Conflicts)⁴, но регулятивный фундамент появился совсем недавно [Sherrif 2012].

В 2009 г., благодаря председательству Швеции, была разработана Концепция укрепления возможностей ЕС в области посредничества и диалога (Concept on Strengthening EU Mediation and Dialogue Capacities, далее - Концепция ЕС)⁵, которая остается наиболее актуальной отправной точкой для посредничества в Европейском союзе. Эта концепция представляет собой политическую основу для участия ЕС в международном посредничестве. С ее помощью ЕС обязуется развивать более профессиональный и активный подход в области посредничества, которое фактически должно быть создано «как инструмент первой реакции на возникающие или продолжающиеся кризисные ситуации»⁶. Таким образом, концепция помогает сократить предполагаемый

¹ European Commission 2007. Towards an EU response to situations of fragility - engaging in difficult environments for sustainable development, stability and peace. – 2007. [Электронный ресурс]. - URL: <https://europa.eu/capacity4dev/public-fragility/documents/towards-eu-response-situations-fragility-0>

² Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности, 5979-е заседание, вторник, 23 сентября 2008 г., Нью-Йорк. [Электронный ресурс]. - URL: <http://undocs.org/ru/S/PV.5979>

³ European External Action Service. EU Mediation Support Team. – 2013. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/cfsp/conflict_prevention/docs/2013_eu_mst_factsheet_en.pdf

⁴ Council of The European Union 2001. EU Programme for the Prevention of Violent Conflicts. 9537/1/01 REV 1. Brussels. – 2001. [Электронный ресурс]. - URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-9537-2001-REV-1/en/pdf>

⁵ Council of the European Union 2009. Concept on Strengthening EU Mediation and Dialogue Capacities. 15779/09. Brussels. – 2009. [Электронный ресурс]. - URL: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/09/st15/st15779.en09.pdf>

⁶ Council of the European Union 2009. Concept on Strengthening EU Mediation and Dialogue Capacities. 15779/09. Brussels. – 2009. [Электронный ресурс]. - URL:

разрыв между участием ЕС в долгосрочном предотвращении конфликтов, с одной стороны, и урегулированием кризисов, и постконфликтным восстановлением, с другой. Более того, в Концепции ЕС принимается расширенное определение посредничества, включающее как фасилитацию (содействие), так и, что важно, диалог.

В документе подчеркивается, что, помимо своей собственной роли в качестве «институционального» посредника, ЕС может выполнять важные роли, которые будут способствовать распространению практики посредничества, продвигая медиацию как инструмент, основанный на ценностях, а также выступая в качестве сторонника посреднических процессов, проводимых другими участниками, и в качестве спонсора посреднической деятельности негосударственных субъектов. Таким образом можно говорить о различных типах участия ЕС в посредничестве и диалоге, а именно¹:

1. непосредственное участие в посредничестве высокого уровня, в том числе в составе группы посредников (conducting);

2. обеспечение политической поддержки использования посредничества и диалога в качестве инструмента предотвращения конфликтов, в том числе другими международными организациями (promoting);

3. предоставление дипломатических рычагов в качестве стимулов для процессов посредничества, опираясь на инструменты в области торговли, развития и кризисного управления (leveraging);

4. оказание технической помощи, включая материально-техническую поддержку, экспертизу по существу или процессу, или

индивидуальное обучение для процессов посредничества, проводимых другими участниками (supporting);

5. оказание финансовой поддержки формальным и неформальным посредническим усилиям (funding).

Действительно, каждое из направлений уже хорошо апробировано. Среди примеров Грузия в 2008 г., когда ЕС был непосредственным участником посредничества. Что касается продвижения посредничества, один из таких примеров связан с заявлениями Совета иностранных дел ЕС относительно ситуации на Мали, в которые ЕС «призывает соседей Мали играть активную и дополняющую роль в посреднической деятельности ЭКОВАС и Африканского союза»². ЕС, однако, в меньшей степени использовал свой собственный внутренний опыт посредничества - например, в Северной Ирландии - для продвижения концепции за пределами страны, что подвергалось критике. ЕС также с 2011 г. поддерживает посредничество посредством пакета тренингов и мер по наращиванию потенциала, в рамках которых проводятся семинары и коучинг в Африке и Азии. Что касается финансирования, ЕС является значительным донором, поддерживая ряд инициатив, включая Группу поддержки посредничества ООН и инициативы национальных властей и гражданского общества, направленные на посредничество и диалог почти во всех регионах. Этому особенно способствовало более широкое использование Инструмента стабильности, который в 2011 г. финансировал посредническую деятельность в ЦАР, Доминиканской Республике, Грузии, Гаити, Индонезии, Боснии и Герцеговине и Боливии³.

Дальнейшие шаги по развитию посреднической деятельности ЕС были сделаны в

<http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/09/st15/st15779.en09.pdf>

¹ Council of the European Union 2009. Concept on Strengthening EU Mediation and Dialogue Capacities. 15779/09. Brussels. – 2009. [Электронный ресурс]. – URL: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/09/st15/st15779.en09.pdf>

² Council of the European Union 2012. Press Release. 3183rd Council meeting. Foreign Affairs. Brussels. 12800/1/12 REV 1. – 2012. [Электронный ресурс]. –

URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/131990.pdf

³ European Commission 2012. Commission Staff Working Document. Report from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions. 2011 Annual Report on the Instrument for Stability. Com (2012) 405 Final. Brussels. – 2012. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2ec28dd4-ecfd-492e-8e83-24c2f9da87b3.0001.02/DOC_1&format=PDF

целях координации, синхронизации и налаживания эффективного процесса взаимодействия [Буланаква 2020]. Так, в 2013 г. было опубликовано совместное заявление Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности с Еврокомиссией «О всеобъемлющем (комплексном) подходе к внешним конфликтам и кризисам»¹, в котором были определены «основы совместной политики» Еврокомиссии и внешнеполитического ведомства ЕС «для более эффективного реагирования на причины и проявления нестабильности» [Tardy 2017]. Так называемый «комплексный подход» охватывает все стадии цикла конфликтов и кризисов, включая раннее восстановление, стабилизацию и миростроительство, в связи с чем ЕС стремится помочь странам вернуться на путь устойчивого долгосрочного развития, с помощью ответных мер, которые должны зависеть от контекста и определяться реальной ситуацией на местах. Более того, «комплексность» означает не только совместное использование инструментов и ресурсов ЕС, но и совместную ответственность субъектов на уровне ЕС и государств-членов².

Несмотря на то, что подход закреплён в 2013 г., развитие его можно отследить с начала 2000-х гг., например, в Европейской стратегии безопасности 2003 г. (European Security Strategy), где подчеркивалась необходимость использования всех инструментов предотвращения конфликтов, имеющихся в распоряжении ЕС, «включая политические, дипломатические, военные и гражданские инструменты, торговую деятельность и деятельность в области развития»³.

В дальнейшем своё развитие комплексный подход к миротворчеству нашёл в Глобальной стратегии внешней политики и безопасности ЕС (далее – Глобальная стратегия), принятой в июне 2016 г., которая в очередной раз подчеркивает важность посредничества как инструмента предотвращения и урегулирования насильственных конфликтов⁴. Стратегия признает, что посредничество является важным компонентом инструментария ЕС для решения насильственных конфликтов и ситуаций нестабильности. Институциональные инновации, такие как создание Группы поддержки посредничества (Mediation Support Team) в Европейской службе внешних действий (European External Action Service - EEAS) в 2012 г. и создание Европейской парламентской службы поддержки (European Parliamentary Support Service) в бюрократическом аппарате Европейского парламента, — все это подчеркивает значение, которое придается посредничеству во внешнеполитических дискуссиях и практике ЕС⁵. Подчеркивая значение «комплексного подхода» в стратегии, отмечается, что он стал одним из ведущих приоритетов внешней политики ЕС [Tardy 2017].

Эволюция инструментов посредничества

В декабре 2020 г. Германия, председательствующая в ЕС, наблюдала за выпуском новой политики ЕС в отношении мирного посредничества. В обновленной Концепции мирного посредничества ЕС (далее – Концепция ЕС 2020 г.), одобренной Заключениями Совета ЕС о мирном посредничестве

¹ Joint Communication to the European Parliament and the Council. Communication on the Comprehensive Approach to External Conflict and Crises. - 2013. [Электронный ресурс]. - URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/cfsp/conflict_prevention/docs/concept_strengthening_eu_med_en.pdf

² Joint Communication to the European Parliament and the Council. Communication on the Comprehensive Approach to External Conflict and Crises. - 2013. [Электронный ресурс]. - URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/cfsp/conflict_prevention/docs/concept_strengthening_eu_med_en.pdf

³ EU Council 2003. A secure Europe in a better world. European Security Strategy. – 2003. [Электронный ресурс]. - URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf>

⁴ A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy: "Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe". - 2016. [Электронный ресурс]. - URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf

⁵ A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy: "Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe". - 2016. [Электронный ресурс]. - URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf

ЕС¹, которые подтверждают поддержку ЕС мирного посредничества как инструмента первого реагирования на возникающие и продолжающиеся конфликты. В Концепции ЕС 2020 г. излагаются основные подходы и принципы, которыми руководствуются посреднические усилия ЕС. Новая политика делает акцент на особой роли ЕС во все более «переполненном поле» мирного посредничества среди других международных организаций, его собственных государств-членов и субъектов частной дипломатии, таких как посреднические НПО.

В частности, благодаря своему постоянному присутствию на местах и широкому спектру финансовых инструментов, которые можно использовать для поддержки посредничества, дипломаты ЕС (специальные представители или группы делегаций) имеют хорошие возможности для вмешательства на всех этапах конфликта, с самого начала в рамках оказания предупреждения и внедрения превентивных мер для долгосрочного выполнения мирных соглашений. Посредничество ЕС в новой Концепции ЕС 2020 г. понимается в широком смысле и осуществляется посредством многостороннего подхода, который включает формальное посредничество между сторонами конфликта «за столом»; посредническую поддержку «за столом» через неформальные каналы связи, форматы консультаций, технические консультации и двустороннее взаимодействие со сторонами конфликта; и роли поддержки и содействия более широкому диалогу «вне стола», которые являются частью более широкого мирного процесса, часто в тандеме с партнерами по реализации и местными «инсайдерскими посредниками» [Dudouet 2021].

В обновлённой Концепции мирного посредничества ЕС 2020 г. присутствует описание официальных лиц и ключевых участников посредничества ЕС, к числу которых можно отнести: на уровне структур в рамках ЕС - Специальных посланников ЕС, Специальных представителей ЕС, послов ЕС, Команду поддержки посредничества (Mediation Support Team) Европейской службы внешних связей, Верховного представителя Союза по

иностранному делу и политике безопасности, миссии в рамках Общей политики безопасности и обороны (Common Security and Defence Policy); и государства-члены ЕС. Представляется необходимым рассмотреть более детально роль ключевых акторов на двух уровнях - на примере Верховных представителей Союза (High Representative; далее – HR), Специальных представителей ЕС (далее - СПЕС) и миссий на уровне структур ЕС и на примере отдельных стран, выступающих в роли медиаторов от имени ЕС и участвующих в этом качестве в различных форматах реализации посредничества. Также подтверждаются ключевые принципы, лежащие в основе внешней политики ЕС, такие как согласованность и партнерство, и учитываются новые глобальные тенденции, влияющие на среду посредничества, от изменения климата до цифровизации. Более того, подчеркивается необходимость подхода, основанного на совместном анализе конфликтов, тщательном мониторинге и оценке, и взаимодействии, способном адаптироваться к изменяющейся динамике конфликта. Посредничество в мирных процессах превратилось в важный инструмент внешней политики и политики безопасности ЕС. В высокой степени эффективности европейского вовлечения в урегулирование конфликтов служит сочетание посредничества с другими видами деятельности по урегулированию конфликтов в ЕС.

Нормативная регламентация ЕС в области посредничества и диалога демонстрирует стремление ЕС расширять возможности международного посредника, и хотя принятие основополагающих документов приближает ЕС к выработке общих принципов в отношении международных конфликтов, говорить о формировании общей позиции пока рано.

Во-первых, в силу геополитических причин и некоторой разности в структуре национальных интересов и стратегических приоритетов отдельных стран, среди 27 государств-членов ЕС сложно сформировать одинаковое отношение к тому или иному конфликту. Объективно сегодня нет реальных механизмов по выработке консолидированной позиции ЕС в отношении конфликтов на

¹ Council of the European Union 2020. Council Conclusions on EU Peace Mediation. 13573/20. Brussels. – 2020.

[Электронный ресурс]. - URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-13573-2020-INIT/en/pdf>

Южном Кавказе, в Приднестровье, на Украине. Во-вторых, члены ЕС соотносят цели своей внешней политики с интересами добрососедства, в котором субъектами могут выступать и страны не члены ЕС.

И наконец, к причинам неповоротливости ЕС в контексте общих подходов к урегу-

лированию конфликтов нужно относить бюрократию и замысловатость политической системы управления ЕС. Однако несмотря на это, можно говорить о том, что на техническом и методологическом уровне ЕС уверенно движется в сторону стандартизации общей политики медиации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буланакова М.А. Внешняя политика ЕС и медиация: тенденции и потенциал развития // Сборник статей: Урегулирование современных международных конфликтов: проблемы, инструменты, методы. – 2020. – С. 7–40.
- Шевчук Н.В. Особенности подключения ЕС к переговорному процессу по приднестровскому урегулированию (1994 – 2005) // Современная Европа. – 2021. - № 3. С. 106–116.
- Aggestam K. Mediating Asymmetrical Conflict // *Mediterranean Politics*. 2002. – №7 (1) – P. 69-91.
- Bergmann J., Haastrup T., Niemann A., Whitman R. Introduction: The EU as International Mediator – Theoretical and Empirical Perspectives // *International Negotiation*. 2018. 23(2). – P. 157–176.
- Hartzell C., Hoddie M., Rothchild D. Stabilizing the Peace After Civil War: An Investigation of Some Key Variables // *International Organization*. – 2001. - № 55(1) – P. 183-208.
- Kelman H.C. Informal mediation by the scholar/practitioner // *Mediation in International Relations* // Palgrave Macmillan. – 1992. – P. 64-82.
- Sherrif A. What have we learned from the past regarding EU conflict prevention and peacebuilding—and where could mediation and dialogue fit in? // FIIA Report 34. Strengthening the EU’s peace mediation capacities: Leveraging for peace through new ideas and thinking. – 2012. - P. 22 – 33.

REFERENCES

- Aggestam K. (2002). Mediating Asymmetrical Conflict. *Mediterranean Politics*, 7 (1), 69-91.
- Bergmann J., Haastrup T., Niemann A., Whitman R. (2018). Introduction: The EU as International Mediator – Theoretical and Empirical Perspectives. *International Negotiation*, 23(2), 157–176.
- Bulanakova M. (2020). EU Foreign Policy and Mediation: Trends and Development Potential. *Collection of articles: Settlement of modern international conflicts: problems, tools, methods*, 7-40.
- Hartzell C., Hoddie M., Rothchild D. (2001). Stabilizing the Peace After Civil War: An Investigation of Some Key Variables. *International Organization*, 55(1), 183-208.
- Herrberg A. (2012). International Peace Mediation: A New Crossroads for the European Union.
- Kelman H.C. (1992). Informal mediation by the scholar/practitioner. *Mediation in International Relations*, 64-82.
- Sherrif A. (2012). What have we learned from the past regarding EU conflict prevention and peacebuilding—and where could mediation and dialogue fit in? *FIIA Report 34. Strengthening the EU’s peace mediation capacities: Leveraging for peace through new ideas and thinking*, 22 – 33.
- Shevchuk N. (2021). Features of EU Involvement in the Negotiation Process on the Transnistrian Settlement (1994–2005). *Contemporary Europe*, 3, 106-116.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шевчук Нина Викторовна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегии, территориального развития и качества жизни, доцент кафедры международных отношений РАНХИГС при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: shevchuk-nv@ranepa.ru

Сачик Ангелина Андреевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. E-mail: sachik.angel@yandex.ru

Nina V. Shevchuk, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher at the Research Laboratory of Strategy, Territorial Development and Quality of Life, Associate Professor of the Department of International Relations of the RANEPА under the President of the Russian Federation, North-Western Institute of Management. Saint Petersburg, Russia. E-mail: shevchuk-nv@ranepa.ru

Angelina A. Sachik, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia. E-mail: sachik.angel@yandex.ru

ТЕРРОРИЗМ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Научная статья / Research article

Участие стран СНГ в процессе ратификации контртеррористических конвенций ООН

А. Р. Андропова¹, П. М. Павлова², А. О. Скоробогатов³

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

e-mail: 1032201987@rudn.ru¹, e-mail: 1032201986@rudn.ru², e-mail: 1032207047@rudn.ru³

Аннотация. В статье представлено исследование процесса участия стран СНГ в процессе ратификации контртеррористических конвенций ООН посредством ряда методов количественного анализа. Изучению подверглись пятнадцать конвенций, включенные Контртеррористическим комитетом (КТК) Совета Безопасности (СБ) ООН в перечень основополагающих соглашений в глобальной борьбе с терроризмом. Авторы выдвигают гипотезу, что особенности сложившейся в странах национальной контртеррористической политики влияют на формирование их дальнейших внешнеполитических шагов на международной арене. В результате исследования подтвердилась приверженность стран СНГ положению, закрепленному в Договоре о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом (1999 г.) о принятии государствами во внимание договоров ООН, касающихся вопроса борьбы с терроризмом. Тем не менее, прослеживается отказ от ратификации или частичная ратификация четырех Конвенций ООН, касающихся противодействия террористическим действиям на борту воздушных и морских судов. Выделяется также значительное число ратификаций международных договоров «с оговорками» по ряду положений. Авторы приходят к выводу, что государства СНГ в первую очередь ориентированы на решение вопроса на региональном уровне. В статье одновременно приводится сравнительный анализ уровня вовлеченности стран в указанный ратификационный процесс, среди которых наиболее высокий показатель у Казахстана.

Ключевые слова. Контртеррористические конвенции, ратификационный процесс, борьба с терроризмом, противодействие терроризму, Конвенции СБ ООН, Антитеррористический центр СНГ.

Для цитирования: Андропова А.Р., Павлова П.М., Скоробогатов А.О. Участие стран СНГ в процессе ратификации контртеррористических конвенций ООН. Постсоветские исследования. 2021;4(6):488–496.

Engagement of CIS countries in the UN counterterrorism conventions ratification process

Anastasiia R. Andronova, Polina M. Pavlova, Anton O. Skorobogatov

RUDN University, Moscow, Russia

e-mail: 1032201987@rudn.ru¹, e-mail: 1032201986@rudn.ru², e-mail: 1032207047@rudn.ru³

Abstract. This paper presents a research study of the participation of CIS countries in the ratification process of the UN counter-terrorism conventions through a number of quantitative analysis methods. Fifteen conventions included by the UN Security Council (UNSC) Counter-Terrorism Committee (CTC) in the list of fundamental agreements in the global fight against terrorism were analyzed. The authors make the hypothesis that the peculiarities of existing national counterterrorism policies affect the shaping of their future foreign policy steps in the international scene. The research confirms the commitment of the CIS countries to the provision stipulated in the Treaty on Cooperation of the CIS Member States in Combating Terrorism (1999) that the states take into account the UN treaties relating to the issue of combating terrorism. Nevertheless, there is a refusal to ratify or partial ratification of the four UN Conventions relating to combating terrorist acts on board of aircraft

and ships. There is also a significant number of ratifications of international treaties "with reservations" on a number of provisions. The authors conclude that the CIS states are primarily focused on resolving the issue at the regional level. At the same time, the article provides a comparative analysis of the level of involvement of countries in the said ratification process, among which the Republic of Kazakhstan has the highest indicator.

Key words. Counterterrorism conventions, ratification process, combating terrorism, counterterrorism, UN Security Council Conventions, CIS Counterterrorism Center.

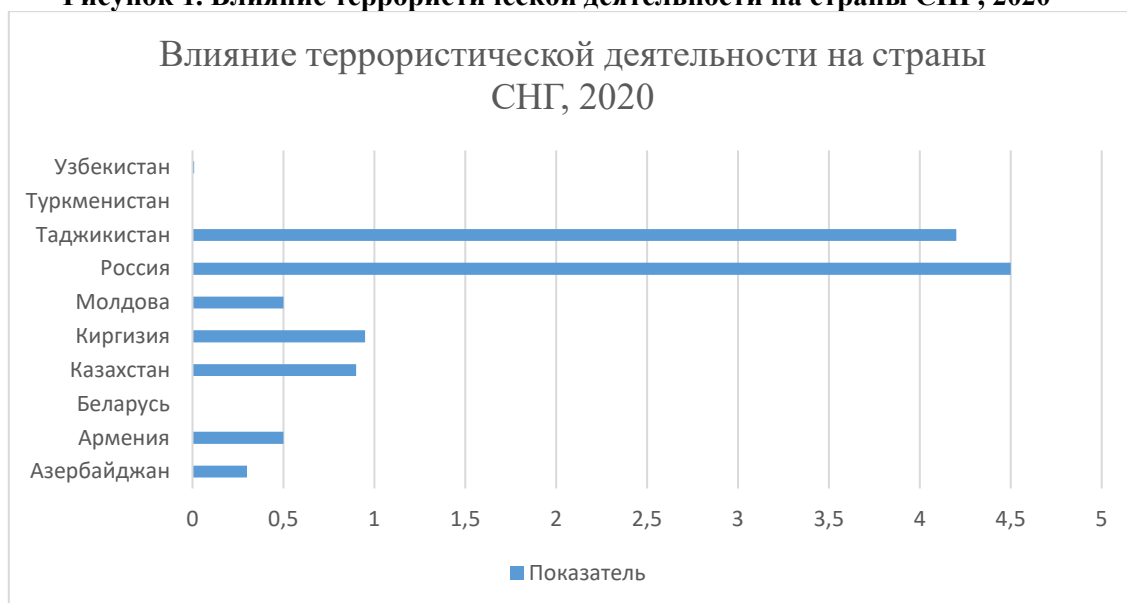
For citation: Andronova A.R., Pavlova P.M., Skorobogatov A.O. Engagement of CIS countries in the UN counterterrorism conventions ratification process. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(6):488–496. (In Russ.)

Проблема терроризма и его последствий не теряет своей актуальности. Несмотря на существующие глобальные и региональные механизмы контртеррористической деятельности, международное сообщество наблюдает процесс трансформации форм и методов террористической активности. Не снижается и число лиц, вовлеченных насильно или по собственной воле в этот вид деятельности. Кроме того, транснациональный характер терроризма обуславливает более тесную консолидацию усилий стран в борьбе с этим явлением. В настоящее время страны вынуждены отвечать на угрозы террористических организаций, созданных и функционирующих на территории собственного государства, но также и противодействовать влиянию извне (как в контексте предотвращения

атак, так и вербовки собственных граждан и присяге на верность ряда местных экстремистских и террористических движений ИГИЛ¹).

На постсоветском пространстве данный вопрос стоит не менее остро. По данным американского Института экономики и мира, страны СНГ в значительной степени подвержены прямым террористическим атакам (см. Рисунок 1). Основываясь на данных из Global Terrorism Database (GTD), данный центр готовит ежегодные доклады, в которых оценивает каждую страну по шкале от 0 до 10; где 0 означает отсутствие воздействия терроризма, а 10 представляет собой наивысшее измеримое воздействие терроризма.

Рисунок 1. Влияние террористической деятельности на страны СНГ, 2020

Источник: составлено авторами на основе Global Terrorism Index, 2020.

¹ Организация запрещена в РФ.

Более того, государства СНГ отмечают тревожные показатели завербованных граждан, отправляющихся воевать в рядах террористических группировок в Сирию и Афганистан. Ввиду специфики данной проблемы невозможно назвать точное число таких лиц, однако по данным ряда национальных экспертов их число варьируется от 300 до 700 человек ежегодно в каждом государстве. Так, на Заседании Совета глав государств СНГ в 2015 г. было подчеркнуто, что на стороне Исламского государства уже воюют от пяти до семи тысяч выходцев из России и других стран СНГ¹. Исследователи отмечают рост пропагандистских материалов на русском языке. По распространенности использования он стал третьим после арабского и английского. Одновременно указанная террористическая группировка готовит аудио и видео материалы на кыргызском, казахском, узбекском и таджикском языках². Осознавая данную проблему, страны на национальном уровне в разной степени разрабатывают и внедряют стратегии по борьбе с терроризмом и экстремизмом, а также разрабатывают законопроекты, направленные на снижение числа завербованных лиц путем ужесточения наказания.

Неоспорим и тот факт, что государства СНГ разрабатывают региональные механизмы противодействия терроризму и участвуют в глобальных процессах. Однако несмотря на разнообразие форм и методов сотрудничества стран, в данном исследовании будет проанализирован исключительно аспект правового регулирования контртеррористической деятельности с целью выявления уровня вовлеченности государств в процесс имплементации и/или адаптации международных положений об антитеррористической деятельности в национальное законодательство.

В основе методологии лежат принципы историзма и научной объективности. Основным подходом к исследованию выступила теория неоклассического реализма, позволяющая рассмотреть участие государств в глобальном процессе противодействия терроризму и экстремизму через призму национальных подходов. Авторы отталкиваются от тезиса, что именно особенности внутривнутриполитической ситуации, в данном случае речь идет о сложившейся контртеррористической политике и представлении государства об этой угрозе в целом, влияют на формирование дальнейших внешнеполитических шагов. В работе проводится исследование ратификационного процесса посредством методов количественного анализа.

Конвенции ООН по терроризму представляют собой совокупность правовых норм, разработанных международным сообществом после 1963 г., а также являются частью «универсальных правовых рамок/режима борьбы с терроризмом»³. Цель данных договоров заключается в том, чтобы лица, которые совершили террористические преступления или планируют либо готовят их совершение, привлекались к суду государствами, на территории которых они находятся, либо выдавались странам, готовым привлечь их к суду. В основе данных документов лежит принцип *aut dedere aut judicare* (выдавать или осуществлять судебное преследование), который направлен на то, чтобы создать во всем мире неблагоприятные условия для террористов и для финансирующих и поддерживающих их лиц, лишив их возможности находить безопасные убежища⁴. Таким образом, конвенции ООН обеспечивают основу для борьбы с терроризмом, в связи с этим анализ вовлеченности странами СНГ в процесс ратификации данных конвенций

¹Заседание Совета глав государств СНГ // Сайт Президента РФ. 16.10.2015. URL:<http://krem-lin.ru/events/president/transcripts/50515> (дата обращения: 30.05.2021)

²Botobekov U. ISIS and Central Asia: A Shifting Recruiting Strategy // The Diplomat. 17.05.2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/05/isis-and-central-asia-a-shifting-recruiting-strategy/> (дата обращения: 30.05.2021)

³ Универсальные правовые рамки борьбы с терроризмом // Управление Организации Объединенных

Наций по наркотикам и преступности. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Module%202/17-04125_R_ebook.pdf (дата обращения: 30.05.2021)

⁴ Универсальные правовые рамки борьбы с терроризмом // Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Module%202/17-04125_R_ebook.pdf (дата обращения: 30.05.2021)

позволит составить целостное понимание основ и особенностей контртеррористической политики государств СНГ.

При проведении прикладного анализа участия стран СНГ в процессе ратификации основных Конвенций ООН, направленных на предотвращение и противодействие деятельности террористических организаций, авторы присваивали государствам т.н. «баллы». Важно отметить, что получившиеся цифры не иллюстрируют позицию авторов по ратификации тех или иных положений, они лишь способствуют упрощенному представлению результатов. За каждый из этапов страна маркировалась цифрой: подписание (1), ратификация (2). Соответственно, максимально в рамках изучения одной конвенции страна могла получить два балла. Страна с максимальным баллом (2) маркировалась зеленым кружочком, страна, получившая один балл - синим. В случае же, если государство не предпринимало никаких из вышеназванных действий, то сумма ее баллов была равно (0) и не приобретало никакого цвета. В то же время за денонсацию соглашения страна получает (-1), чтобы исключить искажение результатов впоследствии, и маркируется красным кружком.

В дальнейшем баллы за работу по каждой конвенции суммировались, а полученные цифры были взяты за основу при проведении сравнительного анализа участия стран в глобальном ратификационном процессе. Стоит также обратить внимание, что представленные ниже графики не включают в себя анализ ратификации соглашений регионального характера, принятых в рамках СНГ, ОДКБ или ШОС, а также не изучают национальные программы, поэтому полученные

результаты не могут трактоваться в контексте вовлеченности стран в региональные механизмы и программы борьбы с терроризмом.

В рамках данного исследования было проанализировано 15 конвенций и поправок к ним. Документы были выбраны с учетом включения их Контртеррористическим комитетом (КТК) Совета Безопасности (СБ) ООН в перечень основополагающих соглашений в глобальной борьбе с терроризмом.

Для более наглядного представления результатов наименования конвенций были пронумерованы от 1 до 19. Данные документы подразделяются на несколько тематических секторов: борьба с воздушным, морским, ядерным терроризмом. Список представлен ниже:

1. Протокол, изменяющий Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (2014 г.)¹;
2. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г.)²;
3. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 г.)³;
4. Протокол к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1988 г.)⁴;
5. Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации (2010 г.)⁵;
6. Дополнительный протокол к Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (2010 г.)⁶

¹ Protocol to Amend the Convention on Offences and Certain Acts Committed on Board Aircraft (2014). URL: https://www.icao.int/secretariat/legal/list%20of%20parties/montreal_prot_2014_en.pdf (дата обращения: 31.05.2021)

² Convention for the Suppression of Unlawful Seizure of Aircraft (1970). URL: <https://treaties.un.org/doc/db/Terrorism/Conv2-english.pdf> (дата обращения: 31.05.2021)

³ Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation (1971). URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20974/volume-974-I-14118-english.pdf>(дата обращения: 31.05.2021)

⁴ Protocol for the Suppression of Unlawful Acts of Violence at Airports Serving International Civil Aviation, supplementary to the Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation (1988). URL: <https://treaties.un.org/doc/db/Terrorism/Conv7-english.pdf> (дата обращения: 31.05.2021)

⁵ Convention on the Suppression of Unlawful Acts Relating to International Civil Aviation (2010). URL: https://www.icao.int/secretariat/legal/Docs/beijing_convention_multi.pdf (дата обращения: 31.05.2021)

⁶ Protocol Supplementary to the Convention for the Suppression of Unlawful Seizure of Aircraft (2010). URL:

7. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 г.)¹;
 8. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (1979 г.)²
 9. Протокол, изменяющий Конвенцию о физической защите ядерного материала (2005 г.)³;
 10. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (1988 г.)⁴;
 11. Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (2005 г.)⁵;
 12. Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ (1991 г.)⁶;
 13. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.)⁷;
 14. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.)⁸;
 15. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (2005 г.)⁹.
- Страны СНГ представлены в алфавитном порядке.

Рисунок 2. Ратификация странами СНГ основным международным соглашениям в области борьбы с терроризмом на июнь 2021 г.

Конвенция	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Молдова	Россия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
1				●						
2	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●
3	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●
4	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●
5				●					●	
6										

https://www.icao.int/secretariat/legal/docs/beijing_protocol_multi.pdf (дата обращения: 31.05.2021)

¹ Convention on the Prevention and Punishment of Crimes Against Internationally Protected Persons (1973). URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/9_4_1973.pdf (дата обращения: 31.05.2021)

² International Convention against the Taking of Hostages (1979). URL: <https://treaties.un.org/doc/db/terrorism/english-18-5.pdf> (дата обращения: 31.05.2021)

³ Convention on the Physical Protection of Nuclear Material (1980). URL: <https://treaties.un.org/doc/db/Terrorism/Conv6-english.pdf> (дата обращения: 31.05.2021)

⁴ Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation (1988). URL: <https://treaties.un.org/doc/db/terrorism/conv8-english.pdf> (дата обращения: 31.05.2021)

⁵ Protocol to the Protocol for the Suppression of Unlawful Acts Against the Safety of Fixed Platforms located on the Continental Shelf (2005). URL: <https://www.ref-world.org/docid/49f58cee2.html> (дата обращения: 31.05.2021)

⁶ Convention on the Marking of Plastic Explosives for the Purpose of Detection (1991). URL: <https://treaties.un.org/doc/db/Terrorism/Conv10-english.pdf> (дата обращения: 31.05.2021)

⁷ International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings (1997). URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mt ds g_no=XVIII-9&chapter=18&clang=_en (дата обращения: 31.05.2021)

⁸ International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism (1999). URL: <https://treaties.un.org/doc/db/terrorism/english-18-11.pdf> (дата обращения: 31.05.2021)

⁹ International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism (2005). URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mt ds g_no=XVIII-15&chapter=18&Temp=mt ds g3&clang=_en (дата обращения: 31.05.2021)

7	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●
8	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●
9	●	●		●	●	●	●	●	●	●
10										
11				●						
12	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●
13	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●
14	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●
15	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●

Источник: составлено авторами на основе проведенного анализа.

В итоге проведенный анализ показал, что большинство конвенций ООН было ратифицировано государствами СНГ – это обстоятельство позволяет авторам исследования предположить, что государства постсоветского пространства в целом подтверждают основополагающее значение Конвенций ООН в вопросах противодействия терроризму. Настоящие выводы также подтверждаются фактом того, что в преамбуле одного из ключевых документов, заключенных в рамках СНГ – Договоре о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г. – подчеркивается, что государства принимают во внимание договоры ООН, касающиеся вопроса борьбы с терроризмом¹. В свою очередь, главный институциональный механизм борьбы с терроризмом в рамках СНГ – Антитеррористический центр СНГ (АТЦ СНГ) – взаимодействует в рамках своей компетенции с Контртеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН. В этом контексте интересно, что Комитет СБ ООН в мае 2020 г. представил доклад Группы по наблюдению по ситуации в Афганистане, в котором отмечалась особая роль АТЦ СНГ в консультировании по вопросам, касающихся поставок афганских наркотиков². В свою очередь, вышеобозначенные факты также подтверждают, что государства

СНГ уделяют особое внимание вопросу противодействия терроризму в рамках взаимодействия с ООН.

Однако в результате проведенного исследования было также выявлено, что часть конвенций не были ратифицированы ни одной из стран СНГ, а именно Дополнительный протокол к Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (2010 г.) и Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (1988 г.). За исключением Казахстана, странами СНГ не был ратифицирован также Протокол, изменяющий Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (2014 г.). Интересно также, что ряд государств (в особенности Беларусь, Россия, Армения и Молдова) часто ратифицируют соглашения с определенными оговорками, например, Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма (2005 г.).

Отказ от ратификации или частичная ратификация тех или иных Конвенций ООН может быть связана как с тем, что положения данных Конвенций дублируют положения или же вступают в конфликт с положениями национального законодательства, так и с тем, что отдельные положения Конвенций возможно требуют внесения изменений в национальные законодательства государств СНГ.

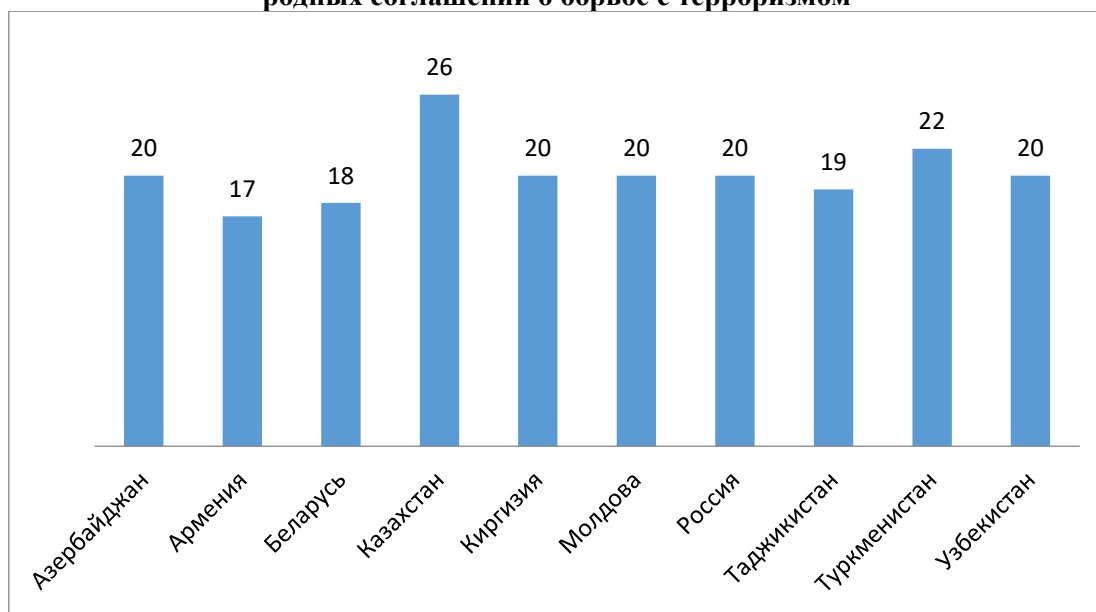
¹ Договор о сотрудничестве государств - участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901824672> (дата обращения: 31.05.2021)

² Глава Антитеррористического центра СНГ: террористы используют усталость от пандемии // ТАСС. 29.06.2020. URL: <https://tass.ru/interviews/8823371> (дата обращения: 31.05.2021)

В связи с этим неудивительно, что несмотря на наличие различных документов и конвенций ООН по борьбе с терроризмом, государства уделяют также особое внимание региональному уровню кооперации по вопросу противодействия террористической деятельности. Поскольку региональные соглашения дают возможность сформулиро-

вать в том числе более конкретные формулировки в рамках определения понятия «терроризм», «террористический акт», «террорист», а также более точно определить меры проведения контртеррористической политики в соответствии с положениями национальных законодательств государств тех или иных региональных объединений.

Рисунок 3. Сравнительный анализ вовлеченности стран СНГ в процесс ратификации международных соглашений о борьбе с терроризмом

Источник: составлено авторами

На основе проведенного анализа авторы исследования также сопоставили уровень вовлеченности стран СНГ в процесс ратификации соглашений ООН (рисунок 3). В результате наблюдается, что среди всех государств СНГ особенно выделяется Республика Казахстан, которая ратифицировала 13 из 15 представленных в исследовании соглашений. Так, Протокол, изменяющий Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (2014 г.) и Дополнительный протокол к Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (2010 г.) были ратифицированы в 2019 г., что возможно связано с увеличением количества террористических атак в Казахстане с 2011 г.¹

Необходимо также отметить, что в рамках данной работы авторы не предпринимали

попытку провести анализ оговорок при ратификации соглашений. Однако в дальнейшем особый интерес может представить изучение данных положений через призму национальной политики государств в отношении вопроса борьбы с терроризмом.

Таким образом, в результате проведенного исследования, очевидно, что в настоящее время отмечается достаточно высокая степень вовлеченности государств СНГ в процесс ратификации международных соглашений ООН о борьбе с терроризмом, что свидетельствует как об озабоченностью государствами постсоветского пространства данной проблемой, так и о серьезном правовом фундаменте контртеррористической политики государств СНГ.

¹ Контртеррористическая деятельность в РК. Что сделано за последние годы? // Informburo. 20.11.2020.

URL: <https://informburo.kz/special/kontrterroristicheskaya-deyatelnost-v-rk-chto-sdelano-za-poslednie-gody.html> (дата обращения: 31.05.2021)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Edward J. Lemon.* Building resilient secular citizens: Tajikistan's response to the Islamic State // *Caucasus Survey*. 2016. Vol. 4. No. 3. P. 261-281.
- Henar Criado* What Makes Terrorism Salient? Terrorist Strategies, Political Competition, and Public Opinion // *Terrorism and Political Violence*. 2017. Vol. 29. No. 2., P. 197-214.
- Konyshev V.* Неоклассический реализм в теории международных отношений // *Полис. Политические исследования*. 2020. С. 94-111.
- Атамали К.Е.* Терроризм как угроза региональной безопасности Центральной Азии // *Россия и мусульманский мир*. 2021. №2 (320). С. 51 – 60.
- Грачев С.И.* Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории. (Учебное пособие) / Электронная версия / Под общей редакцией академика О.А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010. 242 с.
- Калдыбек А., Тыныбекова М., Орынбек А.* Терроризм и насильственный экстремизм в СНГ на примере Республики Казахстан // *Постсоветские исследования*. 2021. №4 (5). С. 388–399.
- Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю.* Противодействие терроризму в рамках СНГ: нормативные и институциональные аспекты // *Человек: преступление и наказание*. 2016. №2 (93). С. 65-68.
- Карпенко Ю.О., Шумилов М.М.* Институционализация антитеррористического сотрудничества на евразийском пространстве: проблемы и перспективы // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2021. №1 (35). С. 88 – 103.
- Мусалимов Р.А.* Контртеррористическая политика стран СНГ на постсоветском пространстве // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2009. №4. С. 13 – 20.
- Репинская О.В.* Сотрудничество по противодействию терроризму в формате СНГ // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. №4. С. 174-178.

REFERENCES

- Edward J. Lemon.* Building Resilient Secular Citizens: Tajikistan's Response to the Islamic State // *Caucasus Survey*. 2016. Vol. 4. No. 3. P. 261-281.
- Henar Criado.* What Makes Terrorism Salient? Terrorist Strategies, Political Competition, and Public Opinion // *Terrorism and Political Violence*. 2017. Vol. 29. No. 2., P. 197-214.
- Konyshev V.* Neoclassical Realism in the Theory of International Relations // *Polis. Political Studies*. 2020. С. 94-111.
- Atamali K.E.* Terrorism as a Threat to Regional Security in Central Asia // *Russia and the Muslim World*. 2021. №2 (320). С. 51 - 60.
- Grachev S.I.* Terrorism and counterterrorist activity: issues of theory. (Textbook) / Electronic version / Under the general editorship of Academician O.A. Kolobov. - Nizhny Novgorod: FMO/ISI NNSU named after N.I. Lobachevsky, 2010. 242 с.
- Kaldybek A., Tynybekova M., Orynbeke A.* Terrorism and violent extremism in the CIS by the example of the Republic of Kazakhstan // *Post-Soviet Studies*. 2021. №4 (5). С. 388-399.
- Karimov R.R., Karimova G.Y.* Countering Terrorism in the CIS: Normative and Institutional Aspects // *Man: Crime and Punishment*. 2016. №2 (93). С. 65-68.
- Karpenko Yu.O., Shumilov M.M.* Institutionalization of anti-terrorist cooperation in the Eurasian space: problems and prospects // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2021. №1 (35). С. 88 - 103.
- Musalimov R.A.* Counterterrorist policy of the CIS countries in the post-Soviet space // *Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science*. 2009. №4. С. 13 - 20.
- Repinskaya O.V.* Cooperation in Combating Terrorism in the CIS Format // *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2015. №4. С. 174-178.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андропова Анастасия Романовна, магистр второго года обучения, кафедра теории и истории международных отношений ФГСН РУДН. Москва, Россия. E-mail: 1032201987@rudn.ru.

Павлова Полина Михайловна, магистр второго года обучения, кафедра теории и истории международных отношений ФГСН РУДН. Москва, Россия. E-mail: 1032201986@rudn.ru.

Скоробогатов Антон Олегович, магистр второго года обучения, кафедра теории и истории международных отношений ФГСН РУДН. Москва, Россия. E-mail: 1032207047@rudn.ru.

Anastasiia R. Andronova, second-year master's student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: 1032201987@rudn.ru

Polina M. Pavlova, Master's student, second year Master's student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: 1032201986@rudn.ru.

Anton O. Skorobogatov, Master's student, second year Master's student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: 1032207047@rudn.ru.

История становления и современное состояние перечня организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах-членах ОДКБ

М. А. Павлова¹, Е. Пронкул², А. Е. Судоргин³

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

e-mail:1032164329@rudn.ru¹, e-mail:1032165199@rudn.ru², e-mail: 1032201985@rudn.ru³

Аннотация. Международный терроризм является одной из ключевых угроз безопасности, декларируемых ОДКБ. Для успешного противодействия терроризму необходимы слаженные действия всех стран-участников. Помимо гармонизации законодательства и совместных действий необходим единый подход к пониманию феномена терроризма. В частности, речь идет о едином перечне террористических организаций для того, чтобы государства могли слаженно действовать по борьбе с конкретными угрозами. Несмотря на предпринятые инициативы в этой направлении, на сегодняшний день не удалось принять окончательную версию подобного списка. Настоящая статья посвящена анализу истории создания единого перечня террористических организаций ОДКБ и анализу причин, по которым данный документ так и не был принят.

Ключевые слова: ОДКБ, терроризм, национальная безопасность, коллективная оборона.

Для цитирования: Павлова М.А., Пронкул Е., Судоргин А.Е. История становления и современное состояние перечня организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах-членах ОДКБ. Постсоветские исследования. 2021;4(6):497–500.

The history of creation and the current state of the list of organizations declared terrorist and extremist in CSTO member-states

Milana A. Pavlova¹, Eugenia Pronkul², Aleksei E. Sudorgin³

RUDN University, Moscow, Russia

e-mail:1032164329@rudn.ru¹, e-mail:1032165199@rudn.ru², e-mail: 1032201985@rudn.ru³

Abstract. International terrorism is one of the key security threats, according to CSTO. To fight with terrorism efficiently coherent action of all member-states are necessary. Despite harmonization of national legislation and coherent actions a common approach of comprehension of phenomenon of terrorism is necessary too. In particular, it refers to united list of terrorist organizations to organize coherent action of states in the field of counteracts to security threats. Despite previous initiatives, nowadays, the final version of that list was not adopted. This article is dedicated to analysis. the history of creation of united list of terrorist organizations and the reasons why these documents was not adopted.

Key words: CSTO, terrorism, national security, collective defense

For citation: Pavlova M.A., Pronkul E., Sudorgin A.E. The history of creation and the current state of the list of organizations declared terrorist and extremist in CSTO member-states. Postsovietskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2021;4(6):497–500. (In Russ.)

История создания перечня организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах-членах ОДКБ. Вопрос противодействия террористической угрозе является одним из наиболее важных аспектов деятельности как

государств, так и международных объединений в сфере обеспечения безопасности. Сам феномен терроризма существует уже на протяжении нескольких веков, тем не менее, лишь в конце XX – начале XXI вв. данная проблема переходит из плоскости

национальной безопасности на глобальный уровень. Более того, происходит постепенный процесс интернационализации деятельности по борьбе с терроризмом [Варат 2007].

Если рассматривать данный вопрос с точки зрения доктринальных документов ОДКБ, то в стратегии коллективной безопасности до 2025 г., принятой 14 октября 2016 г. угроза деятельности террористических и экстремистских группировок является первой среди других внутренних угроз безопасности, которые выделяет для себя Организация¹. Всего лишь за несколько месяцев до принятия новой стратегии был принят Перечень организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах – членах ОДКБ².

Созданию данного перечня предшествовал ряд действий и совместных усилий стран-членов ОДКБ. Впервые о совместной деятельности по борьбе с терроризмом ОДКБ официально заявила на заседании Совета Коллективной Безопасности 23 июня 2006 г. в Минске, где было принято решение «О Программе Совместных мер в рамках ОДКБ в сфере борьбы с терроризмом и наркоугрозой».³ Далее были приняты такие документы, как Решение «О плане коллективных действий государств — членов ОДКБ по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН на 2008-2012 гг.»; Меморандум о повышении эффективности Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. и его адаптации к современной геополитической ситуации; Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ «О перечне дополнительных мер по противодействию международному терроризму и экстремизму в формате ОДКБ»; Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ «О положении о формировании Единого списка организаций, признанных террористическими в

формате ОДКБ»; Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г.

Тем не менее, данная нормативно-правовая база не является окончательным итогом деятельности Организации в данной сфере и требует дальнейшего совершенствования. Например, в доктринальных документах ОДКБ отсутствует единое понятие «терроризм». Однако, Организация в своих документах ссылается на резолюции и другие документы ООН, при ссылке на то, что понимать под феноменом «терроризма». Однако, единого определения нет и в рамках ООН, в этой связи страны-члены ОДКБ предлагали унифицировать данное понятие на международном уровне [Дорохина 2018].

Одной из важнейших проблем в сфере борьбы с терроризмом в этой связи является отсутствие единого понимания среди стран-членов того какие организации стоит признавать террористическими и проводить соответствующие мероприятия, а какие – нет. Поэтому параллельно с подготовкой нормативно-правовой базы в сфере противодействия терроризму, а также проведения мероприятий в данной сфере, происходил процесс подготовки единого унифицированного списка экстремистских и террористических организаций.

Так, Комитет секретарей советов безопасности (КССБ) ОДКБ подготовил первую версию перечня в 2004 г. Подразумевалось его дальнейшее рассмотрение на уровне министров иностранных дел в 2005 г., однако, в итоге, данный вопрос был снят с повестки дня. Ввиду противоречий между странами-членами в подходах к определению терроризма данный процесс, в итоге, затянулся до 2015 г. [Дорохина 2018].

Последняя версия перечня была создана на очередном заседании КССБ ОДКБ в

¹ Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года // Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezопасnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezопасnosti_na_period_do/ (accessed: 04.06.2021).

² Перечень организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах – членах

ОДКБ // Официальный портал ОДКБ по вопросам борьбы с терроризмом. URL: https://antiterror.odkb-csto.org/terror_orgs/ (дата доступа: 04.06.2021).

³ Нормативные правовые документы, подписанные в рамках ОДКБ // Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/normativnye_pravovye_dokumenty_podpisannye_v_ramkakh_odkb/ (дата доступа: 04.06.2021).

Ереване в 2016 г.⁴. В него вошли 92 организации, действующие как на территории стран-членов ОДКБ, так и на глобальном уровне, и вне территориальных границ организации. Тем не менее, сохраняются определенные проблемы по вопросам его практического применения.

Современное состояние перечня организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах – членах ОДКБ. Ключевая проблема создания данного списка заключается в рекомендательном характере его применения для стран-членов ОДКБ. Так, согласно Уставу Организации обязательными для исполнения являются только решения Совета Коллективной Безопасности (СКБ)⁵. Решения КССБ могут быть обязательными к исполнению, однако при условии, если данное решение примет СКБ. На сегодняшний день, данное действие так и не было реализовано, в том числе ввиду того, что решения в Организации принимаются консенсусом, что подразумевает согласие всех сторон по всем аспектам данного списка и его применения на практике.

На данный момент решение носит рекомендательный характер, в частности КССБ ОДКБ рекомендует национальным органам, которые ведут борьбу с терроризмом учитывать данный реестр при ведении антитеррористических мероприятий, информировать ОДКБ о внесении изменений в национальные перечни террористических организаций. Секретариат ОДКБ, в свою очередь, информирует государства-члены об изменениях в реестре. Так же ставится задача по дальнейшей разработке Единого перечня террористических и экстремистских организаций.

В 2018 г. рекомендации по созданию единого списка террористических организаций приняла Парламентская Ассамблея (ПА) ОДКБ⁶. Несмотря на то, что данное решение не привело к тому, чтобы данный перечень стал общеобязательным, данное действие

можно рассматривать как положительных шаг. Конечно, в первую очередь, необходимо принятие на уровне глав государств, однако, данное действие свидетельствует о гармонизации подхода на уровне законодательных органов, вследствие чего стоит ожидать ратификации перечня после его принятия лидерами стран. Таким образом, можно говорить о том, что существует модель принятия соответствующего законодательства, которое, ожидает доработок и принятия для дальнейшего применения [Бондуровский 2016].

Важно, однако, отметить, что несмотря на то, что на текущий момент не была достигнута конечная договоренность по вопросу данного списка это не значит, что ОДКБ не противодействует терроризму, напротив, постоянно ведется деятельность в этом направлении, проводятся контртеррористические операции, гармонизация решений по отдельным вопросам и проводятся учения по противодействию террористической деятельности, проводится информационный обмен [Гусев 2018, Бордюжа 2009]

Исходя из этого, можно проследить две важные тенденции. Во-первых, страны-члены ОДКБ выражают заинтересованность в гармонизации подходов к борьбе с терроризмом, одним из направлений этой деятельности является гармонизация единого перечня террористических организаций, при этом заинтересованность по данному вопросу прослеживается практически с самого начала деятельности организации. С другой стороны, данный процесс затянулся на уже достаточно продолжительное время, впервые перечень был создан еще в 2014 г., однако, к 2021 г. удалось добиться только принятия рекомендаций на уровне вспомогательного органа – ПА ОДКБ, что, хоть и свидетельствует о стремлении государств-членов к унификации подходов, к сожалению, не позволяет заявить о том, что работа в данном направлении подходит к концу.

⁴ Перечень организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах – членах ОДКБ // Официальный портал ОДКБ по вопросам борьбы с терроризмом. URL: https://antiterror.odkb-csto.org/terror_orgs/ (дата доступа: 04.06.2021).

⁵ Устав ОДКБ // Официальный сайт ОДКБ. URL: <https://odkb->

csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата доступа: 04.06.2021).

⁶ ПА ОДКБ приняла рекомендации по созданию единого списка террористических организаций // ТАСС, 30.10.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5736880> (дата доступа: 05.06.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Vapat N.A.* The Internationalization of Terrorist Campaigns // Conflict Management and Peace Science, 2007. Vol. 24. P. 265-280.
- Дорохина К.М.* Анализ стратегии организации Договора о коллективной безопасности в сфере противодействия терроризму // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 5. С. 62-77.
- Бондуrowsкий В.В.* Модельное законодательство СНГ и ОДКБ в сфере противодействия международному терроризму: состояние и направления совершенствования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 1. С. 57-62.
- Гусев Л.Ю.* Борьба с терроризмом и экстремизмом в странах Центральной Азии и Афганистане. Роль ОДКБ // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 1. С. 126-133.
- Бордюжа Н.* «Канал», «Арсенал», «Прокси» и другие операции ОДКБ // Международная жизнь. 2009. № 2-3. С. 20-26.

REFERENCES

- Vapat N.A.* The Internationalization of Terrorist Campaigns // Conflict Management and Peace Science, 2007. Vol. 24. P. 265-280.
- Dorokhina K.M.* The analysis of the strategy of Collective Security Treaty Organization in a counterterrorism field // MSU Vestnik. Series 12. Politic Science. 2018. № 5. P. 62-67.
- Bondurovskiy V.V.* Model legislation of CIS and CSTO in field of international counterterrorism: current state and modernization courses // Eurasian integration: economics, law, politics. 2016. № 1. P. 57-62.
- Gusev L.Y.* Fight against terrorism and extremism in countries of Central Asia and Afghanistan. The role of CSTO // Russia and new states of Eurasia. 2018 № 1. P. 126-133.
- Borduzha N.* "Canal", "Arsenal", "Proxi" and other operations of CSTO // International life. 2009. № 2-3. P. 20-26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Павлова Милана Андреевна, магистр в области международных отношений, РУДН. Москва, Россия. E-mail: 1032164329@rudn.ru

Пронкул Евгения, магистр в области международных отношений, РУДН. Москва, Россия. E-mail: 1032165199@rudn.ru

Судоргин Алексей Евгеньевич, магистр в области международных отношений, РУДН. Москва, Россия. E-mail: 1032201985@rudn.ru

Milana A. Pavlova, Master in International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: 1032164329@rudn.ru

Eugenia Pronkul, Master in International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: 1032165199@rudn.ru

Aleksei A. Sudorgin, Master in International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: 1032201985@rudn.ru

Антитеррористическая деятельность в Причерноморском регионе

Д. Г. Гаделия¹, И. А. Ермолаев², М. Д. Стуртуа³

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-4826-8095>¹, e-mail: gadeliya.diana@mail.ru

ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-8944-7161>², e-mail: aermolaev98@yandex.ru

ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-2604-0540>³, e-mail: Sturua_margarita@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы безопасности и противодействия международному терроризму в Причерноморье на современном этапе. Черноморский регион в контексте геополитики расположен на стыке цивилизаций Запад-Восток и Север-Юг, здесь сталкиваются и проявляются противоречия многих держав, не только региональных, но и мировых. Поддержание безопасности в регионе просматривается как задача первостепенной важности, тем не менее государства и международные организации, которые имеют ресурсы и доступ к региону, подходят к вопросу противодействия международному терроризму в Причерноморье небрежно, оставляя простор для террористической деятельности, а другие государства региона, которые не имеют достаточных возможностей, не справляются с этим в одиночку. В статье рассмотрены подходы к обеспечению безопасности в Черном море и Причерноморье ведущих организаций и групп, относящихся в той или иной мере к региону Причерноморья – НАТО, ОЧЭС, СНГ, группа Блэксифор. Также изучены индивидуальные антитеррористические программы стран в регионе и их внешнеполитические документы, направленные на противодействие терроризму. В статье были проанализированы индексы терроризма базы Global Terrorism Index и определен совокупный террористический потенциал на территории государств Причерноморья: уровень индекса терроризма в Причерноморье варьируется от крайне низких показателей до относительно высоких в Турции, Украине и России. Исследование показало, что в регионе не выработан в должной мере антитеррористический режим региона: он не институционализирован, а меры по обеспечению безопасности и борьбе с терроризмом не включают в себя участие всех стран региона, в силу геополитических причин.

Ключевые слова: международный терроризм, Причерноморье, Блэксифор, борьба с терроризмом.

Для цитирования: Гаделия Д.Г., Ермолаев И.А., Стуртуа М.Д. Антитеррористическая деятельность в Причерноморском регионе. Постсоветские исследования. 2021;4(6):501–509.

Counterterrorism practice in the Black Sea region

Diana G. Gadelia¹, Ivan A. Ermolaev², Margarita D. Sturua³

RUDN University, Moscow, Russia

ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-4826-8095>¹, e-mail: gadeliya.diana@mail.ru

ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-8944-7161>², e-mail: aermolaev98@yandex.ru

ORCID:<https://orcid.org/0000-0002-2604-0540>³, e-mail: Sturua_margarita@mail.ru

Abstract. The article examines the issues of security and countering international terrorism in the Black Sea region at the present stage. The Black Sea region in the context of geopolitics is located at the junction of West-East and North-South civilizations, here the contradictions of many powers, not only regional, but also world ones, collide and manifest themselves. Maintaining security in the region is seen as a task of paramount importance, nevertheless, states and international organizations that have resources and access to the region approach the issue of countering international terrorism in the Black Sea region carelessly, leaving room for terrorist activities, while other states in the region that do not have sufficient opportunities, do not cope with it alone. The article examines the approaches to ensuring security in the Black Sea and the Black Sea region of the leading organizations and groups related to one degree or another to the Black Sea region - NATO, BSEC, CIS, Blackseafor

group. The individual anti-terrorist programs of countries in the region and their foreign policy documents aimed at countering terrorism have also been studied. The article analyzed the terrorism indices of the Global Terrorism Index base and determined the aggregate terrorist potential on the territory of the Black Sea states: the level of the terrorism index in the Black Sea region varies from extremely low indicators to relatively high in Turkey, Ukraine and Russia. The study showed that the region has not adequately developed an anti-terrorist regime in the region: it is not institutionalized, and measures to ensure security and the fight against terrorism do not include the participation of all countries in the region, due to geopolitical reasons.

Keywords: international terrorism, the Black Sea region, Blackseafor, counterterrorism

For citation: Gadelial D.G., Ermolaev I.A., Sturua M.D. Counterterrorism practice in the Black Sea region. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(6):501–509. (In Russ.)

Регион Причерноморья после окончания Холодной войны стал активно включаться в процесс регионализации и глобализации. Затронула регион также и глобальная проблема распространения международного терроризма. Кроме того, государства региона активно включаются в работу международных организаций, групп и структур – ОЧЭС, НАТО, ЕС, ОДКБ, СНГ, ГУАМ и другие.

Так как Причерноморье является буферным регионом для распространения терроризма в Европу, вопросы его безопасности не должны оставаться без внимания. Данное исследование было проведено с целью выявить структуры, ставящие перед собой задачи обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом в Причерноморье, а также степень их эффективности.

Методологической основой исследования служат системный подход, с использованием методов интегративного политического, исторического, сравнительного анализа; принципы объективности и политического реализма. В исследовании используются такие методы, как индукция и дедукция, анализ и синтез, классификации и систематизации, анализ ситуаций, контент-анализ и статистический метод для определения общего террористического потенциала региона.

Теоретическую основу работы составили концептуальные положения свойственные теориям политического реализма и

неолиберализма, содержащиеся в трудах ведущих зарубежных и отечественных ученых, таких как: Крымов О., Аватков В.А., Асмус Р., Губанов А.С., Форбриг Г., Димитров К., Лю Янь и других. В своих работах авторы затрагивали проблемы безопасности в Причерноморье, но до сегодняшнего дня никто не затрагивал проблему террористической угрозы и меры, принимаемые коллективно странами для её устранения. Частично данный вопрос был рассмотрен Кофановым А.В. с точки зрения мер, предпринимаемых государствами самостоятельно.

Учитывая большое разнообразие государств региона по различным критериям, было бы закономерно рассмотреть террористическую обстановку каждой страны в отдельности. Согласно Global Terrorism Index Университета Мэриленда за 2020 год, самый высокий рейтинг терроризма в регионе у Турции, Украины и России – 6,11; 4,692 и 4,542 соответственно.¹ Самым же низким рейтингом отличается Румыния – 0, занимающая 135 место за 2020 год. База данных GTD (Global Terrorism Database) подтверждает этот факт – в базе нет записей о терактах на территории Румынии с 2008 года, когда неизвестными были произведена атака на заправочную станцию, располагавшуюся в отеле официальных лиц НАТО в Бухаресте.² Данные по остальным странам представлены в Таблице 1.

¹ Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, November 2020. URL: <http://visionofhumanity.org/reports> (accessed 30.05. 2021).

² Global Terrorism Database (GTD). URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (accessed 30.05. 2021).

Сводная таблица *Global Terrorism Index* по странам Черноморского региона

	Индекс 2020	Рейтинг GTI 2020	Изменение
Азербайджан	0.296	112	-10
Армения	0.53	104	-11
Болгария	0.172	119	-9
Грузия	0.635	100	-11
Молдавия	0.057	126	-4
Россия	4.542	39	-2
Румыния	0	135	-
Турция	6.110	18	-2
Украина	4.692	36	-11
Медиана		0.53	
Среднее		1.89	

Медиана индекса терроризма в странах региона составляет 0,53 (что соответствует индексу терроризма в Армении), среднее значение составляет 1,89. Оба эти значения, согласно ранжированию *Global Terrorism Index*, являются очень низкими.

Так как Содружество Независимых Государств не занимается вопросами безопасности, Антитеррористический центр СНГ занимается совершенствованием нормативно-правовой базы стран участниц¹, а ОДКБ не регулирует вопрос международного терроризма в черноморском регионе², целесообразно рассмотреть отдельно антитеррористическую политику Украины, России и Турции, как стран с наивысшим индексом терроризма в регионе.

Отношение Украины к вопросу международного терроризма в черноморском регионе можно разделить на два этапа: до 2014 г. и после Евромайдана. До 2012 г. Украина активно поддерживала борьбу с террористической угрозой, подписывая такие договоры как меморандум России и Украины о совместной борьбе с терроризмом³.

Учитывая события 2014 г., политика Украины в Черном море свелась к отражению «российской угрозы». Вооружённые силы Украины поставили перед собой несколько целей: защита побережья Черного моря, обеспечение неприкосновенности государственной границы, защита прав государства в исключительной экономической зоне, участие в учениях под эгидой НАТО и ЕС, развитие баз ВМС Украины, но все эти действия направлены не на борьбу с международным терроризмом в районе Черного моря, а на борьбу с так называемой «Российской угрозой».

Стоит также отметить, что Украина в июле 2020 г. расторгла меморандум с РФ о совместной борьбе с терроризмом⁴, что привело не только к ухудшению отношений между двумя государствами, но и к усугублению террористической обстановки в черноморском регионе.

Российская Федерация же поставила перед собой задачи в районе Черного моря, которые были отражены в таких документах как: «Военная доктрина РФ⁵», «Концепция

¹ Программа сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2020-2022 годы. Режим доступа: <https://www.cisatc.org/1289/135/1333> (дата обращения: 30.05.2021 г.).

² Организация Договора коллективной безопасности. Режим доступа: <https://odkb-csto.org/> (дата обращения: 30.05.2021 г.).

³ «О подписании Меморандума между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о сотрудничестве в борьбе с терроризмом». Официальный интернет-портал правовой

информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102156459&intelsearch=%F2%E5%F0%F0%EE%F0%E8%E7%EC> (дата обращения 30.05.2021 г.).

⁴ Украина вышла из меморандума с Россией о сотрудничестве в борьбе с терроризмом. ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8913867> (дата обращения: 30.05.2021 г.).

⁵ «Военная доктрина РФ». Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения 30.05.2021 г.).

внешней политики РФ»¹, «Стратегия национальной безопасности РФ»², «Основы государственной политики РФ в области военно-морской деятельности на период до 2030 года (от 2017 г.)»³, «Морская доктрина РФ 2015 г.»⁴.

При этом следует отметить, что в общих документах: Стратегия Национальной безопасности, Военная доктрина РФ, Концепция внешней политики РФ, - Причерноморью не уделяется много внимания. Согласно Концепции внешней политики России: «Подходы России к взаимодействию с партнерами в Черноморском и Каспийском регионах будут выстраиваться с учетом целей и принципов Устава ОЧЭС»⁵, в военной доктрине РФ от 2014 г. стоит пункт по сдерживанию конфликтов путём укрепления системы коллективной безопасности, что подразумевает усиление роли ОДКБ, ОБСЕ, СНГ и ШОС, а в Стратегии национальной безопасности РФ Причерноморье отсутствует.

Однако, вопрос безопасности Черного моря поднимается в следующих документах: «Основы государственной политики РФ в области военно-морской деятельности на период до 2030 года (от 2017 г.)», «Морская доктрина РФ 2015 г.». В данных документах прописано, что основной целью для Российской Федерации является восстановление и укрепление стратегических позиций РФ, поддержание мира и стабильности в регионе. В документах больше всего внимания акцентируется на военной угрозе США и стран блока НАТО, так как для Российской Федерации крайне неприемлемо продвижение военных сил северо-атлантического альянса на восток. Отдельное внимание уделяется

угрозе США, а в частности разработанной ими концепции «глобального удара», и Россия старается противодействовать этой угрозе. Одна из основных сфер, на которую Российская Федерация делает ставку – это ВМФ, который постепенно обновляется и перевооружается гиперзвуковым вооружением.

При этом, становится очевидно, что Российская Федерация хоть и заботится о своей безопасности, укрепляя свои вооружённые силы в Черном море, вопрос международного терроризма в Причерноморье не является сферой интересов Москвы.

Присутствие же Североатлантического Альянса в Черноморском регионе прежде всего направлено на достижение его геополитических целей. Еще в 2004 г. были выявлены концептуальные основы политики НАТО в Большом Черноморском регионе в рамках монографии «Развитие новой Евроатлантической стратегии в отношении Черноморского региона» [Asmus 2004: 102-105].

Прежде всего положения этого документа определяют Причерноморье как важный стратегический форпост в противодействии нестабильности на Большом Ближнем Востоке. Поскольку Черноморский регион является основным маршрутом нелегального трафика в Европу, его положение создает благоприятные условия для сращивания организованной преступности и терроризма. [Мамедов, 2019] Как следствие, в видении НАТО, стабилизация Черноморского региона в вопросах разрешения «замороженных конфликтов» (Нагорно-Карабахского, Приднестровского, Абхазского и Южноосетинского) стабилизирует и ситуацию на Ближнем Востоке, а контроль

¹ «Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.)». Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения 30.05.2021 г.).

² «Указ президента Российской Федерации о стратегии национальной безопасности Российской Федерации» Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100014,0&rnd=0.9347344478592277#08977806947659701> (дата обращения 30.05.2021 г.).

³ «Указ Президента Российской Федерации от 20.07.2017 г. № 327 Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года». Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/42117/page/2> (дата обращения 30.05.2021 г.).

⁴ «Морская доктрина Российской Федерации». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/555631869> (дата обращения 30.05.2021 г.).

⁵ Устав Организации Черноморского Экономического Сотрудничества. Режим доступа: <https://bsec.mid.ru/documents/22178253/22243553/УСТАВ+ЧЭС.pdf> (дата обращения: 30.05.2021 г.).

Североатлантического Альянса над интеграционными объединениями в Причерноморье способствует его демократизации и стабилизации, что к тому же позволит региону послужить плацдармом для продвижения западноевропейских ценностей на Восток и Юг. [Безнос 2011: 154-157].

НАТО успешно обеспечивает безопасность на море, а именно в Средиземном море, [Средиземноморье... 2006: 39-45] в рамках операции «Sea Guardian» («Морской страж») – постоянной операции по обеспечению морской безопасности, направленной на сдерживание терроризма и снижение риска других угроз морской безопасности в Средиземном море.¹ Она является преемницей военно-морской операции «Active Endeavour» («Активные усилия»), свернутой в 2016 г. Одной из приоритетных целей этой операции являлось предотвращение террористической деятельности на море, в том числе противодействие распространению и контрабанде оружия массового уничтожения.² Однако действие ни первой, ни второй программы не распространяется на территорию Черного моря из-за успешного вмешательства Турции в 2006 г. в инициативу по расширению мандата операции. Поскольку с 2004 г. активно действовала турецкая инициатива – операция «Черноморская гармония» по постоянному мониторингу передвижения судов в Черном море и предотвращению их незаконной деятельности, а также происходило постоянное информирование командования НАТО о ходе операции, необходимость расширения «Active Endeavour» отпала. Тем самым сохранился приоритет региональных держав в сфере обеспечения безопасности Черноморского региона. [Губанов 2014: 314].

Юрисдикция НАТО в Черноморском регионе распространяется на 3 государства: Румынию, Болгарию и Турцию.

Касаемо вопросов упреждения терроризма и координации антитеррористической деятельности в Румынии, можно сказать

следующее: вопросу борьбы с терроризмом в государстве уделяется особое внимание, принята Национальная стратегия упреждения и борьбы с терроризмом, на основе которой действует национальная антитеррористическая система, осуществляется эффективная координация антитеррористических подразделений. [Кофанов 2008: 38-39].

В Болгарии же не существует отдельной террористической структуры, и полномочиями противодействия терроризму обладают силовые ведомства. [Кофанов 2008: 38].

Следует отметить, что Черноморский регион играет ключевую роль в поддержании энергетической безопасности в Европе, поскольку является важным транзитным пунктом в системе поставок нефтегазовых ресурсов из Центральной Азии и Каспия (нефтепроводы Баку-Тбилиси-Джейхан, Киркук-Джейхан, Самсун-Джейхан, газопровод TANAP проекта Южного Газового Коридора), обеспечивающих энергетическую независимость Европы от России. Обеспечение безопасности и стабильного функционирования данных трубопроводов возложено на НАТО, в том числе по предупреждению террористических атак. [Безнос 2011: 156].

Исходя из геополитического положения Турции и нахождения на ее территории критически важной энергетической инфраструктуры, деятельность Североатлантического Альянса в контексте противодействия терроризму, в рамках рабочей программы «Защита от терроризма» сосредоточена именно здесь. Центр передового опыта по защите от терроризма (НАТО) в Анкаре ведет международный диалог по вопросам противодействия терроризму и борьбы с угрозами химической, биологической, радиологической и ядерной безопасности³.

В отличие от других стран-членов НАТО в Черноморском регионе, Турция наиболее подвержена террористической угрозе в силу ряда политических, национальных и религиозных факторов. Согласно сведениям базы

¹ Focused Operations - Force Composition. NATO. URL: <https://mc.nato.int/missions/operation-sea-guardian/focused-operations-force-composition> (accessed 30.05.2021).

² Operation Active Endeavour. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_7932.htm (accessed 30.05.2021).

³ НАТО и борьба с терроризмом. NATO. Режим доступа: https://www.nato.int/cps/us/natohq/topics_48801.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 30.05.2021).

данных GTD на территории Румынии не было зафиксировано ни одного террористического акта с 2009 года, в Болгарии было зафиксировано всего 12 террористических актов с 2009 по 2019 гг., из которых лишь один, с наибольшим количеством жертв (7 чел.), являлся ответственностью террористической группировки, предположительно, Хезболла. В Турции же в период с 2009 по 2019 гг. было зафиксировано 1225 террористических нападений, из которых 815 принадлежали «Рабочей партии Курдистана» («Kurdistan Workers' Party»), что, несомненно, характеризует терроризм в Турции как сепаратистский. Следующими по количеству терактов ответственными террористическими организациями были «Исламское государство» (ИГ) с 79 нападениями и «Революционный народный фронт освобождения» («Devrimci Halk Kurtulus Cephesi») с 28 нападениями.

Таким образом характер террористической деятельности на территории Турции вынуждает ее бороться с террористическими группировками самостоятельно, силами правоохранительных органов [Аватков 2017: 677-679] и в рамках межведомственных проектов Министерства внутренних дел, Министерства обороны, Министерства финансов и даже Министерства по развитию жилищного строительства.¹

Тем не менее, борьба с международным терроризмом в лице ИГ, не получает достаточной поддержки со стороны Альянса, о чем высказался президент Турецкой Республики Тайип Эрдоган, обвинив НАТО в безынициативности в борьбе с терроризмом, недостаточной помощью Турции, а также саботажа и финансирования террористических организаций².

Турция отличается в регионе не только самым высоким уровнем терроризма, но и

своей активностью по выдвиганию различных инициатив – как экономических (например, Черноморского экономического сотрудничества), так и различных форм осуществления коллективной безопасности. Так как формы экономического сотрудничества (ОЧЭС) не являются подходящими для обеспечения безопасности и проведения антитеррористических мероприятий, потому что в принципе для этого не предназначены, Турция в 1998 году выдвинула инициативу создания Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия («Блэксифор»). Соответствующее Соглашение было подписано в 2001 г.³ Создание группы поддержали Турция, Россия, Болгария, Грузия, Румыния и Украина.

Группа была создана с «гибкими функциями» в мирных целях. Ее основная деятельность заключалась в поисково-спасательных операциях, экологическом мониторинге и повышении доверия и взаимодействия флотов причерноморских государств.

В ходе переговоров на уровне спецпредставителей министров иностранных дел стран-участниц «Блэксифор» в 2004 г. была рассмотрена потенциальная возможность использования группы для борьбы с терроризмом в Черном море, а также против незаконного оборота оружия массового поражения и средств его доставки. В итоговом коммюнике стран «Блэксифор» отмечено, что государства готовы нести ответственность в сфере противодействия этим угрозам в Черном море⁴.

Для разработки принципов взаимодействия стран «Блэксифор» в сфере борьбы с терроризмом предполагалось создание специальной группы на уровне министров иностранных дел и министров обороны.

¹ Türkiye, İran sınırına uyarıyor! 144 kilometre... Milliyet. URL: <http://www.milliyet.com.tr/iransinirina-144-kilometrelik-gundem-2449822/> (accessed: 30.05.2021).

² Эрдоган заявил, что НАТО оставила Турцию один на один с террористами. Информационное агентство РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20210112/turtsiya-1592727788.html> (дата обращения: 30.05.2021 г.).

³ Соглашение о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия («Блэксифор»). Электронный фонд правовых и нормативно-

технических документов. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901838481> (дата обращения: 31.05.2021 г.).

⁴ Коммюнике политических консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел государств-участников Соглашения о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия «Блэксифор». Москва, 07.07.2004. Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/abro/11606> (дата обращения: 31.05.2021 г.).

В Коммюнике Второй политической встречи специальных представителей Министров иностранных дел государств-участников Соглашения о черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия (ЧВМГ) «Блэксифор» 2005 г. отмечен прогресс Группы экспертов в разработке принципов работы «Блэксифор» для предотвращения угроз терроризма. Вместе с тем, согласно этому докладу, угроз безопасности в Черном море нет – имеются только риски¹.

Для выработки группой Блэксифор механизмов противодействия террористическим угрозам в Черном море, Турция пригласила страны к участию в операции «Черноморская гармония», которая началась в 2007 г. обменом информацией между Россией и Турцией. В дальнейшем к операции присоединились также Украина и Румыния. Операция проводилась с целью досмотра подозрительных судов для противодействия терроризму и распространению ОМУ. В ходе операции было досмотрено более 1000 подозрительных судов² [Губанов 2014: 313; Крымов 2007: 49-50].

Помимо «Черноморской гармонии», Турция инициировала операцию «Черноморское партнерство». По мнению Мартынкина А.В., эти инициативы преследуют целью вытеснение США из зоны интересов Турции [Мартынкин 2011: 32-33].

Осуществление инициативы «Блэксифор» было несомненно выгодно Турции. Во-первых, военные корабли Турции смогли заходить во все порты причерноморских стран по специальному уведомлению. Во-вторых, инициатива, фактически, делала Турцию лидером по обеспечению безопасности в регионе. Однако после 2008 г. эффективность «Блэксифор» упала и в настоящее время группа представляет собой эффективную силу только в узких технических областях сотрудничества [Губанов 2014: 312-313]. Это связано с ухудшением отношений между государствами-членами после российско-

грузинского конфликта, а также с ухудшением отношений Турции с ЕС и России с НАТО. В соответствии с Соглашением, решения принимаются консенсусом – закономерно, так что группа теперь не может принимать решения, затрагивающие интересы членов и их отношения с другими структурами.

Тем не менее, эти затруднения не вызвали окончательного распада группы. Более того, в 2020 г. Россия высказала предложения возродить деятельность группы. При этом, вероятно, имелось в виду, что Украина в этой деятельности больше участвовать не будет [Лю Янь 2020: 45].

При сохранении и усилении дестабилизации ситуации в Черном море вероятно возрождение механизма «Блэксифор», однако ключевым пунктом является участие в операциях всех Причерноморских стран. Структур, подобных «Блэксифор» и способных взять на себя борьбу с террористической угрозой в регионе, пока не создано.

Таким образом в результате проведенного исследования было выявлено, что регион Причерноморья хотя и имеет в целом достаточно низкий индекс терроризма, но не обладает институтами, способными эффективно с терроризмом бороться. Представленные в регионе организации не являются эффективным антитеррористическим механизмом. Это связано с двумя причинами: ограниченность в компетенциях и ограниченность территориальная, то есть организации либо не занимаются терроризмом вообще, либо включают в свой состав лишь часть представленных в регионе государств. Кроме того, определенное влияние на возможность проведения международными организациями антитеррористических операций оказывает нежелание государств поступаться своими лидирующими позициями в регионе, и опыт НАТО в регионе – тому пример.

Что касается индивидуальных государственных программ, то государства,

¹ Коммюнике Второй политической встречи специальных представителей Министров иностранных дел государств-участников Соглашения о черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия (ЧВМГ) «Блэксифор», Киев, 31 марта 2005. Режим доступа: <https://pandia.ru/text/77/435/820.php> (дата обращения: 31.05.2021 г.).

² Операция «Черноморская гармония». Справочная информация МИД РФ, 2010. Режим доступа: https://www.mid.ru/obsie-voprosy-mezdunarodnoj-bezopasnosti-i-kontrola-nad-vooruzheniami/-/asset_publisher/6s_N03cZTYZOC/content/id/256902 (дата обращения: 30.05.2021 г.).

обладающие наиболее высокими индексами терроризма, не уделяют борьбе с терроризмом в регионе Черного моря достаточно внимания – стратегических документов, содержащих в себе соответствующие пункты, либо нет, либо данные пункты содержатся только в отраслевых документах. При этом Турция, наиболее в регионе подверженная терроризму, в основном сепаратистского толка, страна, является также и инициативным лидером в области борьбы с терроризмом.

Подводя итог, можно сказать, что анти-террористический режим в регионе не

сложился. До настоящего момента наиболее эффективным представляется формат «Блэксифор», но перспектива сокращения числа его участников ввиду политических разногласий фактически сводит к нулю потенциал данной группы для осуществления антитеррористической борьбы в будущем. Для эффективной реализации антитеррористической программы необходимо создание специализированного института, к работе которого были бы привлечены все страны-члены региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аватков В.А.* Особенности борьбы с терроризмом в Турецкой Республике на современном этапе // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. №4. С. 669-683.
- Безнос Н. Н.* Анализ концептуальных основ стратегии НАТО в Черноморском регионе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2011. №3-4. С. 153-163.
- Губанов А. С.* Политика безопасности Турции в Черном море: военно-морской аспект регионального сотрудничества и конкуренции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2014. №1-2. С. 308-318.
- Кофанов А.В.* Нормативно-правовое обеспечение противодействия терроризму в странах мира: некоторые теоретические и практические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2008. №1. С. 34-43.
- Крымов О.* Операция ВМС Турции «Черноморская гармония». Зарубежное военное обозрение. 2007, №1, С. 49-53.
- Лю Янь.* Политические условия возобновления деятельности черноморской военноморской группы «Блэксифор» // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 5А. С. 42-47.
- Мартынкин А.В.* Основные направления деятельности исламистского руководства Турции по превращению страны в региональную державу. Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск VII (II). Серия В. Международные отношения. Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузищина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011. – С. 29-35.
- Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком // Под ред. *Н.П. Шмелева, В.А. Гусейнова, А.А. Язьковой.* – М.: Издательский дом «Граница», 2006. – 216 с.
- Асмус Р., Димитров К., Форбриг Г.* Новая Евроатлантическая стратегия для Черноморского региона / Асмус Р., Димитров К., Форбриг Г. (ред.), Вашингтон: Германский фонд Маршалла США, 2004 г. - 180 с.

REFERENCES

- Avatkov V.A.* Features of the fight against terrorism in the Turkish Republic at the present stage // Bulletin of RUDN. Series: International Relations. 2017. No. 4. p. 669-683.
- Beznos N. N.* Analysis of the conceptual foundations of the NATO strategy in the Black Sea region // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2011. No. 3-4. P. 153-163.

- Gubanov A.S.* Security policy of Turkey in the Black Sea: the naval aspect of regional cooperation and competition // Scientific notes of the V.I.Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2014. No. 1-2. P. 308-318.
- Kofanov A.V.* Regulatory support for countering terrorism in the countries of the world: some theoretical and practical aspects // All-Russian criminological journal. 2008. No. 1. P. 34-43.
- Крымов О.* Operation of the Turkish Navy "Black Sea Harmony". Foreign military review. 2007, No. 1, S. 49-53.
- Liu Yan.* Political conditions for the resumption of activities of the Black Sea naval group "Blackseafar" // Theories and problems of political research. 2020. Volume 9. No. 5A. S. 42-47.
- Martynkin A.V.* The main activities of the Islamic leadership of Turkey to transform the country into a regional power. Black Sea region. History, politics, culture. Issue VII (II). Series B. International relations. Selected materials of the VIII International Scientific Conference "Lazarev Readings" / Edited by V.I. Kuzishchina. - Sevastopol: Branch of Moscow State University in Sevastopol, 2011. - pp. 29-35.
- Mediterranean - Black Sea - Caspian: between Greater Europe and Greater Middle East // Ed. *N.P. Shmeleva, V.A. Guseinova, A.A. Yazkova.* - M.: Publishing house "Granitsa", 2006. - 216 p.
- Asmus R., Dimitrov K., Forbrig G.* A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region / Asmus R., Dimitrov K., Forbrig G. (eds.), Washington D. C.: The German Marshall Fund of the United States, 2004.- 180 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гаделия Диана Геннадьевна, магистр в области международных отношений, РУДН. Москва, Россия. E-mail: gadeliya.diana@mail.ru

Ермолаев Иван Алексеевич, магистр в области международных отношений, РУДН. Москва, Россия. E-mail: aermolaev98@yandex.ru

Стуруа Маргарита Дмитриевна, магистр в области международных отношений, РУДН. Москва, Россия. E-mail: Sturua_margarita@mail.ru

Diana G. Gadeliya, Master in International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: gadeliya.diana@mail.ru

Ivan A. Ermolaev, Master in International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: aermolaev98@yandex.ru

Margarita D. Sturua, Master in International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: Sturua_margarita@mail.ru

Террористическая деятельность в Республике Беларусь: суть и способы противодействия со стороны государства

А. Д. Шаравина

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

e-mail: 1032201991@rudn.ru

Аннотация. За последние десятилетия террористическая деятельность становится более глобальной проблемой, которая представляет опасность не только национальному государству, но и мировому сообществу в целом. В данной статье рассматривается проблема терроризма в рамках Республики Беларусь. В работе затронут исторический аспект развития терроризма, а также его следственно-причинные связи. Ключевым моментом в статье является описание специфики и особенностей законодательной базы Республики Беларусь по вопросам противодействия террористической деятельности. Важен тот факт, что правительство на постоянной основе ведёт работу по совершенствованию национального законодательства, нацеленного на сокращение угроз развития терроризма, так как появляются всё новые проблемы с распространением терроризма. В настоящее время данное государство принимает активное участие по борьбе с международным терроризмом. Стоит отметить, что Белоруссия является довольно активным участником всех основных договоров по проблеме распространения террористической деятельности в мире, разработанные ООН. За последние несколько лет Республика Беларусь стала площадкой проведения многих ключевых и важных мероприятий, нацеленных на поиск методов по борьбе с терроризмом. Среди таких можно считать: Международные конференции – «Предотвращение и борьба с терроризмом в цифровую эпоху» под руководством ОБСЕ, проведённая в октябре 2018 г., а также «Борьба с терроризмом при помощи инновационных подходов и использования новых и возникающих технологий», состоявшаяся в сентябре 2019 г. Если говорить о региональном уровне, то Белоруссия в рамках СНГ активно занимается модернизацией нормативно-правовой базы по данной проблематике. Стоит обратить внимание на то, что Республика Беларусь участвует в реализации национальных антитеррористических органов, а также спецподразделений, являясь членом ОДКБ. Также в рамках исследования были изучены террористические организации, действующие на территории государства, а также представлены наиболее значимые и крупные теракты на территории Белоруссии.

Ключевые слова. Республика Белоруссия, террористическая деятельность, способ противодействия, террористическая группировка.

Для цитирования: Шаравина А.Д. Террористическая деятельность в Республике Беларусь: суть и способы противодействия со стороны государства. Постсоветские исследования. 2021;4(6):510–516.

Terrorist activity in the Republic of Belarus: the essence and methods of counteraction by the state

Arina D. Sharavina

RUDN University, Moscow, Russia

e-mail: 1032201991@rudn.ru

Abstract. Over the past decades, terrorist activity has become a more global problem, which poses a danger not only to the national State, but also to the world community. This article deals with the problem of terrorism within the Republic of Belarus. The paper touches on the historical aspect of the development of terrorism, as well as its causal relationships. The key point in the article is the description of the specifics and features of the legislative framework of the Republic of

Belarus on countering terrorist activities. It is important that the Government is constantly working to improve national legislation aimed at reducing the threats of the development of terrorism, as new problems with the spread of terrorism are emerging. Currently, this State is actively involved in the fight against international terrorism. It is worth noting that Belarus is a fairly active participant in all the main treaties on the problem of the spread of terrorist activities in the world, developed by the UN. Over the past few years, the Republic of Belarus has become a venue for many key and important events aimed at finding methods to combat terrorism. Among these are: International conferences- "Preventing and combating terrorism in the digital age" under the leadership of the OSCE, held in October 2018, as well as "Combating terrorism through innovative approaches and the use of new and emerging technologies", held in September 2019. If we talk about the regional level, Belarus is actively engaged in the modernization of the regulatory framework on this issue within the CIS. It is worth paying attention to the fact that the Republic of Belarus participates in the implementation of national anti-terrorist bodies, as well as special one's divisions, being a member of the CSTO. The study also examined terrorist organizations operating on the territory of the state, as well as presented the most significant and major terrorist attacks on the territory of the Republic of Belarus.

Key words. Republic of Belarus, terrorist activity, method of counteraction, terrorist group.

For citation: Sharavina A.D. Terrorist activity in the Republic of Belarus: the essence and methods of counteraction by the state. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies.* 2021;4(6):510–516. (In Russ.)

Введение. Стоит начать с того, что Республика Беларусь на протяжении долгого времени считается одной из самых безопасных и стабильных стран в мире, но за последние несколько дней ситуация изменилась. На 2020 год, согласно Индексу глобального терроризма (GTI), Беларусь занимает 135 позицию из 163 возможных, это говорит о том, что в принципе уровень терроризма в данной стране находится на низком уровне, но всё же он присутствует.¹

Каковы же причины появления и распространения терроризма в Белоруссии? На возникновение террористической деятельности в Республике Беларусь влияет множество как внешних, так и внутренних факторов.

Что касается внешних факторов, то к ним можно отнести удобное географическое расположение государства для транзита не только наркотиков, но и огнестрельного оружия, различных взрывчатых и отравляющих веществ, а также незаконных мигрантов, которые могут быть причастны к меж-

дународным террористическим организациям.²

Если говорить о внутренних факторах, то их намного больше. В первую очередь стоит упомянуть развитие кризисной ситуации в экономической сфере, что в свою очередь ухудшает материальные условия жизни граждан Белоруссии. Также ещё одной причиной можно считать чрезмерную классовую разницу населения, что может быть причиной частой озлобленности, агрессивности, роста преступности и не веру в действия и решения правительства. Стоит отметить, то за последние пару лет наблюдается тенденция к разрешению конфликтных ситуаций и противоречий именно силовыми методами. Ещё одним фактом, который влияет на развитие террористических организаций считается нелегальная деятельность преступных групп, которая занимается изготовлением различных самодельных взрывчатых устройств. Наиболее ключевой причиной, по моему мнению, можно считать недостаточную эффективность работы органов власти и управления, правоохранитель-

¹ Индекс глобального терроризма, Режим доступа: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf>

² Министерство иностранных дел Республики Беларусь. Режим доступа: https://mfa.gov.by/mulateral/global_issues/global_security/counter_terrorism/

ных органов, что, в свою очередь влияет на увеличения процента обеспокоенности со стороны местного населения. Также в Белоруссии существуют многочисленные диаспоры выходцев из Кавказских регионов, которые могут «подорвать» национальную безопасность республики.¹

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в все перечисленные аспекты, так называемые, причины могут стать серьёзной проблемой для республики Белоруссии и привести к распространению терроризма на её территории.

Террористические группировки на территории Республики Беларусь. В первую очередь, необходимо отметить тот факт, что в Белоруссии нет чётко определённых террористических группировок, имеющих определённое название или наименование. За все террористические акты, совершённые на территории Республики, ответственными являются либо группы лиц, в которых есть непосредственный лидер, либо человек, действующий в одиночку. Стоит рассмотреть несколько наиболее явных примеров террористических группировок, действующих на территории Белоруссии:

1) *Террористическая группировка под предводительством Николая Автуховича*, который был дважды судим за неуплату налогов в особо крупном размере и за незаконное хранение оружия. Также другими членами группировки, на сегодняшний день, являются Рязанович Любовь (организатор службы такси), Павел Сава (безработный) и Сергей Резанович (православный священник), а также некоторые другие лица. Вышеперечисленные занимались взрывами домов, а также движимого имущества сотрудников правоохранительных органов в Республике Беларусь. Они причастны к следующим эпизодам террористического характера: взрыв автомобиля сотрудника МВД с использованием тротиловой шашки, а также взрыв машины и жилого дома инспектора РОВД. В настоящее время все участники

данной группировки задержаны и находятся в СИЗО.²

Стоит отметить, что в результате следствия в гараже Автуховича были обнаружены: автомат Калашникова, тротиловые шашки, гранаты, пистолеты, глушители, а также пятилитровые бутылки, предназначенные для организации взрывов и поджогов. Сейчас же все задержанные сотрудничают со следствием и дают показания³.

2) *Террористическая группировка во главе с Игорем Олиневичем.*

Игорь и ещё 3 экстремиста были задержаны на границе с Украиной. Задержанные устраивали серию нападений и поджогов на государственные органы власти Белоруссии, и после всего собирались вернуться обратно на украинскую территорию, откуда они родом. Во время задержания при них были обнаружены: огнестрельное оружие с боеприпасами, травматический пистолет, ручная граната, а также разнообразные виды холодного оружия, в числе которых перцовый баллончик и топор. Интересен тот факт, что экстремисты использовали различную компьютерную технику для связи и видеонаблюдения, а также слежения: при них были обнаружены ноутбуки, GPS – трекеры, фотоаппараты и видеорегистраторы. Участники данной группировки преследовали цель радикализации и дестабилизации ситуации в Белоруссии. На счету Олиневича и остальных несколько террористических актов: поджог здания ГАИ в Мозыре, нападения на здание управления Госкомитета судебных экспертиз в Солигорске и на районную прокуратуру. В настоящее время экстремисты задержаны.⁴

Теракты. За всё существование современной Белоруссии, на её территории было совершено несколько крупных террористических актов. Стоит отметить, что несмотря на расследования, виновные за террористическую деятельность не были найдены. Ни-

² Комитет государственной безопасности Республики Беларусь, Режим доступа: <http://kgb.by/ru/obschaya-inf-ru/>

³ Новостной канал «Белта+», Режим доступа: <https://www.belta.by/search/findTags/241>

⁴ Антитеррористический центр государственных участников содружества независимых государств. Режим доступа: <https://www.cisatc.org/1289/135/155/280/7913>.

¹ Антитеррористический центр государственных участников содружества независимых государств. Режим доступа: <https://www.cisatc.org/1289/135/155/280/7913>.

же приведён список наиболее жестоких актов на территории Белоруссии:

1) 2001 г. – подрыв посольства России в Белоруссии с помощью ручной гранаты РГД-5. По данному делу никто не был задержан.

2) Сентябрь 2005 г. - два взрыва в г. Витебск. Первый произошёл возле автобусной остановки «Площадь Свободы» в сквере на проспекте Фрунзе в районе 19:00, а второй через несколько дней возле кафе «Эридан». В результате было ранено 52 человека. Взрыв был произведён с помощью специальной «банки», начинённой болтами, гайками и железными обрезками.

3) Июль 2008 г. – взрыв в Минске во время праздничного концерта, посвящённого «Дню независимости».

4) 2011 г. – теракт в Минском метрополитене, 15 человек погибло, более 400 были ранены. За данный террористический акт были осуждены и приговорены к смертной казни 2 граждан из Белоруссии. Также, стоит отметить, что их также осудили и за взрывы в 2005 г.

5) 2012 г. – ряд незначительных террористических актов.

6) 2015 г. – взрыв рядом с магазином, погиб 1 мужчина.¹

Анализируя вышеперечисленные акты террористической деятельности, можно сказать о том, что на территории Белоруссии был совершён только один крупный террористический акт, который унёс множество жизней. На современном этапе на территории Белоруссии совершаются незначительные террористические акты, совершённые немногочисленными террористическими группировками.

Способы противодействия террористической деятельности в Республике Беларусь. В первую очередь стоит отметить, что Белорусское законодательство не отличается наличием большого количества статей, посвящённых террористической деятельности на территории государства. Главным элементом обеспечения национальной безопасности в борьбе с терроризмом явля-

ется 6 статья Закона Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с терроризмом». Многие считают, что данный акт был принят после событий 11 сентября 2001 г. как некий ответ на возросшую международную террористическую угрозу.²

Последние обновления были утверждены 26 октября 2012 г. Законом Республики Беларусь №435-3, в котором более чётко были прописаны все понятия, цели, а также положения. Изначально терроризм понимался как террористический акт с действиями уголовного преступления. С изменениями в 2012 году была добавлена новая характеристика – «социально-политическое криминальное явление», которое предполагает наличие некой идеологии, а также практики применения. Ещё одним интересным фактом можно считать добавление цели терроризма, которая заключается в «воспрепятствование политической или иной общественной деятельности, провокация международных осложнений или войны, устрашение населения, дестабилизация общественного порядка». Данный пункт закреплён в законе не просто так, а с учётом некоторых дестабилизирующих факторов, так как правительство настроено на то, чтобы закрепить свой политический режим и сделать всё возможное для его сохранения.

В ст. 2 Закона РБ говорится о принципах борьбы с терроризмом. Интересен тот факт, что в данной статье не говорится ни о защите основных прав свобод граждан, ни о защите лиц, подвергшихся опасности в результате террористического акта, как например, закреплено в Российском законе. Но, содержатся такие принципы, как «минимальные уступки террористу» и «информирование общественности об акте терроризма и о проведении контртеррористических операций».³

Также в Законе РБ особое внимание уделяется развитию именно международно-

² Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с терроризмом», режим доступа: <http://kgb.by/ru/zakon77-3/>

³ Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с терроризмом», режим доступа: <http://kgb.by/ru/zakon77-3/>

¹ Новостной канал «Белта+», Режим доступа: <https://www.belta.by/search/findTags/241>

го терроризма, который понимается как «террористическая деятельность, осуществляемая террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящая ущерб интересам более чем одного государства, гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства, в случае, когда террорист и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств». Добавление данного понятия очень актуально в настоящее время, так как граждане одного государства могут почувствовать в террористической деятельности на территории другого. Приобретая опыт ведения военных действий, а также опыт подрывной деятельности, гражданин возвращается на свою Родину и тем самым представляет опасность для граждан и государства [Перевалов 2012: 43-50].

Ещё одним добавлением от 26 октября 2012 г. стала статья о борьбе с терроризмом в воздушном пространстве государства Беларуси. Она заключается в следующем: при наличии достоверных сведений об использовании воздушного судна с целью терроризма, а также при отсутствии ответа со стороны пилота на просьбу о принудительном приземлении, воздушное судно подвергается уничтожению.

В ст. 14 Закона РБ «О борьбе с терроризмом» говорится о процессе ведения переговоров с террористами, при этом подчёркивается, что к переговорному процессу допускаются только руководители оперативного штаба по управлению КТО. Особое внимание уделяется вопросу о выдаче террористам каких-то ни было лиц, оружия и боеприпасов, а также других средств, которые могут быть угрозой жизни и здоровью людей. Также прописан пункт о том, что переговорный процесс не может быть основанием или даже условием для освобождения террористов от ответственности [Федоров 2017].

Важным моментом в урегулировании террористической деятельности считается Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 июля 2013 г. № 65, в

котором утверждается Концепция борьбы с терроризмом. В данной концепции, с целью минимизации последствий актов терроризма, предлагается «психологическая коррекция личности». ¹

Интересно, что 12 мая 2016 г. было принято постановление Совета Министров Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь № 12 «О Концепции научно-технической программы Союзного государства «Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства» («ДНК-идентификация»)). В основу данной программы входит использование новых технологий в целях быстрого раскрытия террористических актов.

Стоит отметить, что Республика Беларусь ратифицировала почти все международные конвенции, относящиеся к терроризму, включая Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, Конвенцию ООН о борьбе с захватом заложников, Конвенцию о борьбе с бомбовым и финансовым терроризмом.

Заключение. В заключение можно сделать вывод о том, что в настоящее время растёт уровень не только национального, но и международного терроризма в мире, и многие страны всеми усилиями стараются предотвратить террористические акты. Белоруссия является той страной, в которой уровень террористической деятельности считается невысоким, но несмотря на это, в связи с нестабильной ситуацией в самой стране, терроризм может получить своё дальнейшее распространение. Если говорить о способах противодействия, то на сегодняшний момент белорусское законодательство в полной мере имеет правовую основу по борьбе с террористической деятельностью.

¹ Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с терроризмом», режим доступа: <http://kgb.by/ru/zakon77-3/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахлова О.В.* Интеграционное взаимодействие в борьбе с терроризмом как транснациональной угрозой (на примере союзного государства Беларуси и России) // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 65-70.
- Калишук В. О.* Терроризм в Республике Беларусь: истоки и современность, ГрГУ, 2018. – С. 192–195.
- Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции, Москва: Волтерс Клувер, 2005. – 865 с.
- Мисник В.Л., Миськевич А.В.* Организационно-правовые основы международного сотрудничества Республики Беларусь в сфере борьбы с терроризмом // Проблемы управления (Минск). 2006. № 4 (21). С. 101-106.
- Муравьев И.В.* Правовые основы противодействия терроризму по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации // В сборнике: Правовая культура в современном обществе. Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции. Научное электронное текстовое издание. Редколлегия: И.А. Демидова [и др.]. 2019. С. 298-302.
- Муравьева А.А., Серафимович Я.А.* Концепция борьбы с терроризмом в Республике Беларусь // В сборнике: Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Могилев, 2021. С. 253-255.
- Олейник Е.Ю.* Интенсификация исламистского терроризма в отражении принт-медиа Беларуси // Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. 2016. № 3. С. 101-105.
- Перевалов Д.В.* Специальный комплексный административно-правовой режим обеспечения безопасности критически важных объектов в Республике Беларусь, 2012. № 8. С. 43-50.
- Пиджаков А.Ю., Решецкий Ф.Н., Байрамов Ш.Б.* Уголовно-правовое регулирование борьбы с терроризмом в Республике Беларусь // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2008. № 3 (32). С. 300-304.
- Федоров А.В.* Глобальный терроризм: национальные и международные возможности противодействия, 2017.

REFERENCES

- Bahlova O.V.* Integracionnoe vzaimodejstvie v bor'be s terrorizmom kak transnacional'noj ugrozoi (na primere soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii) // Social'no-politicheskie nauki. 2016. № 2. S. 65-70.
- Kalishuk V.O.* Terrorizm v Respublike Belarus': istoki i sovremennost', GrGU, 2018. – S. 192–195.
- Luneev V.V.* Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii, Moskva: Volters Kluver, 2005. – 865 s.
- Misnik V.L., Mis'kevich A.V.* Organizacionno-pravovye osnovy mezhdunarodnogo sotrudnichestva Respubliki Belarus' v sfere bor'by s terrorizmom // Problemy upravleniya (Minsk). 2006. № 4 (21). S. 101-106.
- Murav'ev I.V.* Pravovye osnovy protivodejstviya terrorizmu po zakonodatel'stvu Respubliki Belarus' i Rossijskoj Federacii // V sbornike: Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve. Sbornik nauchnyh statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Nauchnoe elektronnoe tekstovoe izdanie. Redkollegiya: I.A. Demidova [i dr.]. 2019. S. 298-302.
- Murav'yova A.A., Serafimovich YA.A.* Konceptiya bor'by s terrorizmom v Respublike Belarus' // V sbornike: Gosudarstvo i pravo: aktual'nye problemy formirovaniya pravovogo soznaniya. Sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Mogilev, 2021. S. 253-255.
- Olejnik E.YU.* Intensifikaciya islamistskogo terrorizma v otrazhenii print-media Belarusi // Vesnik BDU. Seryya 4: Filalogiya. ZHurnalistyka. Pedagogika. 2016. № 3. S. 101-105.

- Perevalov D.V.* Special'nyj kompleksnyj administrativno-pravovoj rezhim obespecheniya bezopasnosti kriticheski vazhnyh ob"ektov v Respublike Belarus', 2012. № 8. S. 43-50.
- Pidzhakov A.YU., Resheckij F.N., Bajramov SH.B.* Ugolovno-pravovoe regulirovanie bor'by s terrorizmom v Respublike Belarus' // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2008. № 3 (32). S. 300-304.
- Fedorov A.V.* Global'nyj terrorizm: nacional'nye i mezhdunarodnye vozmozhnosti protivodejstviya, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шаравина Арина Дмитриевна – магистр в области международных отношений РУДН. Москва, Россия. Email: 1032201991@rudn.ru

Arina D. Sharavina, Master in International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. Email: 1032201991@rudn.ru

УКРАИНА

Научная статья / Research article

Пространственный анализ трансформации электорального поведения на выборах в Верховную Раду Украины под влиянием политического кризиса 2013-2014 гг.

Е. С. Ковбас¹, А. О. Доманов²

Центр пространственного анализа международных отношений

Института международных исследований

Московского государственного института международных отношений

ORCID: 0000-0002-6514-6583¹, e-mail: ekaterinasinitskaya10052000@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6253-2067², e-mail: domanov.aleksey@gmail.com

Аннотация. Данная статья является частью масштабного научного проекта, реализуемого Центром пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД РФ, нацеленного на выявление пространственных закономерностей в политическом поведении населения стран, имеющих общую границу с Россией. В рамках проекта выдвигается гипотеза о том, что географическая близость к Российской Федерации способствует укреплению позиций лояльных России политических сил в изучаемой стране. В статье рассматривается изменение роли пространственных факторов в голосовании за определённые партии на парламентских выборах в Украине. Главной целью статьи является оценка роли политического кризиса 2013-2014 гг. в определении электорального поведения граждан Украины посредством пространственного анализа политических процессов, имевших место в Украине в ходе электоральных циклов 2012 и 2019 гг., и их обоснования с точки зрения пространственной идентичности населения регионов страны. В ходе исследования был проанализирован одинаковый набор параметров (% голосов, отданных за каждую из прошедших в парламент партий в каждом из регионов Украины) для каждого из электоральных циклов. Предполагается, что регионы Украины, географически расположенные ближе к российской границе, идентифицируют себя как «Восток» и имеют более прочные исторические и психологические связи с Россией, вследствие чего более положительно оценивают нацеленность политических партий на дальнейшее сближение с ней и охотнее голосуют за «пророссийские» партии на парламентских выборах. И наоборот, в областях, где преобладает «западное» самосознание, граждане предпочитают отдать голос за партии, настроенные на проведение «антироссийского» политического курса, который заключается как в отстаивании идеи автохтонности украинского народа, так и в сближении с Европейским союзом и дальнейшей конфронтации с Россией. Если в 2012 г., накануне политического кризиса 2013-2014 гг. политическое пространство Украины было чётко разделено на оптимистичные и скептические по отношению к России полюса, то в 2019 г. границы влияния политических сил в зависимости от их позиции по России оказались в значительной степени размыты в результате фрагментации среды политического противоборства, смены вектора внешней политики после прихода к власти националистических партий, распада коалиций партий, придерживавшихся схожих взглядов. В качестве основного метода исследования был выбран математический метод анализа электоральных данных. Были использованы локальные индикаторы пространственной автокорреляции и рассчитаны значения индекса Морана для выявления территориальных кластеров и количественной оценки «эффекта соседства» - степени влияния результатов голосования в одном регионе на соседние с ним. Данный метод особенно эффективен для точного описания и наглядной визуализации статистических данных, однако исследование политического поведения и самоидентификации граждан не может быть сведено к количественным измерениям, поэтому расчёты, произведённые в ходе исследования,

подкреплены качественной интерпретацией данных на основе исследований пространственной идентичности украинского народа.

Ключевые слова: пространственный анализ, пространственная идентичность, электоральное поведение, политическая ситуация в Украине, выборы в Верховную Раду

Для цитирования: Ковбас Е.С., Доманов А.О. Пространственный анализ трансформации электорального поведения на выборах в Верховную Раду Украины под влиянием политического кризиса 2013-14 гг. *Постсоветские исследования*. 2021;4(6):517–530.

Spatial Analysis of the transformation of electoral behavior in Ukrainian parliamentary election under 2013-2014 political crisis

E. S. Kovbas¹, A. O. Domanov²

The Center for Spatial Analysis in International Relations (within the structure of the Institute for International Studies of MGIMO University)

ORCID: 0000-0002-6514-6583¹, e-mail: ekaterinasinitskaya10052000@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6253-2067², e-mail: domanov.aleksey@gmail.com

Abstract. The following article is a part of the scientific project developed by the The Center for Spatial Analysis in International Relations, aimed at figuring out spatial tendencies in political behavior of the population of countries, bordering on Russia. The hypothesis of the project is that geographic proximity to Russian Federation contributes to strengthening of the positioning of political movements, that express positive attitudes towards Russia in the country observed. The article considers the change of the role of spatial factors in voting for certain political parties in Ukrainian parliamentary elections. The main aim of the article is to measure the role of 2013-2014 political crisis in voting behavior determination by means of analyzing Ukrainian political process in electoral cycles of 2012 and 2019 and to explaining its peculiarities through spatial identity of people inhabiting different regions of the country. In the course of the research the identical datasets with the same categories (% of votes given for each of the parties managing to enter the parliament in each region of Ukraine) for each electoral cycle observed. It is supposed that people in the regions of Ukraine situated near to the Russian border, identify themselves as “East” and have closer historic and psychological ties with Russia, thereby feeling more positive about ambitions of certain political parties to further increase of proximity to Russian Federation and being more eager to vote for “pro-Russian” parties. Conversely, in the regions, where “Western” identity dominates, citizens prefer to cast a vote for parties, aimed at conduction of “anti-Russian” policies, that lie in standing up for the idea of Ukrainian ethnic authenticity and reproachment with the European Union and further confrontation with Russia. While in 2012, before the 2013-2014 crisis Ukrainian political space was definitely divided between optimistic and skeptical towards Russia political forces, in 2019 their borders of influence depending on attitude to Russia became blurred as the result of fragmentation of the political environment, changing foreign policies after the rise of Ukrainian nationalist forces to power, breakups of coalitions of the parties of shared views. Mathematical analysis of electoral data was chosen as the main method of this research. Local Indicators of Spatial Autocorrelation (LISA) were used and Moran’s Index of spatial autocorrelation was calculated to identify territorial clusters and to measure the “neighbor effect” – the extent, to which the results of election in a region are influenced by the results in its neighbors. This method is especially effective for description and visualization of statistics. However, observation of political behavior and identity of citizens cannot be reduced to measurement only, that is why all the calculations in the research are underpinned by quality interpretation based on the research of spatial identity of the Ukrainians.

Key words: spatial analysis, spatial identity, electoral behavior, Ukrainian politics, Verkhovna Rada elections

For citation: Kovbas E.S., Domanov A.O. Spatial Analysis of the transformation of electoral behavior in Ukrainian parliamentary election under 2013-2014 political crisis. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(6):517–530. (In Russ.)

Данная статья является частью масштабного научного проекта, реализуемого Центром пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД РФ на основании гранта РФ № 19-78-10004 «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ», нацеленного на выявление пространственных закономерностей в политическом поведении населения стран, имеющих общую границу с Россией. В рамках проекта выдвигается гипотеза о том, что географическая близость к Российской Федерации способствует укреплению позиций лояльных России политических сил в изучаемой стране. Помимо Украины, объектом исследования в рамках проекта также является политическое поведение избирателей в ещё 10 граничащих с Россией странах, в качестве предмета исследования выступают пространственные факторы, оказавшие влияние на результаты парламентских выборов в последних 4 имевших место в стране электоральных циклах (период с 2007 по 2021 г.).

Целью данной статьи является оценка влияния политического кризиса 2013-2014 гг. на устоявшиеся пространственные закономерности распределения голосов на выборах в Верховную Раду. Для проведения данного анализа были рассмотрены результаты выборов в двух электоральных циклах: в предшествовавшем кризису 2012 г. и на первых выборах после него – в 2019 г. В центре внимания автора статьи гипотеза о том, что географическое положение административно-территориальных единиц Украины влияет на политико-культурную самоидентификацию их населения, что находит фактическое выражение в голосовании за партии, занимающие определённую позицию по отношению к России. Предполагается, что регионы Украины, географически расположенные ближе к российской границе, имеют более прочные исторические и психологические связи с Россией, вследствие чего более

положительно оценивают нацеленность политических партий на дальнейшее сближение с ней и охотнее голосуют за «пророссийские» партии на парламентских выборах. И наоборот, в областях, где преобладает «западное» самосознание, граждане предпочитают отдать голос за партии, настроенные на проведение «антироссийского» политического курса, который заключается как в отстаивании идеи автохтонности украинского народа, так и в сближении с Европейским союзом и дальнейшей конфронтации с Россией.

Актуальность данной проблематики подтверждается тем, насколько противоречивы и неоднозначны отношения двух рассматриваемых стран на современном этапе. Систематизация предпочтений украинских избирателей в соответствии с их пространственной идентичностью позволила бы получить полную и при этом детализированную картину распределения отношения к России по территории Украины. Голосование за определённую партию в зависимости от её отношения к России было в качестве наиболее доступного и поддающегося подсчёту и интерпретации индикатора собственно отношения избирателей к России.

В качестве основного метода исследования был выбран математический метод анализа электоральных данных с использованием пространственной автокорреляции и индекса Морана для точной фиксации границ территориальных кластеров и количественной оценки «эффекта соседства» - степени влияния результатов голосования в одном регионе на соседние с ним. Данный метод особенно эффективен для точного описания и наглядной визуализации статистических данных, однако исследование политического поведения и самоидентификации граждан не может быть сведено к количественным измерениям, поэтому расчёты, произведённые в ходе исследования, подкреплены качественной интерпретацией данных на основе исследований

пространственной идентичности украинского народа, осуществлённых как российскими, так и зарубежными учёными-политологами. Математический пространственный анализ электоральных данных – относительно новый инструмент в электоральной географии и в политической науке в целом, что ещё раз подтверждает теоретическую актуальность и новизну данного исследования. В российской науке не так много исследований, осуществлённых с использованием данного метода, однако можно выделить несколько знаковых работ, например, недавняя статья Окунева И.Ю., Гореловой Ю.С. и Груздевой Е.С., посвящённая сравнительному пространственному анализу региональных особенностей политического поведения в Польше; работа Окунева И.Ю., Шестаковой М.Н. и Бибиной Э.С., анализирующая влияние региональных особенностей на общественное мнение в Республике Беларусь.

Характеристика региональной структуры Украины как пространства политических смыслов и идентичностей

Украина представляет собой образец постсоветского унитарного государства, находящегося в состоянии структурного кризиса, обусловленного региональной фракционализацией и поляризацией пространственных идентичностей. Украина исторически расположена на пересечении каналов коммуникации условных «Запада» и «Востока». Применительно к Украине это проявляется в тенденции отождествлять себя с «Западом» исключительно с целью противопоставить себя же «Востоку», под

которым понимается Россия¹. Однако дихотомия «Запад-Восток» может быть использована не только для определения Украиной её места в современном геополитическом пространстве, но и для характеристики внутренней региональной структуры страны и того, как каждая из административно-территориальных единиц определяет себя относительно своих соседей.

А.Р. Никифоров при рассмотрении данных геополитических объектов использовал концепцию «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского, согласно которой общая история находит выражение в схожести мировоззрения представителей единой общности, а следовательно, и их поведения [Никифоров 2012]. Ряд исследователей, например, В.А. Темненко [Темненко 1997], П.Г. Белов [Белов 2014], с целью дать целостную и упорядоченную характеристику современного политического пространства Украины, выделяют следующие территориальные компоненты, которые можно назвать «историческими пространствами идентичности» в пределах современной украинской нации:

1. Киевская Русь;
2. Волынь и Галиция;
3. Закарпатье;
4. Малороссия;
5. Северное Причерноморье и Бессарабия;
6. Новороссия.

Процесс формирования территории современной Украины с учётом указанных выше пространств идентичности отражён на карте:

¹ Окунев И.Ю. Запад/неЗапад: кривое зеркало мировой политики // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

[comments/analytics/zapad-nezapad-krivoe-zerkalo-mirovoy-politiki/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-) (дата обращения: 24.07.2021). — Текст: электронный.

Рис. 3. Культурно-исторические регионы Украины.
По: Никифоров А.Р. Геополитический смысл Украины. С. 80

Рис. 1. Культурно-исторические регионы Украины. Источник: Белов П.Г. Украина: некоторые особенности и перспективы геополитического конструирования // *Пространство и время*. 2014. №2 (16). С. 136-146.

Современная территория Украины имеет неоднородную структуру, обусловленную исторической принадлежностью к тем или иным пространствам. Несмотря на относительную этноконфессиональную целостность украинского народа, чрезвычайно сильно влияние пространственной идентичности на электоральное поведение украинцев: результаты выборов фактически определяются принадлежностью к тому или иному пространству идентичности, а электоральные предпочтения поляризованы по дихотомии «Запад-Восток», где к первому относятся Волынь, Галиция и Закарпатье (Волынская, Львовская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Ровненская, Тернопольская области), а ко второму – Новороссия (Одесская, Николаевская, Херсонская, Днепропетровская, Запорожская области, до 2014 г. – Донецкая и Луганская области и Автономная Республика Крым). Между двумя полюсами также существует «пространство неопределённости», меняющее электоральные предпочтения в зависимости от того, какие политические силы («прозападные» или «пророссийские») доминируют в Киеве, к которому традиционно относят регионы Малороссии и Правобережья, а также историческое «ядро» украинской территории – Киевскую Русь (Киев и Киевская область, Черкасская, Черновицкая, Полтавская, Кировоградская,

Черниговская, Сумская области) [Никифоров 2012: 251].

Идеологическая дистанция парламентских партий в Украине достаточно высока, особенно это заметно при рассмотрении их позиций по отношению к России. Имеет место заметная поляризация «пророссийских» (ориентированных на сотрудничество с Россией и укрепление связей на постсоветском пространстве, защиту прав русских, проживающих на территории Украины) и «прозападных» (нацеленных на развитие связей с Евросоюзом, отстаивающих права «автохтонного» украинского этноса). По утверждению ряда упомянутых выше исследователей (Никифоров, Белов), наблюдается существенная корреляция между политическими предпочтениями украинцев и их пространственной идентичностью. Культурно-идентичностные факторы, определяющие отношение к России, имеют решающее значение на «Западном» (Волынь и Галиция) и «Восточном» (Новороссия) полюсах украинского политического пространства, постоянно голосующих соответственно за «скептические» и «оптимистичные» по отношению к России политические партии, в то время как голосование в «Центре» (историческое ядро Украины, представленное Киевом и Малороссией) обусловлено скорее социально-экономическими мотивами, что обеспечивает непредсказуемость

результатов выборов в данном регионе. Исключение как в «Центре», так и во всей стране составляет столичный регион – Киев, являющийся главной «ареной» политической борьбы «прозападных» и «пророссийских» сил, где результат голосования зависит не от социально-экономических факторов, а от фактора идентичности. Ещё одно исключение из общих пространственных закономерностей представляет собой Закарпатская область, где большое значение имеет политическая активность этнических меньшинств, стремящихся отстаивать территориальную целостность и независимость региона, а также добиться представительства в высших органах власти [Ostapets 2016: 96-102].

Анализ результатов выборов в Верховную Раду 2012 г.

В 2011 г. срок полномочий Верховной Рады был продлён с 4 до 5 лет в результате внесения изменений в Конституцию Украины, поэтому очередные парламентские выборы были назначены на 2012 г. Новое законодательство вновь вводило смешанную избирательную систему, кроме того, были запрещены партийные блоки, а порог голосов для прохождения партии в парламент повысился с 3 до 5%. Из 21 партии, допущенной до участия в выборах, в состав Верховной Рады вошли 5: «Партия регионов» (30% по партийным спискам), «Батькивщина» (22,54%), УДАР (13,96%), КПУ (13,18%), «Свобода» (10,44%)¹.

Победа Виктора Януковича на выборах Президента Украины в 2010 г. позволила Партии регионов усилить своё влияние в качестве «партии власти». Предвыборная программа партии содержала, помимо традиционных заявлений об исторической близости и сотрудничестве с Россией, обещания добиться ассоциированного членства Украины в ЕС и участия страны в европейской зоне свободной торговли, с сохранением при этом «внеблокового» статуса. Аналогичные программные пункты предлагали и главные оппозиционные силы

на выборах: Объединённая оппозиция «Батькивщина» и «УДАР». Ряд исследователей отмечают схожесть предвыборных программ «партии власти» и оппозиции. По сути, в электоральном цикле 2012 г. между идеологиями и общим позиционированием «Партии регионов» и «Батькивщины» не было различий, кроме апелляции к различным группам избирателей: традиционно «регионалы» опирались на русскоязычное население восточных регионов Украины, а оппозиция – на скептически настроенный по отношению к России электорат на западе страны, о чём свидетельствуют даже языки, на которых написаны программы: у «Партии регионов» – русский, у «Батькивщины» и «УДАРа» – украинский [Бовкун 2014: 254].

Наиболее радикальные позиции по отношению к России заняли Коммунистическая Партия Украины и националистическая партия «Свобода»: первая заявила о необходимости объединения с Россией для противостояния «Империалистическому» Западу, последняя, напротив, призывала к выходу из всех межправительственных организаций, инициированных Россией, и введение визового режима между странами [Шнейдер 2016: 73].

Рассмотрим пространственное распределение поддержки политических партий на выборах в Верховную Раду 2012 г. Примечательно, что картограммы показывают, с небольшим различием, диаметрально противоположные результаты партий, занимающих разные позиции по отношению к России. По сути, мы имеем те же кластеры соседства, только там, где «Партия регионов» имела низкие результаты, «националистический» блок одержал победу, получив высокую поддержку.

На выборах 2012 г. Партия регионов в целом сохранила за собой доминирующие позиции в «своих» регионах на востоке Украины, о чём свидетельствуют

¹ Election for Verkhovna Rada October 28, 2012 / IFES Election Guide. — URL:

<https://www.electionguide.org/elections/id/1641/> (дата обращения: 24.07.2021).

картограмма размаха и картограмма кластеров локальных индикаторов пространственной автокорреляции. Индекс пространственной автокорреляции Морана составил 0,671, что говорит о высокой роли пространства в детерминации

электорального поведения. Данное явление может быть объяснено выходом партии на национальный уровень, вследствие чего снизилась её зависимость от поддержки в конкретных регионах.

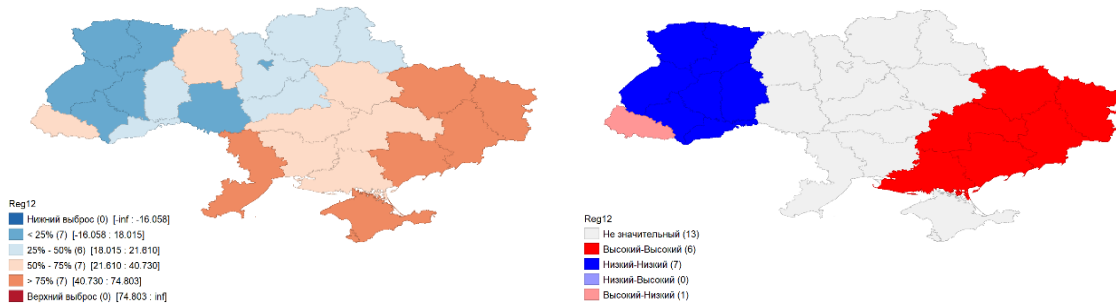

Рис. 2. Картограммы размаха и кластеров локальных индикаторов пространственной автокорреляции при голосовании за «Партию регионов» на выборах в Верховную Раду 2012 г. (голосование по партийным спискам).

Партия «Батькивщина» ранее входила в состав «Блока Юлии Тимошенко» и в целом является его преемником в политическом пространстве Украины и прочно связана в массовом сознании с личностью экс-премьер-министра Украины Юлии Тимошенко. На выборах 2012 г. партия смогла закрепиться в центральных областях, а также заручиться высокой поддержкой в Киеве. При этом пространственная зависимость голосования за «Батькивщину» достаточно велика: индекс Морана составил

0,72. Как уже упоминалось, фактор пространственной идентичности в украинском «Центре» имеет второстепенное значение по сравнению с социально-экономическими факторами, поэтому рост поддержки оппозиционных партий в данном регионе может говорить о низком доверии к «Партии регионов» в связи с нерешённостью многих заявленных социальных проблем и невыполнением «партией власти» предвыборных обещаний.

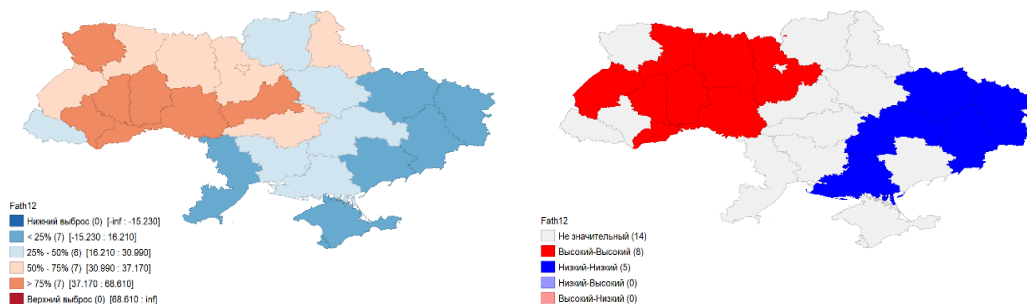

Рис. 3. Картограмма размаха и кластеров локальных индикаторов пространственной автокорреляции при голосовании за «Батькивщину» на выборах в Верховную Раду 2012 г. (голосование по партийным спискам).

В 2012 г. в Верховную Раду также прошли две новые политические партии, не принимавшие участие в прошлом электоральном цикле. Первая из них, «Украинский Демократический Альянс за Реформы (УДАР)», возглавляемая

чемпионом мира по боксу Виталием Кличко (полное название партии – «УДАР Виталия Кличко»), представляет интересы «нового

поколения» украинских политиков¹ и выступает за модернизацию экономики, формирование рыночной системы, что в целом говорит о её центристских и популистских ценностях. Как уже отмечалось, у «УДАРа» жёсткой позиции в отношении цивилизационного самоопределения Украины, однако партия активно поддерживала оппозицию, представленную «Батькивщиной» и впоследствии вступила в коалицию с ней. При анализе распределения голосов за «УДАР» можно увидеть поляризацию поддержки партии на выборах по линии «Центр»-«Восток». Поддержка «УДАРа» локализована в центральных областях Украины, при этом в восточных областях она

беспрецедентно низкая, что может быть объяснено недоверием к новой оппозиционной силе и сомнениями в её состоятельности и компетентности при принятии политических решений. Стоит отметить слабую выраженность эффекта соседства, значение индекса Морана – 0,482 в данном случае означает сравнительно низкое влияние пространства на голосование за «УДАР». Данная партия является примером «виртуальной» политической организации, созданной накануне выборов, которая сумела в кратчайшие сроки мобилизовать электорат на локальном уровне, чтобы преодолеть избирательный порог.

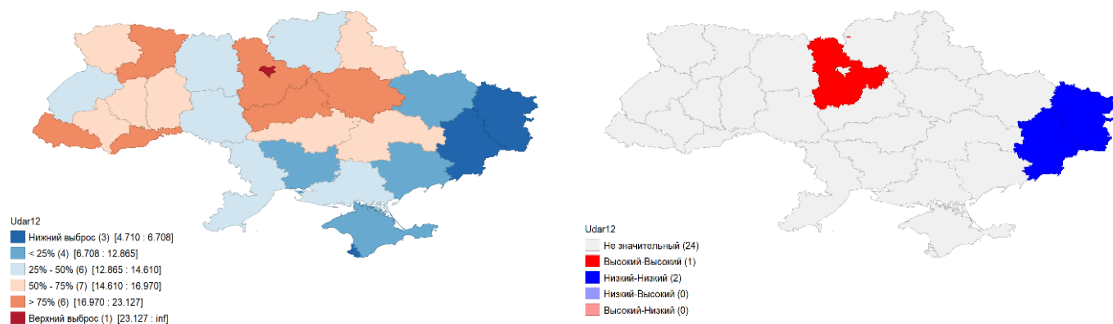

Рис. 4. Картограмма размаха и кластеров локальных индикаторов пространственной автокорреляции при голосовании за партию «УДАР» на выборах в Верховную Раду 2012 г. (голосование по партийным спискам).

Появление на политической арене партии «Всеукраинское объединение «Свобода» отражает сложившуюся ещё на выборах 2007 г. тенденцию к радикализации украинского национализма: основными ориентирами деятельности партии служат ценности «интегрального национализма», предусматривающего создание «Украины для украинцев» – моноэтнического государственного образования титульной украинской нации. На картограмме размаха чётко видна область наибольшей поддержки «Свободы»: Львовская, Тернопольская, Хмельницкая и Ивано-Франковская области – территории, исторически относящиеся к

«Галиции» [Сацута 2015: 82-83]. Тем не менее, поддержка данной партии имеет чёткую локальную привязку, а эффект соседства сравнительно невысокий: индекс Морана составляет 0,592, а в кластере локальных индикаторов пространственной автокорреляции присутствует значимое отклонение – низкий уровень поддержки «Свободы» в Закарпатской и Черновицкой областях, что объясняется этнической неоднородностью населения в данных регионах – фактором непринятия идей национализации и централизации политики Украины под руководством «титульного» украинского этноса.

¹ WBS World Champion Vitaly Klitschko Leads New Party / Kyiv Post. — URL: <https://www.kyivpost.com/article/content/ukraine->

[politics/wbc-world-champion-vitaly-klitschko-leads-new-part-64928.html](https://www.kyivpost.com/article/content/ukraine-politics/wbc-world-champion-vitaly-klitschko-leads-new-part-64928.html) (дата обращения: 24.07.2021).

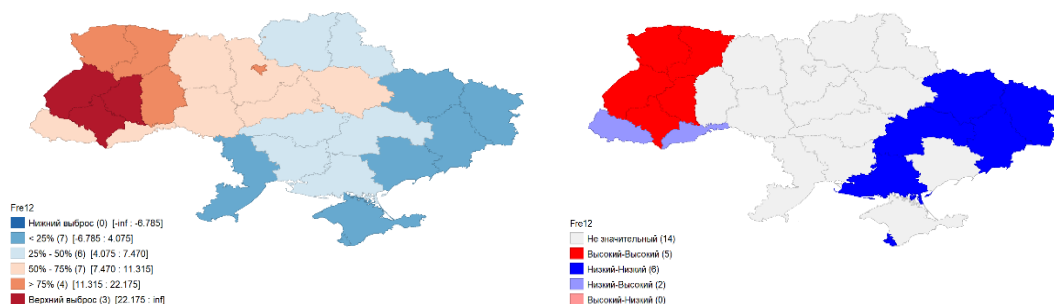

Рис. 5. Картограмма размаха и кластеров локальных индикаторов пространственной автокорреляции при голосовании за партию «Свобода» на выборах в Верховную Раду 2012 г. (голосование по партийным спискам).

В результате среди общих тенденций, проявившихся в ходе электорального цикла 2012 г. можно выделить следующие: постепенное снижение влияния оптимистичных по отношению к России политических сил в центральных регионах, раскол и фрагментация оппозиции, постепенная радикализация украинского национализма и локализация поддержки в конкретных регионах, общее снижение значимости эффекта соседства. Наблюдается существенная фрагментация политического пространства страны, раскол среди сторонников как оппозиционных, так и провластных политических сил, размывание чётких границ локальных кластеров поддержки.

Анализ выборов в Раду 2019 г.

Парламентским выборам 2019 г. предшествовали выборы Президента Украины, где, набрав 73,22%, одержал победу кандидат от партии «Слуга народа» Владимир Зеленский. В задачи нового руководства страны после победы на выборах входило закрепление образа ответственного и подотчётного народу правительства, пришедшего на смену прежнему, коррумпированному и некомпетентному, что осуществлялось путём радикальной трансформации политической и партийной систем страны [Жежко-Браун 2019: 102-104].

Первым указом Зеленского на посту президента стал роспуск Верховной Рады и назначение новых парламентских выборов на конец июля 2019 г. Данное решение было необходимо избранному президенту, чтобы избежать конфликта исполнительной и законодательной властей, поскольку, несмотря на некоторое ослабление, большинство в парламенте сохраняла лояльная Порошенко коалиция, пришедшая к власти в результате событий 2013-2014 гг.¹ Из 22 партий, принявших участие во внеочередных выборах, в состав парламента по итогам голосования по партийным спискам вошли пять: «Слуга народа» (43,16%), «Оппозиционная платформа – За жизнь» (13,05%), «Батькивщина» (8,18%), «Европейская солидарность» (8,1%), «Голос» (5,82%)². Заметно кардинальное изменение партийной системы: три из пяти парламентских партий (не считая «Батькивщины» и «Европейской солидарности» - переименованного «Блока Петра Порошенко) ранее не участвовали в парламентской деятельности, и сформировались в нынешнем виде в 2016-2019 гг.

Безусловно, главной политической «сенсацией» на парламентских выборах 2019 г. стала партия В. Зеленского «Слуга народа». Партия была зарегистрирована в 2016 г. и переименованная по названию сериала и фильма «Слуга народа» студии

¹ Struggle for Ukraine. Zelenskiy vs. the Parties: Ukraine Prepares for Parliamentary Elections / Carnegie Moscow Center. — URL: <https://carnegie.ru/commentary/79199> (дата обращения: 24.07.2021).

² Election for Verkhovna Rada July 21, 2019 / IFES Election Guide. — URL: <https://www.electionguide.org/elections/id/3163/> (дата обращения: 24.07.2021).

«Квартал 95» в 2017 г. В ходе кампании 2019 г. партия сфокусировалась на преодолении цивилизационно-идентичностного раскола украинского общества по отношению к России. Абстрагировавшись от пространственной поляризации электората, партия апеллировала к универсальным общественным интересам: восстановление экономики после затяжного кризиса, борьбу с коррупцией и масштабные социально-политические преобразования. «Слуге народа» впервые за электоральную историю Украины удалось не только получить равномерный результат голосования по всей стране (без поляризации избирателей по линии «Запад-Восток» [Остапец, Остапец 2019: 197-198], но и сформировать однопартийное большинство в Верховной Раде, что может свидетельствовать о переходе к системе с одной доминирующей партией. Характерной особенностью кампании «Слуги народа» стал «всеохватывающий» характер партийной программы: в программе «Слуги народа» сосуществуют предложения как по европейской интеграции, так и по налаживанию отношений с Россией, не утверждается враждебность или агрессивность ни одной из сторон [Вавилов 2020: 272].

Поскольку партия «Слуга народа» претендовала на статус общенациональной, не зависящей от региональной принадлежности и пространственной самоидентификации избирателей, роль пространства в её поддержке сравнительно

невелика, индекс Морана равен 0,234. При рассмотрении картограмм размаха и кластеров локальных индикаторов пространственной автокорреляции можно заметить, что поддержка партии сосредоточена в центральных регионах со смещением на восток и юго-восток (Сумская, Полтавская, Кировоградская, Харьковская, Днепропетровская, Николаевская, Херсонская области), исторически относящиеся к «Малороссии» и «Новороссии». Кроме того, исключительно высокая для данного региона поддержка партии заметна в «Закарпатье». Данное явление может быть объяснено сдержанной позицией партии в отношении России и приоритетностью внутренней политики в её повестке.

Кластер низкой поддержки «Слуги народа» сосредоточен в «Волинии», где избиратели, как правило, отдадут предпочтение более радикальным националистическим идеям. В общем, можно констатировать, что исключение из партийной повестки вопроса о пути украинской цивилизации как фактора детерминации внешнеполитического курса способствовали успеху партии в регионах, традиционно далёких от идей украинского национализма. Кроме того, успех партии в полиэтнических регионах может быть связан с предложением децентрализации унитарного административно-территориального устройства и предоставления регионам автономных прав по самоуправлению [Вавилов 2020: 275-277].

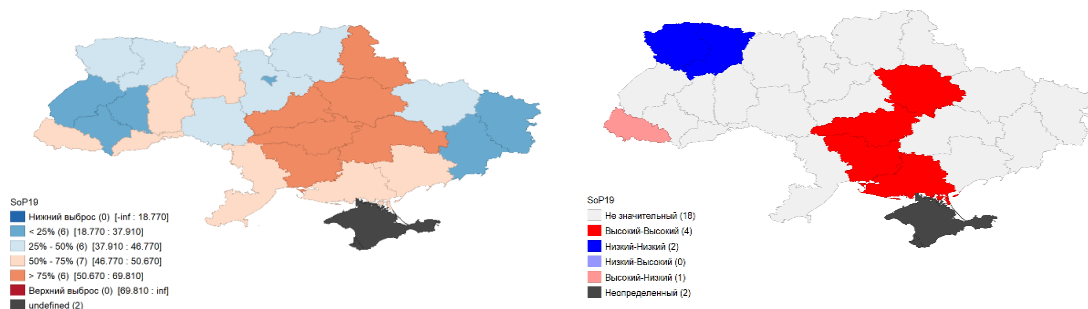

Рис. 6. Картограмма размаха и кластеров локальных индикаторов пространственной автокорреляции при голосовании за партию «Слуга народа» на выборах в Верховную Раду 2019 г. (голосование по партийным спискам).

Партия «Оппозиционная платформа – За жизнь» («ОПЗЖ») представляет собой идейного продолжателя «Оппозиционного блока», который, как известно, был образован функционерами вытесненной с политической арены «Партии регионов» [Остапец, Остапец 2019: 199]. Как и предшественники, партия отстаивает интересы восточных русскоязычных областей – центров добывающей промышленности и производства, и выступает за предоставление им автономии путём провозглашения на данной территории свободной экономической зоны и предоставления Донбассу особых прав в области самоуправления¹, что обусловило

локализацию поддержки данной партии в Донецкой и Луганской областях. Ещё одним фактором успеха «ОПЗЖ» в Новороссии стало непринятие партией законов о языке и образовании, дискриминирующих языковые меньшинства и утверждающих статус украинского языка как единственного государственного [Вавилов 2020: 275-277].

Роль пространственных факторов в голосовании за «Оппозиционную платформу» достаточно высока, индекс Морана составил 0,67. Как и в случае с «Оппозиционным блоком» и до этого – с «Партией регионов» сохраняется чёткая поляризация кластеров высокой и низкой поддержки по линии «Запад-Восток».

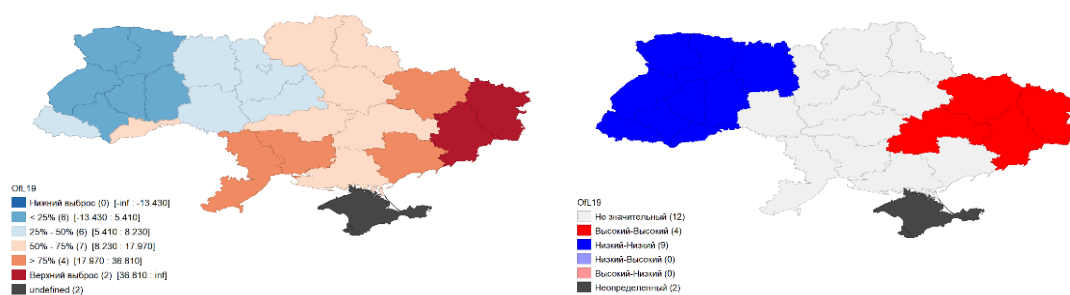

Рис. 7. Картограмма размаха и кластеров локальных индикаторов пространственной автокорреляции при голосовании за партию «Оппозиционная платформа – За жизнь» на выборах в Верховную Раду 2019 г. (голосование по партийным спискам).

Ценности, отстаиваемые «Европейской солидарностью» (переименованной накануне выборов, чтобы разорвать ассоциативную связь с проигравшим президентские выборы П. Порошенко) и «Батькивщиной» в целом не изменились по сравнению с прошлыми электоральными циклами: обе партии выступают за евроатлантический вектор внешней политики Украины и с недоверием и опасениями воспринимают Россию, видя в ней страну-агрессора [Остапец, Остапец 2019: 199-200]. При анализе пространственного распределения голосов за данные партии стоит отметить, что роль пространственных факторов выше у «Батькивщины»: индекс пространственной

автокорреляции равен 0,611, в то время как у «Европейской солидарности» - 0,343. Обе партии получили низкую поддержку на востоке страны, однако кластер соседства регионов, не голосовавших за «Батькивщину» включает также юго-восточные регионы. Что касается «Европейской солидарности», наблюдается крупный кластер высокой поддержки в «Галиции» и «Волыни», из которого, в соответствии со сложившейся закономерностью, выпало «Закарпатье». Можно судить о достаточно устойчивой поддержке ассоциируемых с Петром Порошенко политических сил в данных регионах.

¹ План – концепция урегулирования кризиса на Юго-Востоке Украины путём поэтапного создания условий для реализации Минских соглашений от 12.02.2015

года / Оппозиционная платформа – за жизнь. — URL: https://zagittya.com.ua/page/mirnyj_plan/planlkonceptcija.html (дата обращения: 24.07.2021).

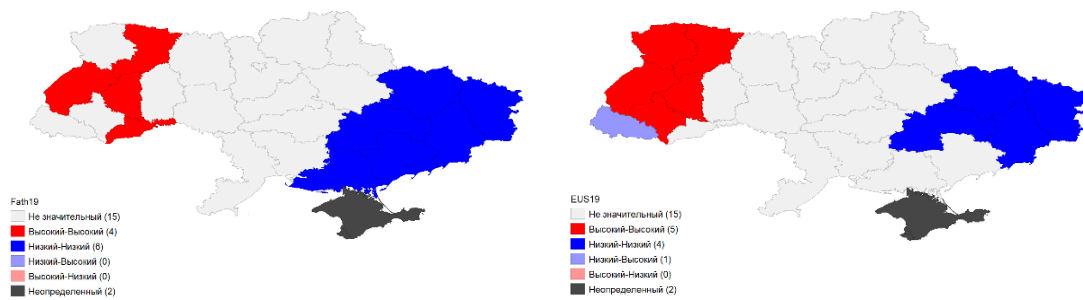

Рис. 8. Картограммы кластеров локальных индикаторов пространственной автокорреляции при голосовании за партии «Батьківщина» и «Європейська солідарність» на выборах в Верховную Раду 2019 г. (голосование по партийным спискам).

Новой политической силой на выборах 2019 г. стала политическая партия «Голос», созданная фронтменом рок-группы «Океан Эльзы» С. Вакарчуком. Несмотря на схожесть механизмов формирования со «Слугой народа», идеологически «Голос» ближе к «Європейській солідарності»: это правая проевропейская партия, выступающая за сближение с НАТО и модернизацию армии по образцу войск Альянса. Однако отношение «Голоса» к России не сводится к недоверию и антипатии: несмотря на приверженность идее возвращения Крыма, партия выступает за урегулирование споров с Россией дипломатическими методами и за улучшение отношений двух стран¹. Несмотря на то, что

роль пространства в распределении голосов за партию «Голос» относительно не велика (индекс Морана для этой партии – 0,467), на карте локальных индикаторов пространственной автокорреляции можно обнаружить крупные кластеры соседства. Ориентация партии на сотрудничество с Евросоюзом обеспечила ей высокую поддержку в западных регионах Украины, в то время как в «Закарпатье» и «Новороссии» партию не поддержали. Учитывая уже выявленные закономерности, можно предположить, что причиной неуспеха «Голоса» в этих регионах является игнорирование региональных интересов с акцентом на общенациональные.

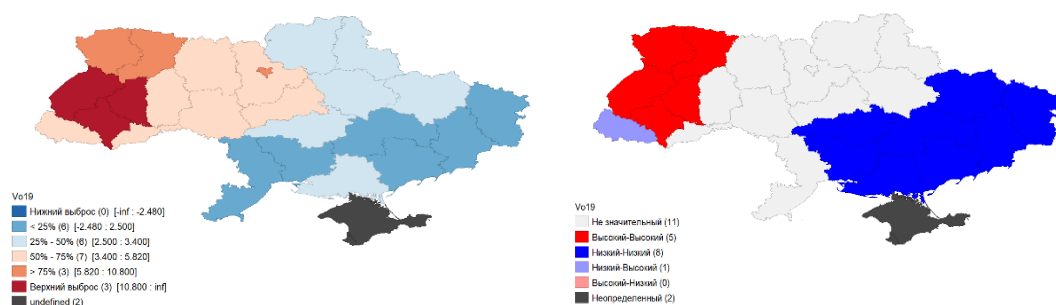

Рис. 9. Картограмма размаха и кластеров локальных индикаторов пространственной автокорреляции при голосовании за партию «Голос» на выборах в Верховную Раду 2019 г. (голосование по партийным спискам).

¹ Програма партії «Голос» / Голос. — URL: <https://golozmin.org/program> (дата обращения: 24.07.2021).

Подводя итог электорального цикла 2019 г., в качестве основных тенденций развития партийной системы Украины можно выделить её существенную дерадикализацию и относительную консолидацию. Тем не менее, в стране до сих пор не удалось выстроить целостную партийную систему, к власти по-прежнему приходят виртуальные партии и силы, представляющие узкие региональные интересы.

Выводы

Таким образом, несмотря на переворот в расстановке сил, политический кризис 2013-2014 гг. не оказал существенного влияния на пространственное распределение поддержки политических партий, занимающих разную позицию по отношению к цивилизационному выбору Украины («пророссийскому» или «прозападному»). Однако в политическом пространстве страны возникли новые партии, спровоцировавшие трансформацию партийной системы. В результате партийная система претерпела относительную консолидацию и сокращение

степени поляризованности регионов как по дихотомии «Запад-Восток», так и по отношению избирателей к России. Границы влияния полярных в отношении России политических партий оказались размыты, поскольку данные силы отошли на второй план, уступив партии «Слуга народа», не занимающей ни одной из радикальных позиций в отношении внешнеполитического курса Украины и стремящейся удовлетворить запросы широкого круга избирателей. Им на смену пришли локальные политические движения, связанные с конкретными личностями, пользующимися влиянием и поддержкой в тех регионах, от которых они шли на выборы, поэтому можно констатировать, что в сложившейся по итогам электорального цикла 2019 г. ситуации роль пространственной идентичности населения различных регионов Украины в детерминации электорального поведения снизилась по сравнению с их общими политическими предпочтениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абакумова В.И., Слинченко Л.В.* Анализ манипулятивных технологий президентской избирательной кампании на Украине 2019 г // Вестник Томского государственного университета. 2019. №449. С. 76-87.
- Белов П.Г.* Украина: некоторые особенности и перспективы геополитического конструирования // Пространство и время. 2014. №2 (16). С. 136-146.
- Вавилов А.Н.* Эволюция программ украинских политических партий в 2014-2019 гг. Как отражение тенденций социально-политического развития Украины // Социально-гуманитарные знания. 2020. №6. С. 263-277.
- Жежко-Браун И.В.* Сериал "Слуга народа" как политтехнологический сценарий президентской кампании Зеленского // Идеи и идеалы. 2019. №3-1. С. 94-122.
- Никифоров А.Р.* Культурно-исторический анализ украинского политического пространства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2012. №4. С. 1-10.
- Остапец Ю.А., Остапец И.Ю.* Изменение акторной структуры и конфигурации партийной системы Украины по итогам президентских и парламентских выборов 2019 года // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. №52. С. 193-204.
- Сацута А.И.* Социально-политические силы и проявления современного украинского радикализма // Вестник экономической безопасности. 2015. №6. С. 81-86.
- Бовкун Ю.Д.* Сравнительная характеристика программных установок партии Регионов и объединенной оппозиции на парламентских выборах 2012 года // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2014. №1. С. 247-254.
- Шнейдер В.М.* Вопрос цивилизационного выбора Украины в программах ведущих политических партий (2012, 2014) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2016. №2 (4). С. 71-78.

Ostapets, Y.O. (2016). The specifics of formation and evolution of the party structure of the transcarpathian region (1991 – 2015). *Scientific and Theoretical Almanac Grani*, 19(7), 96-102.

REFERENCES

- Abakumova V.I., Slinchenko L.V.* Analiz manipulyativnyh tekhnologij prezidentskoj izbiratel'noj kampanii na Ukraine 2019 g // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. №449. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-manipulyativnyh-tehnologiy-prezidentskoj-izbiratel'noj-kampanii-na-ukraine-2019-g> (data obrashcheniya: 24.07.2021). — Tekst: elektronnyj.
- Belov P.G.* Ukraina: nekotorye osobennosti i perspektivy geopoliticheskogo konstruirovaniya // *Prostranstvo i vremya*. 2014. №2 (16). S. 136-146.
- Vavilov A.N.* Evolyuciya programm ukrainskih politicheskikh partij v 2014-2019 gg. Kak otrazhenie tendencij social'no-politicheskogo razvitiya Ukrainy // *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2020. №6. С. 263-277.
- ZHezhko-Braun I.V.* Serial "Sluga naroda" kak polittekhnologicheskij scenarij prezidentskoj kampanii Zelenskogo // *Idei i idealy*. 2019. №3-1. С. 94-122.
- Nikiforov A.R.* Kul'turno-istoricheskij analiz ukrainskogo politicheskogo prostranstva // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya*. 2012. №4. С. 1-10.
- Ostapec YU.A., Ostapec I.YU.* Izmenenie aktornoj struktury i konfiguracii partijnoj sistemy Ukrainy po itogam prezidentskih i parlamentskih vyborov 2019 goda // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2019. №52. С. 193-204.
- Sacuta A.I.* Social'no-politicheskie sily i proyavleniya sovremennogo ukrainskogo radikalizma // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2015. №6. С. 81-86.
- Bovkun YU.D.* Sravnitel'naya harakteristika programmnyh ustanovok partii Regionov i ob"edinennoj oppozicii na parlamentskih vyborah 2012 goda // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya*. 2014. №1. С. 247-254.
- SHnejder V.M.* Vopros civilizacionnogo vybora Ukrainy v programmah vedushchih politicheskikh partij (2012, 2014) // *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. №2 (4). С. 71-78.
- Ostapets, Y.O.* (2016). The specifics of formation and evolution of the party structure of the transcarpathian region (1991 – 2015). *Scientific and Theoretical Almanac Grani*, 19(7), 96-102.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Доманов Алексей Олегович, научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО, преподаватель кафедры интеграционных процессов МГИМО. *e-mail*: domanov.aleksey@gmail.com

Ковбас Екатерина Станиславовна - стажёр-исследователь Центр пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО. *e-mail*: ekaterinasinitskaya10052000@gmail.com

Domanov Alexey Olegovich - Lecturer at the Department of Integration Processes, Research Fellow in the Centre of Spatial Analysis of International Relations. *e-mail*: domanov.aleksey@gmail.com

Kovbas Ekaterina Stanislavovna - Research Assistant in the Centre of Spatial Analysis of International Relations. *e-mail*: ekaterinasinitskaya10052000@gmail.com

МЯГКАЯ СИЛА

Научная статья / Research article

«Мягкая сила» России в Центральной Азии в контексте борьбы с пандемией коронавируса: может ли «вакцинная дипломатия» завоевать «умы и сердца»?

К. В. Маслова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3118-1604>, e-mail: ks.v.maslova@my.mgimo.ru

Аннотация: В настоящей работе производится попытка определить возможности и ограничения международного сотрудничества в борьбе с пандемиями с точки зрения укрепления имиджа страны на примере российского экспорта вакцин против вируса COVID-19 в Центральную Азию. Для этого в первой части работы проанализировано явление «вакцинной дипломатии» в мировой политике и международных отношениях через призму его «мягкосилового» воздействия, определены содержание и особенности этого феномена в современных реалиях. Истоки зарождения данного явления прослеживаются уже в конце 18 в. с момента изобретения первой вакцины и попыток ее использования в качестве дипломатического инструмента. Особое внимание обращается на позитивную сторону «вакцинной дипломатии» в период «холодной войны», что имело выражение в ее гуманитарном эффекте, а также в развитии международного сотрудничества в сфере здравоохранения как элемент соперничества двух сверхдержав. Утверждается, что отличительной чертой «вакцинной дипломатии» сегодня является ее большая конфронтационная составляющая, что придает данному направлению деятельности схожесть с ведением внешнеполитических «гибридных» (информационных) войн. Другой особенностью нынешнего этапа можно полагать высокий уровень коммерциализации рынка вакцин, что увеличивает значимость компаний – производителей препаратов и обуславливает необходимость учета их интересов. Во второй части освещена международная деятельность России по поставке вакцин в страны Центральной Азии в сопоставлении с Китаем, активно наращивающим свое «мягкосиловое» влияние в регионе, в том числе в формате «вакцинной дипломатии». Отмечается, что несмотря на то, что Россия оказалась первой страной, предоставившей помощь своим центральноазиатским соседям, данные страны заинтересованы в дальнейшей диверсификации поставок вакцин, что демонстрирует их ориентированность на многовекторную внешнюю политику. В заключении делается вывод о краткосрочной эффективности «вакцинной дипломатии» с точки зрения возможности наращивания Россией «мягкосилового» потенциала в регионе.

Ключевые слова: мягкая сила, гуманитарное сотрудничество, борьба с пандемиями, Центральная Азия, Россия, КНР/

Для цитирования: Маслова К.В. «Мягкая сила» России в Центральной Азии в контексте борьбы с пандемией коронавируса: может ли «вакцинная дипломатия» завоевать «умы и сердца»? Постсоветские исследования. 2021;4(6):531–536.

Russia's "soft power" in Central Asia in the context of the fight against the coronavirus pandemic: is "vaccine diplomacy" able to win "hearts and minds"?

Ksenia V. Maslova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3118-1604>, e-mail: ks.v.maslova@my.mgimo.ru

Abstract: This paper aims to identify opportunities and limitations of international cooperation in the fight against pandemics for a country to strengthen its image. The study is carried out on the example of Russia's COVID-19 vaccines export to Central Asia. To this end, the phenomenon of "vaccine diplomacy" in world politics and international relations has been studied with a focus on its "soft power" value. The content and specific features of today's "vaccine diplomacy" are determined. The origins of this phenomenon can be traced back to the late 18th century when the first vaccine was invented and used as a diplomatic tool. It is emphasized the "vaccine diplomacy" was a positive phenomenon during the Cold War, forcing the development of international cooperation in the field of healthcare as an element of two superpowers rivalry as well as ensuring humanitarian benefits. Nowadays the "vaccine diplomacy" is argued to contain a larger confrontational component, which equates it with the practice of foreign "hybrid" (information) wars. A high level of commercialization of the vaccine market can be considered as another specific feature. This increases the importance of vaccine producers and the need to consider their interests. Further, the paper covers Russia's international activities in the supply of vaccines to Central Asia compared with China, which is actively increasing its "soft power" influence in the region, including in the form of "vaccine diplomacy". It is indicated that although Russia was the first country to deliver the vaccine aid to its Central Asian neighbors, these countries are interested in further diversification of their vaccine supplies, which reaffirms their adherence to the multifaceted foreign policy. It is concluded that "vaccine diplomacy" serves to obtain only the short-term results in terms of Russia's possible "soft power" gains in Central Asia.

Key words: soft power, humanitarian cooperation, fight against pandemics, Central Asia, Russia, China.

For citation: Maslova K.V. Russia's "soft power" in Central Asia in the context of the fight against the coronavirus pandemic: is "vaccine diplomacy" able to win "hearts and minds"? *Postsovietskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(6):531–536. (In Russ.)

Современная мировая политика имеет ярко выраженное гуманитарное измерение. Все большее значение в глобальном масштабе приобретают вопросы, непосредственно связанные с жизнью отдельного индивида, его благом, обеспечением его прав. Сегодня в условиях разразившейся эпидемии коронавируса одной из самых приоритетных гуманитарных задач является борьба с пандемией вируса COVID-19. В новом тысячелетии человечество уже неоднократно сталкивалось с угрозой опасных вирусных инфекций (лихорадка Ласса в Нигерии 2019 г., Зика в Латинской Америке 2015-2016 гг. и Эбола в Западной Африке 2014-2015 гг., коронавирус Ближневосточного респираторного синдрома 2012-2013 гг., птичий грипп 2012, 2005, 2003 гг. и свиной грипп 2009 г., атипичная пневмония 2002 г.). Однако именно эпидемия коронавируса COVID-19 приобрела по-настоящему глобальный характер и внесла вопросы борьбы с пандемиями в глобальную повестку дня. В связи с новым вызовом, повлекшим за собой мировой

экономический кризис, уже говорят о возможном новом экономическом и политическом переделе мира и переменах в числе мировых лидеров [Васильева, Цынарёва 2021]. Примером этой тенденции является феномен «вакцинной дипломатии» в период пандемии.

Россия активно наращивает международное сотрудничество в этой области, экспортируя свои вакцины в качестве гуманитарной помощи или же на коммерческой основе. Этот шаг рассматривается Москвой как большой дипломатический успех, который может позволить ей укрепить свое международное положение. В условиях глобальной конкуренции российские усилия, а также усилия некоторых других государств по производству и распространению в мире своих национальных вакцин против коронавирусной инфекции, обозначаемые термином «вакцинная дипломатия», рассматриваются как инструмент «мягкой силы». Возникает вопрос относительно возможностей «вакцинной дипломатии» укрепить международные позиции

России в долгосрочной перспективе. Особый интерес для рассмотрения представляет регион Центральной Азии (под которым, при всем многообразии определений, в настоящей работе понимается, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). В этих странах, имеющих стратегическое значение для России, все больше усиливается присутствие других внешних игроков, прежде всего, Китая, что позволяет им проводить многовекторную внешнюю политику и ослабляет влияние РФ в регионе.

«Вакцинная дипломатия»: истоки, определение, характерные черты нынешнего этапа развития

Термин «вакцинная дипломатия» не является изобретением сегодняшнего дня. Борьба с болезнями уже давно используется для наращивания «мягкосилового» влияния за рубежом. Возникновение этого явления можно проследить одновременно с изобретением первой вакцины. Британский ученый Эдвард Дженнер, снискавший мировую известность благодаря открытию в 1798 г. вакцины против оспы, во время наполеоновских войн между Англией и Францией был призван на дипломатическую службу и вел переговоры с французской стороной по поводу освобождения заключенных [Vazin H. 2000]. «Вакцинная дипломатия» активно разворачивалась во время «холодной войны»: с ее помощью сверхдержавы демонстрировали влияние через свои научные достижения и репутацию. Совместными усилиями советских и американских ученых была разработана вакцина против полиомиелита [Swanson 2012], советской стороной была инициирована, а американской профинансирована глобальная кампания по ликвидации оспы [Hotez 2001].

Явление «вакцинной дипломатии» впервые было концептуально оформлено в работах американского ученого-медика Питера

Дж. Хотеза, который считал его одним из направлений дипломатии в области глобального здравоохранения и относил к данной практике любую деятельность по производству, доставке и использованию вакцин [Hotez 2001]. Исследователь обращал внимание на позитивный эффект «вакцинной дипломатии» (когда соперничество между державами давало стимул сотрудничеству в сфере здравоохранения), а также ее гуманитарное значение (практика прекращения военных действий и даже прекращения огня во время проведения вакцинации) [Hotez 2001].

«Вакцинная дипломатия» сегодня имеет ряд отличительных черт. Если раньше она относилась, преимущественно, к ситуациям сотрудничества (совместная разработка вакцин учеными из разных стран), то рассматриваемое явление в его нынешнем формате имеет больше элементов противоборства. Это находит выражение, в частности, в проведении информационных кампаний по дискредитации одних и поддержке других производителей вакцин.¹ В современном мире социально-гуманитарные ресурсы становятся инструментом внешнеполитической борьбы [Лебедева, Рустамова 2018: 120]. Акцент на жесткое информационное воздействие, глобальное информационное присутствие позволяет рассматривать вакцинную «дипломатию» как инструмент «гибридных» (информационных) войн.

Другой деструктивный аспект современной «вакцинной дипломатии» связан с коммерциализацией рынка вакцин, в частности. Производство и поставка вакцин – огромный бизнес с многомиллиардным оборотом средств. В 2019 г. мировой рынок вакцин оценивался в 390 млрд долларов США. Минимальные оценки объема будущего рынка вакцин от коронавируса - 10 млрд долл. в год.² Все это приводит к тому, что современная «вакцинная дипломатия» определяется

¹ См., напр., Rettman A. Four deaths after taking Russian Sputnik V vaccine [Электронный ресурс] // EU Observer. - 09 Apr 2021 г.. - 25 May 2021 г.. - <https://euobserver.com/world/151483>; Collis H. и Martuscelli C. Russia's 'geopolitical' vaccine: Is Sputnik too good to be true? [Электронный ресурс] // Politico. - 17 February 2021 г.. - 25 May 2021 г.. - <https://www.politico.eu/article/russia-sputnik-geopolitical-coronavirus-vaccine/>; ЮАР отложила вакцинацию препаратом AstraZeneca после данных о

низкой эффективности [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. - 08 Февраль 2021 г.. - Дата обращения: 25.05.2021 - <https://www.kommersant.ru/doc/4681714>.

² Kollwe J. Future market for Covid vaccines 'could be worth more than \$10bn a year' [Электронный ресурс] // The Guardian. - 05 Nov 2020 г.. - 25 May 2021 г.. - <https://www.theguardian.com/business/2020/nov/05/future-market-for-covid-vaccines-could-be-worth-more-than-10bn-a-year>.

не только внешнеполитическими интересами государств, но и коммерческими интересами крупнейших фармацевтических компаний – производителей вакцин. Несмотря на нехватку вакцин в развивающихся странах, призывы ВОЗ признать всеобщий доступ к вакцине от коронавируса мировым общественным благом и поделиться интеллектуальной собственностью, чтобы можно было производить больше доз и сделать вакцину общедоступной, некоторые производители вакцин отказываются открывать дополнительные производства в других странах и передавать свои технологии. Такие компании как Pfizer и Moderna даже в период пандемии предоставляют свои вакцины исключительно на коммерческой основе. Подобное развитие сигнализирует о дальнейшей трансформации и «приватизации» внешнеполитической сферы и дипломатии. Дипломатия реализуется не только дипломатами, но и крупнейшими профильными компаниями, и даже отдельными специалистами в конкретных областях [Kickbusch, Silberschmidt, Buss 2007: 230]. Достижение победы над распространением вируса становится невозможным без согласования усилий с данными категориями участников, что повышает их значимость в глобальном масштабе.

Международные усилия по борьбе с пандемией коронавируса в Центральной Азии

Россия создала обширную сеть сотрудничества по поставкам и производству своих вакцин в Центральной Азии. Готовность российской стороны осуществить поставки и технологический трансфер вакцин другим странам, причем преимущественно на безвозмездной основе, резко отличается от политики некоторых других стран – производителей, нацеленных, в первую очередь, на вакцинирование собственного населения. Решая проблему неравенства в отношении межстранового распределения вакцин, делая их более доступными для развивающихся стран, Москва открывает перед собой определенные «мягкосиловые» возможности.

Еще до начала мировой пандемии в России разрабатывались стратегии по использованию сотрудничества в сфере

здравоохранения для усиления своих международных позиций и улучшения своего имиджа среди элит и населения других стран [Караганов 2020: 92]. Помощь наименее защищенным странам со слабыми системами здравоохранения в борьбе с болезнями, а также продвижение российского научного потенциала в сфере здоровья стали рассматриваться в качестве одной из составляющих российской новой внешнеполитической идентичности [Караганов 2020: 92]. Одним из приоритетных регионов осуществления данной деятельности остается Центральная Азия, имеющая для России важное стратегическое значение.

Применительно к центральноазиатскому региону «вакцинная дипломатия» разворачивается, главным образом, между Россией и Китаем. Российская вакцина первой появилась в центральноазиатских странах. По состоянию на конец мая 2021 г., российская вакцина «Спутник V» одобрена к применению и уже поставляется в Казахстан, Киргизию, Туркменистан и Узбекистан, прямая поставка вакцины обсуждается и с таджикской стороной (до настоящего момента Таджикистан получал производимые в Индии вакцины AstraZeneca в качестве гуманитарной помощи по линии COVAX). В Туркменистане также получила одобрение другая российская вакцина «ЭпиВакКорона». С конца 2020 г. производство российской вакцины началось в Казахстане, возможность производства «Спутника V» рассматривается и в Узбекистане.

Помимо российских вакцин на центральноазиатском рынке присутствуют и другие игроки, прежде всего, КНР. Вакцины китайской SinoPharm были направлены в Киргизию и Казахстан; Узбекистан является единственной страной за пределами «Поднебесной» использующей китайскую вакцину «RBD-Dimer». В Таджикистане также намерены зарегистрировать китайскую CoronaVac. Наряду со «Спутником V» Узбекистан реализует шведско-британскую вакцину Oxford/AstraZeneca. Казахстан также проводит переговоры о поставке вакцин с американским производителем Pfizer.

Согласно данным февральского опроса исследовательского института Central Asia Barometer, большинство граждан рассматриваемых стран высказали мнение, что Россия лучше остальных стран способна помочь им в борьбе с коронавирусом. В Казахстане 51,6% граждан, 57,8% в Узбекистане и 75,5% граждан в Киргизии заявили, что лучше всего их странам может помочь Россия. Почти 20% респондентов в Казахстане, 14% в Узбекистане и 7,5% в Кыргызстане считают, что лучше всего сможет помочь их странам Китай¹. При этом, старшее поколение, в большей степени, чем молодые люди склонны рассматривать Россию как страну, способную оказать помощь их странам в борьбе с ковидом. Молодежь составляет большинство из тех, кто ожидает поддержку от других стран (Китай, США, др.).

Центральная Азия, таким образом, продолжает ориентироваться в первую очередь – хотя и не исключительно – на Россию. Стремление правительств данных стран к диверсификации производителей вакцин в очередной раз наглядно демонстрирует их приверженность принципу многовекторности во внешней политике. Примечательно, что даже ситуация вокруг вакцинации демонстрирует малочисленность в сопредельных государствах пророссийски ориентированной молодежи, не разделяющих общих с Россией ценностей, что актуализирует проблему выстраивания отношений с будущим поколением лидеров в регионе.

Заключение

«Вакцинная дипломатия», в том или ином ее проявлении всегда имевшая место в международных отношениях, становится сегодня внешнеполитическим инструментом в попытках государств усилить свои позиции в перестраивающемся под воздействием пандемии мировом порядке.

Россия активно наращивает свои усилия в данном направлении, что содействует продвижению ее гуманистического образа зарубежом как спасителя развивающихся стран от пандемии. Международные поставки вакцины могут рассматриваться в качестве

инструмента по улучшению глобального имиджа России и завоеванию поддержки среди населения, особенно в Центральной Азии, где ее часто критикуют за поведение «старшего брата». Путем формирования у иностранной общественности позитивного восприятия Москвы за счет оказания гуманитарной помощи правительствам соседних стран Россия намеревается в том числе противодействовать значительному влиянию Китая в регионе. С учетом того, что для защиты населения от повторных волн COVID-19 может потребоваться проведение вакцинации на ежегодной основе, это потенциально может поставить страны региона в зависимость от регулярных поставок вакцин и дополнительно укрепить позиции стран – производителей.

Насколько эффективной будет «вакцинная дипломатия» и будет ли она способствовать интересам России? Признавая за Россией ее возросшее значение в глобальном масштабе за счет ее усилий в борьбе с пандемией, стоит отметить, что положительное влияние подобных жестов доброй воли является быстро преходящим. Прочные связи между странами не могут выстраиваться исключительно на основе чувства признательности. Хотя в 1950-х гг. СССР оказал существенную помощь Китаю в его экономическом становлении и развитии, это не привело к установлению дружественных отношений в долгосрочной перспективе. Уже в конце 1950-х гг. между СССР и КНР начался дипломатический конфликт, приведший к приграничным военным столкновениям.

Гуманитарная помощь и особенно информационное воздействие ориентированы, главным образом, на решение краткосрочных задач [Лебедева, Рустамова 2018: 121]. И это отличает «вакцинную дипломатию», имеющую положительный эффект лишь в ближайшем обозримом будущем, от «мягкой силы», действующей незримо, неосознано и – за счет ненавязчивости и глубины своего влияния – позволяющей закрепить результат в долгосрочной перспективе.

¹ Where the Central Asians expect the Aid coming from in Order to handle the COVID-19 Crisis? [Электронный ресурс] // Central Asia Barometer. - 02 Февраль 2021 г.. - Дата обращения: 22.05.2021г.. - [https://ca-](https://ca-barometer.org/en/news/where-the-central-asians-expect-the-aid-coming-from-in-order-to-handle-the-covid-19-crisis)

[barometer.org/en/news/where-the-central-asians-expect-the-aid-coming-from-in-order-to-handle-the-covid-19-crisis](https://ca-barometer.org/en/news/where-the-central-asians-expect-the-aid-coming-from-in-order-to-handle-the-covid-19-crisis).

«Мягкая сила» России в Центральной Азии в контексте борьбы с пандемией коронавируса: может ли «вакцинная дипломатия» завоевать «умы и сердца»?

Российская «вакцинная дипломатия» вряд ли сама по себе способна укрепить отношения с центральноазиатскими соседями. Тем не менее, ее можно рассматривать как шаг в правильном направлении, и, если за ней последует более гибкая политика, это

может способствовать тому, что Россия будет воспринимать в соседних странах как более благожелательный партнер. Это могло бы приглушить пропаганду антироссийских сил в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильева Е.Н., Цынарёва Н.А.* Современная система международных отношений в период пандемии: тенденции и трансформации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология, 2021. № 1 (68). С. 199-204.
- Караганов С.А.* [и др.] Защита мира, земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России [Доклад] / М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 92.
- Лебедева М.М., Рустамова Л.Р.* Трансформация социально-гуманитарной сферы мировой политики: последствия для России // Вестник МГИМО-У, 2018. № 5 (62). С. 114-130.
- Bazin H.* The Eradication of Smallpox: Edward Jenner and the First and Only Eradication of a Human Infectious Disease. New York: Academic Press, 2000. 246 p.
- Henderson D.A.* Smallpox: the death of a disease. Amherst (New York): Prometheus Books, 2009. 334 p.
- Hotez P.J.* Vaccine diplomacy // Foreign Policy, May-June 2001. № 124. P. 68–69.
- Kickbusch I., Silberschmidt G. u Buss P.* Global health diplomacy: the need for new perspectives, strategic approaches and skills in global health // Bulletin of the World Health Organisation, 2007. № 85. P. 230-232.
- Swanson W.* Birth of a cold war vaccine // Scientific American, 2012. Vol. 306. № 4. P. 66–69.

REFERENCES

- Vasil'eva E.N., Cynaryova N.A.* Sovremennaya sistema mezhdunarodnyh otnoshenij v period pandemii: tendencii i transformacii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, 2021. № 1 (68). S. 199-204.
- Karaganov S.A. [i dr.]* Zashchita mira, zemli, svobody vybora dlya vsekh stran: Novye idei dlya vneshnej politiki Rossii [Doklad] / M.: NIU VSHE, 2020. S. 92.
- Lebedeva M.M., Rustamova L.R.* Transformaciya social'no-gumanitarnoj sfery mirovoj politiki: posledstviya dlya Rossii // Vestnik MGIMO-U, 2018. № 5 (62). S. 114-130.
- Bazin H.* The Eradication of Smallpox: Edward Jenner and the First and Only Eradication of a Human Infectious Disease. New York: Academic Press, 2000. 246 p.
- Henderson D.A.* Smallpox: the death of a disease. Amherst (New York): Prometheus Books, 2009. 334 p.
- Hotez P.J.* Vaccine diplomacy // Foreign Policy, May-June 2001. № 124. P. 68–69.
- Kickbusch I., Silberschmidt G. i Buss P.* Global health diplomacy: the need for new perspectives, strategic approaches and skills in global health // Bulletin of the World Health Organisation, 2007. № 85. P. 230-232.
- Swanson W.* Birth of a cold war vaccine // Scientific American, 2012. Vol. 306. № 4. P. 66–69.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслова Ксения Валерьевна, аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России. Москва, Россия. E-mail: ks.v.maslova@my.mgimo.ru

Ksenia V. Maslova, postgraduate student of the Department of World Political Processes of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow, Russia. E-mail: ks.v.maslova@my.mgimo.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Поздравление от редакционной коллегии журнала «Постсоветские исследования» в связи с включением его в список ВАК РФ

Уважаемые авторы! Дорогие друзья! Редакционная коллегия Журнала «Постсоветские исследования» сердечно поздравляет всех вас с событием, которое можно без преувеличения назвать эпохальным для нашего Журнала! 13 сентября 2021 г. Экспертным советом ВАК РФ по историческим, а 16 сентября 2021 г. Экспертным советом ВАК РФ по политическим наукам были приняты решения о включении нашего журнала в Перечень ВАК РФ — перечень ведущих рецензируемых научных журналов, включённых Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание учёной степени кандидата и доктора наук.

Это наша общая, равная и объединяющая Победа, вклад в которую внес каждый из вас! Любой автор, приславший публикацию с момента выхода в свет 10 января 2018 г. Первого номера Журнала по 16 сентября 2021; любой научный руководитель, публиковавшийся в соавторстве со своими студентами; любой студент магистратуры или аспирант, подготовивший и опубликовавший свое исследование на «электронных страницах» нашего Журнала, — каждый из вас вправе сегодня сказать: это Я поднял Журнал на новую академическую высоту! Члены редколлегии хотели бы отдельно поблагодарить за систематическое участие в публикационной работе Журнала наших уважаемых зарубежных авторов, большинство из которых как раз и представляют регион изучения!

Дорогие авторы! Редакционная коллегия искренне благодарит вас за проделанную работу и приглашает к продолжению и расширению публикационного сотрудничества с нашим изданием, благодаря вам находящимся теперь в ином академическом статусе! Желаем вам отличного настроения, научных успехов и плодотворной творческой работы!

С уважением,
Редакционная коллегия
журнала «Постсоветские исследования»